Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Центр корейских исследований

РОССИЯ И КОРЕЯ:
ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ

Тезисы и доклады
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 10–11 октября 2020 г.

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2020

УДК 327(470:519)
ББК Ф4(2)9(5Ко)
Р76

Издано при финансовой поддержке Корейского Фонда (Korea Foundation) в рамках проекта «Создание Центра корейских исследований в Иркутском государственном университете»

This work was supported by the Korea Foundation within the framework of the grant project «Creation of the Center for Korean Studies at the Irkutsk State University»

Ответственный редактор
К. В. Иванов

Р76 **Россия** и Корея: взгляд из Сибири : тезисы и доклады Международной научно-практической конференции. Иркутск, 10–11 октября 2020 г. / [отв. ред. К. В. Иванов] ; ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 130 с.
ISBN 978-5-9624-1861-2

В докладах рассмотрены актуальные проблемы российско-корейских отношений, проблемы политики, экономики, истории и культуры Кореи.

Предназначено для специалистов, интересующихся проблемами развития корееведения в России, студентов, аспирантов и широкого круга читателей.

УДК 327(470:519)
ББК Ф4(2)9(5Ко)

Научное издание

РОССИЯ И КОРЕЯ: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ

Тезисы и доклады Международной научно-практической конференции
Иркутск, 10–11 октября 2020 г.

Материалы публикуются в авторской редакции
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*
Подписано в печать 07.10.2020. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 7,2. Усл. печ. л. 8,1. Тираж 100 экз. Заказ 101
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

ISBN 978-5-9624-1861-2
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Программа конференции 7

От редактора 12

СЕКЦИЯ 1 «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКА»

Воронцов А. В. Национальные особенности корейской нации, поспособствовавшие успеху борьбы против COVID-19 14

Захарова Л. В. Российско-северокорейские экономические отношения после ужесточения санкций СБ ООН 19

Иванов К. В. 2020 год в российско-корейских отношениях: социально-экономический аспект 23

Курбанов С. О. К вопросу длительности истории отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея: 28, 30 или 136 лет? 27

Олейников И. В. Россия и Республика Корея: риски и шансы субнационального сотрудничества на современном этапе (на примере регионов Сибири) 32

Цой И. В. , Зайнуллина П. И. Культура как направление реализации стратегий мягкой силы Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея» 36

СЕКЦИЯ 2 «ИСТОРИЯ»

Акуленко В. С. Образ России и русских в «Реальных записях правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок) 40

Иванов А. Ю. Россия и Корея: история позитивных взаимоотношений 44

Ким Е. У. 30 лет стратегии достижения цели дипломатических отношений России и Республики Корея: состояние и перспективы 49

Ким Н. Н. Временное правительство Республики Корея в поисках сотрудничества с Советской Россией 1920–1922-е гг. 52

Козлов Л. Е. Дипломатический статус королевства Чосон в период установления отношений с Россией 57

Кузьмин Ю. В. Профессор Юрий Михайлович Бутин – военный переводчик, кореевед, экономист и историк 62

СЕКЦИЯ 3 «ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО»

Асмолов К. В. Мифы и фальшивые новости вокруг трагедии парома «Севоль» 71

Вишнякова В. В. Формирование информационно-коммуникативного пространства России и Республики Корея (1990–2020 гг.) 76

Guryeva A. The First Korean Popular Journal Publication on Peter the Great (1908): Characteristics of the Source 81

Колодина Е. А., Скворцова Е. А. Организационные и методические аспекты международного сотрудничества России и Кореи в области медицины и здравоохранения 83

Строганова И. Б. О некоторых особенностях корейской корпоративной культуры в настоящее время 87

Шорников Д. В. Некоторые аспекты сравнительно-правового анализа Гражданского кодекса Республики Корея и Гражданского кодекса Российской Федерации 95

СЕКЦИЯ 4 «КУЛЬТУРА»

Алкин С. В. Первые десятилетия российско-корейского сотрудничества в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова: причины, направления, проблемы и результаты 100

Ден А. Обучение корейскому языку в Российской Федерации как показатель развития российско-корейских отношений 104

Кан Сугён. Перевод русской литературы на корейский язык поэтом Пэк Соком: взгляд на север 108

Кий Е. А. Эрмитаж и система корейских национальных музеев: осуществленные и неосуществившиеся проекты сотрудничества 112

Ким Тхэджин. О необходимости проведения в Республике Корея исследования фестивалей этнических (национальных) меньшинств российского заполярья как феномена «синей культуры» 115

Кондратьева Е. Н. Первые корейские переселенцы на Дальнем Востоке и возникновение «неправильных» корейских имен: лингвистический анализ 120

Ли Е. В., Орсоева А. А. Культурный национализм в Республике Корея как фактор консолидации общества и развития государства 122

Солдатова М. В. Литературные связи России с корейскими государствами 127

Han Seung Hee. A Study on Jo Gi-cheon – Focusing on the Life of the Person 129

CONTENTS

Conference Program 7
From the Editor 12

SECTION 2 “INTERNATIONAL RELATIONS AND POLITICS”

Vorontsov A. The Korean National Traditions that Helped to Overcome COVID-19 14
Zakharova L. Russia – North Korea Economic Relations under Tough UNSC Sanctions 19
Ivanov K. 2020 in Russian-Korean Relations: Socio-Economic Aspect 23
Kurbanov S. How Long is the History of Relations between the Russian Federation and the Republic of Korea: 28, 30 or 136 Years? 27
Oleynikov I. Russia and Republic of Korea: the Risks and Chances of Subnational Cooperation at the Present (on the Example of the Siberia Regions) 32
Tsoy I., Zaynullina P. Culture as a Direction of Implementation of the Soft Power Strategy of the Republic of Korea on the Example of the “Korea-Russia Dialogue” (KRD) 36

SECTION 2 “HISTORY”

Akulenko V. Image of Russia and Russians in the Veritable Records of the Joseon Dynasty (Joseon Wangjo Sillok) 40
Ivanov A. Russia and Korea: a History of Positive Relationships 44
Kim E. 30 years of Strategy for Achieving the Goal of Diplomatic Relations between Russia and the Republic of Korea: State and Prospects 49
Kim N. Provisional Government of the Republic of Korea in Search of Cooperation with Soviet Russia 1920–1922s. 52
Kozlov L. Diplomatic Status of the Kingdom of Joseon During the Establishment of Relations with Russia 57
Kuzmin Y. Professor Yuri Mikhailovich Butin – Military Translator, Korean Scholar, Economist and Historian 62

SECTION 3 “POLITICS AND SOCIETY”

Asmolov K. Myths and Fake News around the Sewol Ferry Tragedy 71
Vishnyakova V. The Development of the Information and Communication Space of Russia and the Republic of Korea (1990–2020) 76
Guryeva A. The First Korean Popular Journal Publication on Peter the Great (1908): Characteristics of the Source 81
Kolodina E., Skvortsova E. Organizational and Methodological Aspects of International Cooperation between Russia and Korea in the Field of Medicine and Healthcare 83
Stroganova I. About Some Peculiarities of Korean Corporate Culture Nowadays 87
Shornikov D. The Korean and Russian Civil Codes: Some aspects of the Comparative Legal Analysis 95

SECTION 4 “CULTURE”

Alkin S. The first Decades of Russian-Korean Cooperation in the Study of Archaeology of Siberia and the Korean Peninsula: Causes, Directions, Problems and Results 100
Den A. Teaching Korean Language in Russian Federation as an Indicator of Development of the Russian-Korean Relations 104
Kang Sukyung. Translations of Russian Literature into Korean by the Poet Baek Sok: Looking North 108
Kiy E. The State Hermitage Museum and the System of National Museums in Korea: Accomplished and Unfulfilled Cooperation Projects 112
Kim Tae Jin. The Need to Conduct Research in the Republic of Korea on Festivals of Ethnic (National) Minorities in the Russian Arctic as a Phenomenon of “Blue Culture” 115
Kondratyeva E. The First Korean Migrants in the Far East and the “Wrong” Korean Names: a Linguistic Analysis 120
Li E., Orsoeva A. Cultural Nationalism in the Republic of Korea as a Factor of the Social Cohesion and Country Development 122
Soldatova M. Literary Relations between Russia and the Korean States 127
Han Seung Hee. A Study on Jo Gi-cheon – Focusing on the Life of the Person 129

ПРОГРАММА

Международной научно-практической конференции
«РОССИЯ И КОРЕЯ: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ»

10–11 октября 2020 г.

Иркутский государственный университет
Центр корейских исследований
при содействии Корейского Фонда (KF)

Организаторы конференции:
Центр корейских исследований Иркутского государственного университета

Спонсор конференции:
Корейский Фонд (Korea Foundation), Республика Корея

Место проведения:
Россия, г. Иркутск, Иркутский государственный университет

Время проведения:
10–11 октября 2020 г.

Организационный комитет:
Иванов Константин Владимирович, руководитель Центра корейских исследований ИГУ, начальник НИЧ ИГУ, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ.
Колодина Евгения Анатольевна, заведующая кафедрой восточных языков МИЭЛ ИГУ
Ли Екатерина Вадимовна, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ
Олейников Илья Васильевич, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ИГУ
Шорников Дмитрий Владимирович, директор НИИ правовой охраны Байкала ИГУ, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения Юридического института ИГУ

---

9 октября (пятница)
Заезд участников конференции

---

10 октября (суббота)
9.00–9.30 Регистрация участников

9.30–10.00 **Открытие семинара**

Приветственное слово:

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович, проректор по научной работе и международной деятельности ИГУ
г-н **КИМ Се Ун**, Генеральный Консул Республики Корея в г. Иркутске
г-н **ИМ Чхоль У**, Директор Московского офиса Корейского Фонда
ИВАНОВ Константин Владимирович, руководитель Центра корейских исследований ИГУ

10:00–11:30

СЕКЦИЯ 1 «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКА»

КУРБАНОВ Сергей Олегович (СПбГУ, РГПУ им А. И. Герцена, Санкт-Петербург)
«К вопросу о начале отсчета истории отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея: 28, 30, 95 или 136 лет?»

ЗАХАРОВА Людмила Владимировна (ИДВ РАН, Москва)
«Российско-северокорейские экономические отношения после ужесточения санкций СБ ООН»

ЦОЙ Инна Валериантовна, ЗАЙНУЛЛИНА Полина Игоревна (СПбГУ, Санкт-Петербург)
«Культура как направление реализации стратегий мягкой силы Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея»»

ВОРОНЦОВ Александр Валентинович (Институт востоковедения РАН, МГИМО, Москва)
«Национальные особенности корейской нации, проявившиеся в ходе борьбы против COVID-19»

ИВАНОВ Константин Владимирович (ИГУ, Иркутск)
«2020 год в российско-корейских отношениях: социально-экономический аспект»

ОЛЕЙНИКОВ Илья Васильевич (ИГУ, Иркутск)
«Россия и Республика Корея: риски и шансы субнационального сотрудничества на современном этапе (на примере регионов Сибири)»

11:50–13:20

СЕКЦИЯ 2 «ИСТОРИЯ»

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич (ДВФУ, Владивосток)

«Дипломатический статус королевства Чосон в период установления отношений с Россией»

АКУЛЕНКО Вадим Сергеевич (ДВФУ, Владивосток)

«Образ России и русских в «Реальных записях правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок)»

ИВАНОВ Александр Юрьевич (ТОГУ, Хабаровск)

«Россия и Корея: история позитивных взаимоотношений»

КИМ Наталья Николаевна (НИУ ВШЭ, Москва)

«Временное правительство Республики Корея в поисках сотрудничества с Советской Россией в 1920–1922-е гг. »

КУЗЬМИН Юрий Васильевич (БГУ, Иркутск)

«Профессор Юрий Михайлович Бутин – военный переводчик, кореевед, экономист и историк»

КИМ Ен Ун (ИДВ РАН, Москва)

«30 лет стратегии достижения цели дипломатических отношений России и Республики Корея: состояние и перспективы»

15:00–16:30

СЕКЦИЯ 3 «ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО»

АСМОЛОВ Константин Валерианович (ИДВ РАН, Москва)

«Мифы и фальшивые новости вокруг трагедии парома «Севоль»»

ШОРНИКОВ Дмитрий Владимирович (ИГУ, Иркутск)

«Некоторые аспекты сравнительно-правового анализа Гражданского кодекса Республики Корея и Гражданского кодекса Российской Федерации»

КОЛОДИНА Евгения Анатольевна, СКВОРЦОВА Екатерина Александровна (ИГУ, Иркутск)

«Организационные и методические аспекты международного сотрудничества России и Кореи в области медицины и здравоохранения»

СТРОГАНОВА Ирина Борисовна (Хёндэ Мотор Мануфактуринг Рус; Санкт-Петербург)

«О некоторых особенностях корейской корпоративной культуры в настоящее время»

ВИШНЯКОВА Вера Владимировна (НИУ ВШЭ, Москва)

«Формирование информационно-коммуникативного пространства России и Республики Корея (1990–2020 гг.)»

ГУРЬЕВА Анастасия Александровна (СПбГУ, Санкт-Петербург)

The First Korean Popular Journal Publication on Peter the Great (1908): Characteristics of the Source

11 октября (воскресенье)

09:00–11:35

СЕКЦИЯ 4 «КУЛЬТУРА»

КОНДРАТЬЕВА Елена Николаевна (ИСАА МГУ; НИУ ВШЭ, Москва)

«Первые корейские переселенцы на Дальнем Востоке и возникновение «неправильных» корейских имен: лингвистический анализ»

СОЛДАТОВА Мария Васильевна (ВУМО, РГГУ, Москва)

«Литературные связи России с корейскими государствами»

КИЙ Евгений Александрович (Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург)

«Эрмитаж и система корейских национальных музеев: осуществленные и неосуществившиеся проекты сотрудничества»

ДЕН Анна (РГПУ им. А. И. Герцена; Санкт-Петербург)

«Обучение корейскому языку в Российской Федерации как показатель развития российско-корейских отношений»

КАН Сугён (KANG Sukyung) (Пусанский национальный университет, Республика Корея)

«Перевод русской литературы на корейский язык поэтом Пэк Сок: взгляд на Север»

ХАН Сынхи (HAN Seung Hee) (Национальный институт корейского языка, Сеул, Республика Корея)

A Study on Jo Gi-cheon – Focusing on the life of the person

АЛКИН Сергей Владимирович (НГУ, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск)

«Первые десятилетия российско-корейского сотрудничества в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова: причины, направления, проблемы и результаты»

ЛИ Екатерина Вадимовна, ОРСОЕВА Аюна Александровна (ИГУ, Иркутск)

«Культурный национализм в Республике Корея как фактор консолидации общества и развития государства»

КИМ Тхэджин (KIM Tae Jin) (Университет Пэджэ, Тэджон, Республика Корея)

«О необходимости проведения в Республике Корея исследования фестивалей этнических (национальных) меньшинств российского заполярья как феномена «синей культуры»»

---

12 октября (понедельник)

Отъезд участников конференции

ОТ РЕДАКТОРА

10–11 октября 2020 г. в Иркутском государственном университете состоялась первая Международная научно-практическая конференция «Россия и Корея: взгляд из Сибири», организованная при поддержке Корейского Фонда (Korea Foundation, Республика Корея) Центром корейских исследований ИГУ, созданном в начале 2020 г. Конференция приурочена к 30-летию установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея, что определило центральную тему большинства докладов – различные аспекты российско-корейских отношений.

В работе конференции приняли участие представители ряда российских (Иркутский государственный университет; Московский государственный университет; НИУ «Высшая школа экономики»; Военный университет Министерства обороны РФ; Санкт-Петербургский государственный университет; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Новосибирский государственный университет; Байкальский государственный университет; Тихоокеанский государственный университет; Дальневосточный федеральный университет) и зарубежных вузов (Пусанский национальный университет; Университет Пэджэ), российских (Институт Дальнего Востока РАН; Институт востоковедения РАН; Государственный Эрмитаж) и зарубежных (Национальный институт корейского языка) научно-исследовательских и коммерческих (Хёндэ Мотор Мануфактуринг Рус) организаций.

В ходе конференции работа велась в четырех секциях: «Международные отношения и политика», «Политика и общество», «История» и «Культура». В конференции приняли участие 30 докладчиков, часть из которых выступала дистанционно, посредством видеоконференцсвязи.

В ходе заседания секции «Международные отношения и политика» было представлено 6 докладов, преимущественно касающихся политических и экономических аспектов российско-корейских отношений (С. О. Курбанов, СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена; Л. В. Захарова, ИДВ РАН; И. В. Цой, П. И. Зайнуллина, СПбГУ; А. В. Воронцов, ИВ РАН, МГИМО; К. В. Иванов, ИГУ; И. В. Олейников, ИГУ).

В секции «История» было также представлено 6 докладов, которые осветили историческую сторону российско-корейских отношений различных эпох (Л. Е. Козлов, ДВФУ; В. С. Акуленко, ДВФУ; А. Ю. Иванов, ТОГУ; Н. Н. Ким, НИУ ВШЭ; Ю. В. Кузьмин, БГУ; Е. У. Ким, ИДВ РАН).

Широкий спектр вопросов был охвачен 6 докладами в рамках секции «Политика и общество» (К. В. Асмолов, ИДВ РАН; Д. В. Шорников, ИГУ; Е. А. Колодина, Е. А. Скворцова, ИГУ; И. Б. Строганова, Хёндэ Мотор Мануфактуринг Рус; В. В. Вишнякова, НИУ ВШЭ; А. А. Гурьева, СПбГУ) – от проведения сравнительного анализа Гражданских кодексов России и Республики Корея до современной корейской корпоративной культуры.

Наиболее представительной была секция «Культура» с 9 докладами, затрагивающими преимущественно лингвистические и литературные аспекты российско-корейских связей (Е. Н. Кондратьева, ИСАА МГУ, НИУ ВШЭ; М. В. Солдатова, ВУМО; Е. А. Кий, Государственный Эрмитаж; Анна Ден, РГПУ им А. И. Герцена; Кан Сугён, Пусанский национальный университет; Хан Сынхи, Национальный институт корейского языка; С. В. Алкин, НГУ; Е. В. Ли, А. А. Орсоева, ИГУ; Ким Тхэджин, Университет Пэджэ).

Участники и организаторы конференции единодушно выразили надежду на дальнейшее регулярное проведение в Иркутском государственном университете аналогичных конференций, посвященных социально-экономическим, историческим и культурным аспектам российско-корейских отношений и корееведения в целом.

К. В. Иванов,
руководитель Центра корейских исследований,
начальник научно-исследовательской части,
доцент кафедры мировой истории
и международных отношений
исторического факультета ИГУ

Секция 1
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКА

УДК 327

Национальные особенности корейской нации, поспособствовавшие успеху борьбы против COVID-19

А. В. Воронцов

Институт востоковедения РАН,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия

Аннотация. Делается попытка выявить наиболее действенные пути, помогшие народу Корейского полуострова быстро остановить COVID-19 в первой половине 2020 г. Автор приходит к выводу, что спасли корейцев от пандемии коронавируса давно и глубоко усвоенные корни конфуцианского самосознания.

Ключевые слова: Корейский полуостров, конфуцианство, корейская традиция, COVID-19.

Завершение активной первой фазы пандемии COVID-19, естественно, запустило процесс не только медицинского, но и ее углубленного, всестороннего изучения. Используются различные, в том числе и достаточно экзотичные, на первый взгляд, методы определения большей или меньшей восприимчивости коронавируса к группам людей различной расы, национальности, группы крови и т. д.

На наш взгляд, на этом фоне гораздо более логичным представляется концентрация усилий международного научного сотрудничества на осмыслении причин возникновения заболевания, характера протекания и последствий в регионе, принявшим первым удар данного массового бедствия, более или менее успешно справившимся с ним и главное – накопившим наиболее богатый эмпирический материал об этой страшной болезни.

Естественно, мы имеем в виду регион Китая и ближайших к нему соседних стран, прежде всего, Корейского полуострова.

При этом возможно, не все достаточно подготовленные читатели в полной мере осознают принадлежность вышеперечисленных стран к особому типу культуры, называемому конфуцианской цивилизацией. Многие социально-классовые процессы, а в последние десятилетия «успехи» современной ускоренной и массированной глобализации порой так видоизменили соседние, даже исторически родственные страны, что их общественно-политические и социально экономические системы, формы политической культуры, в том числе практика реализации власти, выглядят настолько различными, часто антагонистичными и полярными, что их неутраченная до сих пор глубинная близость для обывателя вообще никак не просматривается.

Мы ведем в данном случае речь о КНДР и РК, в отношении которых мир признал успехи в борьбе с COVID-19. Хотя практические шаги, манера общения с населением (внутренним и иностранным), задействованные средства реагирования в борьбе с малоизвестной болезнью в первой половине 2020 г. внешне нередко настолько контрастировали, что ряд специалистов в мире с полной уверенностью утверждают сейчас, что Пхеньян и Сеул продемонстрировали мировому сообществу два альтернативных, практически не совместимых между собой подхода к решению одинаковой сложной проблемы.

Мы же в данной статье своей целью видим задачу показать неточность и даже обманчивость такого поверхностного впечатления. Доказать не просто наличие, но и действенность, высокую эффективность коренных факторов, конфуцианского самосознания корейской нации, вновь проявившиеся сегодня, естественно, в сильно отличающихся друг от друга формах.

Не удивительно, что в вопросах, связанных с компаративистским анализом Севера и Юга Кореи, всегда было и будет много попыток порой крайней идеологизированных и политизированных подходов, стремления доказать несовместимость и антагонизм опыта политических систем, особенности путей их борьбы, строительств собственных обществ и т. д., для чего, конечно, имеются существенные объективные основания.

Но фундаментальным, рельефно просматривающимся фактором в этой глобальной, драматической истории до сих пор нам видится другое.

Трудно возразить против фактов истории, а также реальной истинности сегодняшних результатов.

В рассматриваемом явлении мы вновь находим очевидный пример единства противоположностей.

Феноменальный результат, достигнутый корейским народом, оградившим себя от великой беды, во многом уникален, но в главной

своей историко-философской основе, коренится в единых национально-географических, историко-традиционных, этнопсихологических кодах.

Уверен, что у высказываемого автором суждения найдется немало оппонентов. Тем не менее постараюсь обосновать основные его постулаты.

Выражаясь максимально упрощенно и лаконично, невозможно не подчеркнуть, что конечно, наряду с мерами властей, усилиями медицины важнейшую роль в спасении корейцев в 2020 г. от угрозы COVID-19 сыграли давно, глубоко и прочно усвоенные корни конфуцианского самосознания. Это философско-этическое учение не столько нажимом сверху, сколько накопленным выверенным веками опытом выживания достаточно малочисленной корейской нации на малой территории, находясь часто в ситуации крайне состояния уплотненного проживания, при критическом минимуме обрабатываемой земли, в окружении мощных и далеко не всегда миролюбивых соседей приучило корейцев к тому, что выжить они в способны только на основе осознанного коллективистского взаимодействия, при котором нередко приходится жертвовать частными удобствами во имя всеобщей потребности. Не случайно и вполне обоснованно многие мыслители соседних народов называли Корею после маньчжурского завоевания Китая в XVII в. последним настоящим конфуцианским государством, сознательно взявшим на себя «миссию сохранения *незамутненного* конфуцианства». В этой связи один из наиболее авторитетных российских корееведов отмечает: «Воцарение маньчжурской “династии” Цин в Китае окончательно закрепило в сознании корейцев идею о том, что отныне только Корея является носительницей истинной конфуцианской культуры».

В том числе и поэтому автора этих строк совершенно не удивило утверждение крупнейшего сингапурского дипломата Билахари Косикан, (Bilahari Kausikan) бывшего послом своего государства и в ООН, и в России, которое он сделал 7 мая 2020 г. в ходе 6-й сессии Евразийского онлайн-семинара, организованной ВШЭ в Москве, уверенно назвал на сегодняшний день самым конфуцианским государством именно «Южную Корею».

О борьбе с коронавирусом в Северной Корее

То, что сделала Северная Корея в этих условиях, также хорошо известно. Но ее практика часто подвергалось критике за сверхжесткость, чрезмерную избыточность санитарно-карантинных мероприятий, безжалостно строгих изоляционных мер, закрывших КНДР не только от всего внешнего мира, но и в значительной мере и внутри самой себя.

Но давайте попробуем честно ответить на простой вопрос – как ни пытаться называть данные действия Пхеньяна: какими-либо сверхдиктаторскими, беспредельно бесчеловечными формами и т. д., эти шаги никогда не сработали бы столь эффективно, если бы население в основной своей массе их искренне не поддерживало бы.

Потому что почти все северокорейцы понимали – это единственный эффективный путь к спасению. И выработано это понимание было не массированной пропагандой Пхеньяна (которая, конечно, тоже имела место), а укоренившимся столетиями инстинктом выживания порой в условиях и более невыносимых угроз для существования нации.

О борьбе с коронавирусом в Южной Корее

С точки зрения хронологии распространения эпидемии COVID-19 Южная Корея стала второй после Китая, приобретя указанный недуг в данной стране, и достаточно долго удерживалась на этом месте. Однако сейчас в мире об этом давно забыли. Напомним для статистики, тем не менее наиболее тревожные моменты «вспышки» коронавируса в РК: данные на 21 марта 2020 г., когда она передвинулась на 8-ю позицию (8799 заболевших, 102 летальных случаев), быстро подавленные в большей степени благодаря эффективным мерам по борьбе с пандемией, которые достаточно полно описаны в СМИ и широко изучаются профессиональным медицинским сообществом как в самой РК, так и в мире.

В совокупности с другими мерами (в том числе с практиками компьютерного отслеживания перемещений всех инфицированных людей и немедленного оповещения об этом находящегося поблизости населения) Сеулу удалось добиться одного из самых низких показателей смертности от COVID-19 – 0,9 % при среднем по миру показателе в 3,4 % – и значительного снижения числа новых заболевших. Такому успеху в значительной мере способствовало широкое применение инноваций. Например, практически на все смартфоны, прежде всего заболевших или подозреваемых пациентов, были поставлены срочно разработанные приложения, позволявшие их владельцам дважды в день быть на связи с медицинским работником. Такие же приложения устанавливались на смартфоны всем пассажирам, прибывавшим в аэропорты.

Конечно, в данном случае в полной мере проявились как высокий (по ряду направлений – передовой) общий уровень медицины и состояния системы здравоохранения в Южной Корее, так и особенности конфуцианской культуры, психологии, закрепившиеся в созна-

нии населения. Они и предопределяют более серьезное, чем в ряде других регионов мира, отношение к нормам дисциплинированного коллективистского поведения, что подчеркивалось многими иностранными наблюдателями.

Как отмечают южнокорейские специалисты, выработке эффективных мер противодействия эпидемии способствовал приобретенный ранее опыт борьбы со вспышками коронавирусов Sars (2003 г.) и Mers (2015 г.). Принятый тогда закон об общественном здравоохранении наделил правительство весьма специфичными рычагами для распределения ресурсов и проведения мобилизационных мероприятий по борьбе с распространением инфекционных заболеваний. Министерство здравоохранения РК в 2015 г. было законодательно наделено нетипичными для западных демократий широкими полномочиями для сбора персональных данных в отношении как уже подтвержденных, так и потенциальных пациентов без судебного ордера в периоды эпидемий. Эти правовые инструменты подтвердили свою высокую эффективность в период разворачивающегося кризиса, позволив, в частности, создать вышеотмеченную широкую инфраструктуру отслеживания распространения заболевания и передвижения его носителей.

The Korean National Traditions that Helped to Overcome COVID-19

Aleksandr Vorontsov

Institute for Oriental Studies RAS, Moscow State Institute International Relations (University) Russian Foreign Ministry
Moscow, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to try to demonstrate the most effective ways to help the people of the Korean Peninsula quickly stop COVID-19 in the first half of 2020. To put it as simply and briefly as possible, in our opinion, the Koreans were saved from this terrible pandemic by the long-ago and deeply assimilated roots of Confucian self-consciousness. This philosophical and ethical teaching is not so much a pressure from above, but rather the accumulated verified experience of the survival of a fairly small Korean nation on a small territory, with a critical minimum of cultivated land, surrounded by powerful and not always peaceful neighbors, etc. has accustomed Koreans to the fact that they are able to survive only on the basis of a conscious collectivist interaction, in which they often have to sacrifice private amenities in the name of universal need.

Keywords: Korean Peninsula, Confucianism, Korean tradition, COVID-19.

Воронцов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН; доцент кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; Москва, Россия; e-mail: vorontsovav@yandex.ru

УДК 327

Российско-северокорейские экономические отношения после ужесточения санкций СБ ООН

Л. В. Захарова
Институт Дальнего Востока РАН
Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются последствия ужесточения санкций Совета Безопасности ООН в отношении КНДР в 2016-2017 гг. для основных направлений российско-северокорейских экономических отношений. Показан эффект введенных ограничений для таких важных форм взаимодействия как торговля, инвестиционное сотрудничество (прежде всего, транспортно-логистический проект Хасан-Раджин), миграция рабочей силы и оказание гуманитарной помощи.

Ключевые слова: российско-северокорейские отношения, внешнеэкономические связи, сотрудничество, санкции, Россия, КНДР.

В 2016–2017 гг. СБ ООН принял несколько резолюций, оказавших большое влияние на экономические связи КНДР с внешним миром [3]. Россия, один из постоянных членов СБ ООН, поддержала эти резолюции, и вскоре были подготовлены указы президента РФ о мерах по выполнению резолюций Совета Безопасности ООН № 2270[1], № 2321[2], № 2371, № 2375 и № 2397[3].

И до ужесточения международных ограничений масштабы экономического сотрудничества между Россией и КНДР были не велики. Их основными формами являлись торговля, совместный транспортно-логистический проект Хасан-Раджин, временная трудовая миграция граждан Северной Кореи для работы на территории России, а также оказание гуманитарной помощи со стороны РФ [5]. При этом доля России во внешней торговле Северной Кореи составляла около 1 %. Основными категориями экспорта России в КНДР являлись каменный уголь, нефтепродукты, пшеница и пшеничная мука, заморо-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 29.12.2016 № 729 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2270 от 2 марта 2016 г.» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41624 (дата обращения: 10.06.2020).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 14.10.2017 № 484 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2321 от 30 ноября 2016 г.» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin. ru/acts/bank/42376 (дата обращения: 10.06.2020).

[3] Проект Указа Президента Российской Федерации «О мерах по выполнению резолюций Совета Безопасности ООН 2371 от 5 августа 2017 г., 2375 от 11 сентября 2017 г. и 2397 от 22 декабря 2017 г.» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ products/ ipo/prime/doc/56646310/ (дата обращения: 10.06.2020).

женная рыба. В Северной Корее РФ закупала трикотажные изделия, замороженную рыбу, музыкальные инструменты. В течение нескольких лет стороны обсуждали новые проекты инвестиционного сотрудничества (например, в области инфраструктуры и электроэнергетики), а также строительство автомобильного моста между двумя странами. Кроме того, по некоторым данным, КНДР активно закупала большие объемы российских нефтепродуктов через третьи страны [6].

Принятые СБ ООН санкции в отношении КНДР в 2016–2017 гг. оказали существенное влияние как на действовавшие направления сотрудничества этой страны с Россией, так и на его перспективы.

В 2018 г. объем двустороннего товарооборота сократился до 34 млн долл., уменьшившись на 56 % по сравнению с предыдущим годом. Однако уже в 2019 г. произошло некоторое восстановление торговли – рост на 40 % до 47,9 млн долл. (из них 44,9 млн долл. – экспорт из России). В структуре российского экспорта основное место по-прежнему занимают минеральные продукты (61 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (27 %) [2]. По официальным данным ООН, Россия в 2019 г. являлась главным поставщиков продуктов переработки нефти в КНДР [7]. Из Северной Кореи в РФ в 2019 г. осуществлялись поставки музыкальных инструментов (52 % всего объема импорта России из КНДР), машин, оборудования и транспортных средств (24 %), продукции химической промышленности (16 %) [2].

Москве удалось добиться исключения из санкционных резолюций СБ ООН транспортно-логистического проекта Хасан-Раджин, который является единственным реализуемым на территории КНДР инвестиционным проектом России и продолжает функционировать. Однако фактически работа этого совместного предприятия была приостановлена в конце 2017 г. [4]. В результате на данном этапе эта форма сотрудничества является убыточной для российской стороны в связи с низким уровнем грузооборота.

Начиная еще со времен СССР (и даже до образования КНДР) привлечение северокорейской рабочей силы на Дальний Восток России, а потом и в другие регионы было важным и взаимовыгодным направлением экономического сотрудничества двух стран. В середине 2016 г. в РФ было официально зарегистрировано около 31,5 тыс трудовых мигрантов из КНДР, занятых главным образом в строительстве. Однако согласно положениям резолюции СБ ООН № 2397 (2017), все они должны были вернуться на родину до 22 декабря 2019 г. И хотя в полной мере реализовать планы по их возвращению в Северную Корею к указанному дедлайну не удалось по логистиче-

ским причинам, их трудовая деятельность на территории России официально была прекращена [1].

Знаковым событием в российско-северокорейских отношениях стал саммит лидеров двух стран, прошедший во Владивостоке 25 апреля 2019 г. На нем обсуждались различные вопросы двустороннего сотрудничества, в том числе в области экономики. После саммита существенно активизировались российско-северокорейские контакты. В июне Пхеньян посетил Министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики А. Козлов, являющийся сопредседателем Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству РФ и КНДР с российской стороны. Основными вопросами для обсуждения стали дальнейшее взаимодействие в рамках железнодорожных проектов, налаживание торгово-экономического сотрудничества и экспорта/импорта незапрещенных товаров, в том числе с помощью электронной площадки и строительство моста через реку Туманная (Туманган).

Активизировались и поставки российской гуманитарной помощи, необходимость в которой существенно возросла в условиях пандемии коронавируса. В 2019 г. Россия оказалась главным донором гуманитарной помощи Северной Корее, идущей по каналам организаций ООН. В феврале 2020 г. Россия отправила в КНДР 1,5 тыс тест-систем быстрой лабораторной диагностики коронавируса, а в мае 2020 г. поставила партию российской пшеницы в 25 тыс т в качестве гуманитарной помощи.

Россия несколько раз выступала с инициативой о смягчении санкционных ограничений в отношении КНДР, однако эти призывы не нашли позитивного отклика у всех постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Список литературы

1. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 23 января 2020 года [Электронный ресурс] // МИД РФ : офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/brifing-oficial-nogo-predstavitela-mid-rossii-m-v-zaharovoj-moskva-23-anvara-2020-goda/ (дата обращения: 19.06.2020).

2. Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. URL: https://russian-trade/com/reports-and-reviews/2020–02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kndr-severnoy-koreey-v-2019-g/ (дата обращения: 19.06.2020).

3. *Захарова Л. В.* Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР // Вестник международных организаций. 2019.Т. 14, № 2. С. 223–244.

4. Посольство России в КНДР [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: http://rusembdprk.ru/ru/rossiya-i-kndr/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 18.06.2020).

5. *Burghart S., Park D., Zakharova L.* The DPRK's economic exchanges with Russia and the EU since 2000: an analysis of institutional effects and the case of the Russian Far East // Asia Europe Journal. 2019. P. 1–23.

6. *Lukin A., Zakharova L.* Russia-North Korea Economic Ties: Is There More Than Meets the Eye? // Orbis. 2018. Vol. 62, Iss. 2. P. 244–261.

7. Supply, sale or transfer of all refined petroleum products to the DPRK [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1718/supply-sale-or-transfer-of-all-refined-petroleum (date of access: 05.05.2020).

Russia-North Korea Economic Relations under Tough UNSC Sanctions

Ludmila Zakharova

Institute of Far Eastern Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The UN Security Council imposed tough economic sanctions against the DPRK in response to Pyongyang's nuclear and missile tests in 2016–2017. They significantly complicated the conditions for maintaining economic relations with North Korea. Prior to the introduction of the new international restrictions, economic relations between the Russian Federation and the DPRK had been mainly represented by trade, the Hasan-Rajin joint transport and logistics project, temporary labor migration of North Korean citizens to work in Russia, and humanitarian assistance from the Russian Federation. New investment cooperation projects had been also discussed (for example, in infrastructure and energy spheres), as well as the construction of an automobile bridge between the two countries.

The report evaluates the consequences of the UN Security Council sanctions against the DPRK for the main areas of Russian-North Korean economic relations. Moscow managed to exclude the Khasan-Rajin railway project from the UN Security Council resolutions as the Russian side had invested more than $ 250 million in it. However, since 2018 the joint venture has faced serious problems in ensuring the necessary volume of freight to handle. Due to the UNSC sanctions, mutually beneficial cooperation in attracting workers from the DPRK to Russia had to be terminated by the end of 2019. At the same time, bilateral trade, which had more than halved in 2018, showed a y-o-y growth of more than 40 % in 2019, primarily due to an increase in Russian exports. The supply of the Russian humanitarian aid also continued.

Keywords: Russia-North Korea relations, economic relations, cooperation, sanctions, Russia, DPRK.

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН; Москва, Россия; e-mail: ludmila_hph@rambler.ru

УДК 327

2020 год в российско-корейских отношениях: социально-экономический аспект[1]

К. В. Иванов

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Даётся оценка социально-экономическим связям между Россией и Республикой Корея по состоянию на 2020 год. Традиционная проблема экономического сотрудничества – дисбаланс экспорта-импорта – в условиях пандемии COVID-19 дополнилась практически полным прекращением взаимного туристического потока. Одним из ключевых выводов статьи является утверждение о том, что расширение сотрудничества за счёт перспективных отраслей экономики, например, медицины, также сопряжено с проблемами, в связи с фактическим участием Республики Корея в санкционном режиме, установленном США в отношении России.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, межгосударственные отношения, социально-экономические связи, пандемия COVID-19.

В 2020 г. Российская Федерация и Республика Корея отмечают 30-летие установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом. 30 лет – достаточно большой срок, позволяющий делать выводы о фундаментальных тенденциях и проблемах в двусторонних отношениях. Как мы сейчас видим, за этот период Россия и Корея существенно нарастили объемы и спектр экономического сотрудничества, избегая при этом конфронтации по политическим или экономическим вопросам.

В последнем десятилетии одним из ключевых событий, существенно повлиявших на российско-корейские социально-экономические связи, стало установление взаимного безвизового режима с 1 января 2014 г. Взаимное введение безвизового режима между Россией и Республикой Корея для туристов в 2014 г. значительно увеличило двухсторонний турпоток. Количество южнокорейских туристов, посетивших Россию увеличилось со 114 тыс. чел. в 2014 г. до 431 тыс. чел в 2019 г. С российской стороны, однако, увеличение потока было не сколь существенным – со 198 тыс. чел. в 2014 г. до 271 тыс. чел. в 2019 г. [1]. Одновременно с этим, с конца того же 2014 г., во многом

[1] *Данная работа выполнена в рамках грантового проекта «Создание Центра корейских исследований в Иркутском государственном университете» при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation).*

из-за ухудшившейся экономической ситуации, существенно вырос поток нелегальной трудовой миграции из России в Южную Корею.

Безусловно, очень негативно на экономические связи и трансграничные финансовые потоки повлияло фактическое присоединение Республики Корея к американским санкциям, направленным против финансовой и банковской сферы России. Так, под удар попали практически все крупнейшие банки России, которые испытывают большие трудности в работе с корейскими финансовыми институтами.

Несмотря на заявленный «Поворот на Восток», российско-корейская торговля сохраняет прежнюю структуру экспорта-импорта: из России в Корею идут природные ресурсы (нефтепродукты, древесина, алюминий и т. д.), из Кореи в Россию – электроника и другие промышленные товары. Совместные российско-корейские проекты и предприятия довольно немногочисленны, в масштабе экономик обеих стран. Кроме того, очевиден перекос в узнаваемости товаров и брендов. В большинстве своем, товары, экспортируемые из России в Корею, не имеют бренда по определению – сложно, мягко говоря, брендировать древесину и нефтепродукты. При этом корейские бренды – «Хёндэ», «Самсунг», «Доширак» и т. д. – хорошо известны в России и представлены не только в виде товаров, но и в виде совместных предприятий, расположенных на территории России.

Начавшаяся в декабре 2019 г. в Китае эпидемия коронавируса COVID-19, переросшая к марту 2020 г. в пандемию не могла не повлиять на российско-корейские отношения. Будучи второй, после Китая страной с большим числом заразившихся COVID-19, Республика Корея в феврале 2020 г. столкнулась с массовыми ограничительными мерами относительно ее граждан, которые ввели другие страны. В их числе была и Россия – с 1 марта 2020 г. Правительство РФ ограничило въезд граждан РК на территорию России. Довольно показательно то, что Правительство России довольно быстро решилось на введение таких ограничений для Южной Кореи, еще раньше ввело их для Китая, в то время как для стран Евросоюза такие ограничения были введены только 20 марта.

Республика Корея в свою очередь ввела ограничения на въезд и установила требование обязательного 14-дневного карантина для всех въезжающих в середине марта. А 9 апреля власти РК приостановили действие безвизового режима для граждан 90 стран, включая Россию, которые запретили въезд южнокорейцам. По состоянию на начало октября 2020 г. все эти ограничения сохраняются. Не в последнюю очередь это связано с выявлением заражения коронавирусом у экипажей российских промысловых судов, которые заходят в

порты Южной Кореи. Несмотря на то, всплески заболевания COVID-19 в Корее не связаны с завозными случаями такого рода, корейские СМИ, не отказываясь от своих традиций максимально нагнетать обстановку негативной информацией, создали столь же негативный образ России, как страны, которая плохо контролирует эпидемиологическую обстановку на своей территории.

Фактическое закрытие границ, ограничение, а затем почти полное прекращение авиасообщения между РФ и РК очень больно ударило по туристическим отраслям обеих стран. Только на российско-корейском направлении оценочные потери обеих сторон с марта 2020 г. исчисляются десятками миллионов долларов США.

К счастью, пандемия не оказала столь же большого негативного влияния на товарную торговлю и работу корейских предприятий на территории России. С конца лета – начала осени 2020 г. Россия и Корея постепенно возобновляют взаимодействие, направленное на расширение возможностей для экономического сотрудничества. Например, 22 сентября 2020 г. в ходе онлайн бизнес-диалога «Россия – Республика Корея: дальнейшие шаги для успешного двустороннего сотрудничества», организованного Торгово-промышленной палатой России, совместно с Корейской ассоциацией международной торговли, Российско-Южнокорейским Деловым советом и Фондом Росконгресс было заявлено о планах создания совместного инвестиционного фонда с ориентацией на средний бизнес [3].

Разработка российскими учеными вакцины от коронавируса «Спутник V» позволила найти дополнительные точки соприкосновения с корейскими партнерами. Так, в конце сентября начались переговоры о возможности производства данной вакцины на территории Кореи [4]. Очень положительным знаком можно считать решение, принятое российскими властями, о возобновлении с 27 сентября авиасообщения с Кореей [2].

Хотелось бы надеяться, что концу 2020 г. пандемия COVID-19 пойдет на спад, в том числе благодаря разработанной вакцине «Спутник V». Также можно сказать, что взаимный безвизовый режим и нормальное авиасообщение между РК и РФ с высокой степенью вероятности будет приведен в прежнее состояние в начале 2021 г. Тем не менее финансовые и экономические потери в российско-корейских отношениях (хотя на данный момент сложно поддаются учету и прогнозу) определенно можно назвать огромными. Практикуемый в ряде сфер подход «пандемия все спишет», контрпродуктивен и если мы хотим преодолеть и завершить «ковидную эпоху» в двухсторонних отношениях, то нужно приложить большие дипломатические и финансовые усилия, причем с обеих сторон.

Список литературы

1. Въездные и выездные туристские поездки [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/folder/23457/ (дата обращения: 31.08.2020).

2. Оперштаб России сообщил о возобновлении авиасообщения с четырьмя странами [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/9499071/ (дата обращения: 19.09.2020).

3. Россия и Южная Корея могут создать совместный инвестиционный фонд [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/9518057 (дата обращения 22.09.2020)

4. РФПИ обсуждает производство вакцины «Спутник V» в Южной Корее [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20200916/vaktsina-1577340804.html/ (дата обращения: 16.09.2020).

2020 in Russian-Korean Relations: Socio-Economic Aspect[1]

Konstantin Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Despite the generally calm economic and political relations, Russia and the Republic of Korea met 2020 with a number of problems associated mainly with the economic troubles that Russia has been undergoing since the end of 2014. The COVID-19 pandemic provoked socio-economic and political crises of a truly global scale, against which the problems of Russian-Korean relations are not so significant and noticeable, although the absolute and relative economic losses of both sides are very large and difficult to account for. Although at the moment the economic and political situation is still unstable, there are hopes that in a relatively short time, bilateral relations between Russia and the Republic of Korea will not suffer significant damage, but, on the contrary, will strengthen in the fight against a common disaster.

Keywords: Russia, Republic of Korea, interstate relations, socio-economic ties, COVID-19 pandemic.

Иванов Константин Владимирович, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета, руководитель Центра корейских исследований ИГУ; Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: ivanov_kv@isu.ru

[1] *This work was carried out within the framework of the grant project "Creation of the Center for Korean Studies at the Irkutsk State University" with the support of the Korea Foundation.*

УДК 94

К вопросу длительности истории отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея: 28, 30 или 136 лет?[1]

С. О. Курбанов

Санкт-Петербургский государственный университет
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается вопрос о том, с какого времени исторически корректно вести историю начала дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея. Ставится под сомнение правомерность обозначения только 1990 г. как времени начала дипломатических отношений между Россией и Южной Кореей, рассматривая особенности и историческое значение российско-корейских договоров 1992 и 1884 гг.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Корея, дипломатические отношения, 1990 г., 1992 г., 1884 г.

В 2020 г. Российская Федерация и Республика Корея торжественно отмечают 30-летие установления дипломатических отношений между двумя странами. Начало отсчета юбилейному событию принято вести от 30 сентября 1990 г. Тогда в некоторой степени неожиданно встретившиеся в Нью-Йорке министры иностранных дел СССР и Республики Корея – Э. А. Шеварднадзе и Чхве Хочжун, которые планировали обсудить детали установления дипломатических отношений между двумя странами с 1 января 1991 г., подписали совместное коммюнике, где датой установления двусторонних отношений было обозначено 30 сентября 1990 г. [7, с. 72].

Любопытно отметить, что в то время не все советские газеты отреагировали на столь знаменательное событие, что особенно заметно в контексте современного (2020 г.) состояния российско-южнокорейских отношений. Например, на страницах центрального органа ЦК КПСС – газеты «Правда» – вообще не было каких-либо упоминаний о подписанном коммюнике. Зато в газете «Известия» сообщение было размещено дважды: и на первой странице газеты, и в разделе международных новостей[2].

[1] *Настоящая работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).*

[2] Более подробная информация о том, каким образом газета «Известия» отразила на своих страницах факт установления дипломатических отношений между СССР и Республика Корея будет представлен в статье С. О. Курбанова, которая готовится для публикации в журнале «Известия ИГУ. Серия Политология. Религиоведение» за 2020 г.

В контексте рассматриваемого события следует обратить внимание на два момента. Во-первых, коммюнике было подписано между СССР и Республикой Корея, а не между Россией и Республикой Корея, хотя после распада СССР Российская Федерация и объявила себя правопреемницей Советского Союза.

Во-вторых, после обозначенного выше Нью-Йоркского коммюнике, какого-либо документа, юридически определявшего характер двусторонних дипломатических отношений, также подписано не было. Очевидно, подобный документ готовился. 14 декабря 1990 г. во время визита в Москву президента Республики Корея Ро Дэу лидеры двух государств приняли «Декларацию об общих принципах отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Корея» [7, с. 195–197]. Но полноценного договора об установлении дипломатических отношений между двумя странами так и не заключили.

Ситуация изменилась в 1992 г., уже после распада СССР, во время посещения Сеула президентом Российской Федерации Б. Н. Ельцина с 18 по 20 ноября. Тогда, 19 ноября 1992 г., Б. Н. Ельцин и Ро Дэу подписали полноправный «Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея» [7, с. 204–207].

Таким образом, с правовой точки зрения историю дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея следует начинать с 19 ноября 1992 г.

С другой стороны, если говорить о практических отношениях между Советским Союзом и Республикой Корея, то их история является намного более длительной и ее начало прослеживается задолго до 1990 г. Еще в 1974 г. начинается официальный книгообмен между Библиотекой им. В. И. Ленина в Москве и Библиотекой Национального Собрания Республики Корея. В 1980-е гг. начинается активный торговый обмен между Советским Союзом и Южной Кореей. В 1988 г. при спонсорской поддержке южнокорейской корпорации «Лотте» советские спортсмены принимают участие в Сеульских летних Олимпийских играх. К тому времени (1989 г.) Корейское агентство содействия торговле и инвестициям (KOTRA) открывает свой офис в Москве [4] и фактически начинает выполнять роль неофициального дипломатического представительства, выдавая гражданам СССР по большей части коллективные визы для въезда на территорию Республики Корея[1]. Таким образом, и 1989 г. также можно в

[1] Так, автор настоящей статьи перед поездкой в Республику Корея в апреле 1990 г. получал коллективную визу, будучи членом официальной советской делегации, именно в московском представительстве KOTRA.

известной степени считать исторической вехой в установлении и развитии дипломатических отношений между Россией (СССР) и Республикой Корея.

Однако есть в вопросе двусторонних дипломатических отношений еще один важный аспект, связанный и с историей, и с современностью, а именно – время конца эпохи Чосон (1392–1897) и время Корейской империи (1897–1910), когда были установлены (1884 г.) [5] и затем стали особо активными отношения между Кореей и Российской империей. Казалось бы, это довольно далекое от современности время и лишь косвенно может иметь отношение к дипломатическим связям между нынешней Российской Федерацией и Республикой Корея.

Однако действительность демонстрирует иное. В современной Республике Корея особое внимание уделяется личности первого постоянно проживавшего в России чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе Николая II – Ли Бомчжина (1852–1911) [3]. На Северном кладбище в Санкт-Петербурге установлена памятная стела на том его участке, где предположительно могла находиться утерянная могила Ли Бомчжина [3, с. 200–203], покончившего жизнь самоубийством 13 (26) января 1911 г. в знак протеста против японской аннексии Кореи [3, с. 158–192]. Все высокопоставленные южнокорейские делегации, совершающие визиты в Санкт-Петербург, обязательно посещают Северное кладбище и отдают дань уважения первому корейскому посланнику. Во время ряда государственных праздников Республики Корея, таких, как например, День Первомартовского движения за независимость (1 марта 1919 г.) или День возрождения родины (15 августа 1945 г.) Генеральное консульство Республики Корея обязательно проводит памятные мероприятия у стелы Ли Бомчжину[1]. Так происходит потому, что современная южнокорейская дипломатия считает себя наследницей дипломатического ведомства Корейской империи, в котором служил Ли Бомчжин. А это означает, что корейско-российские отношения рубежа XIX–XX вв. признаются современной южнокорейской дипломатией неотъемлемой частью нынешних отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией.

Соответственно, исходя из исторических реалий и современной дипломатической практики, историю отношений между Российской Федерацией также можно начинать с 1884 г.

[1] Подробнее см. официальные сообщения Генерального консульства Республики Корея в Санкт-Петербурге.

В этой связи следует заметить, что Генеральное консульство Советского Союза работало в Сеуле с 1925 [6, с. 59] по 1948 г.[1] Поэтому можно говорить о том, что практические дипломатические отношения между Петербургом, а затем Москвой и Сеулом не прерывались с 1884 по 1905 г., и далее с 1925 по 1948 г.

В связи с рассматриваемыми датами и событиями возникает вопрос, так ли уж важно определять то, начиная с какого времени можно говорить о полноценной истории двусторонних отношений?

Очевидно, что брать за некую «абсолютную» точку отсчета начала отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией 1990 г. как в широком смысле, так и в аспекте дипломатических отношений представляется не совсем корректным.

Юридически отношения между двумя странами оформились только в 1992 г., благодаря усилиям как дипломатических ведомств, так и лично президентов Российской Федерации и Республики Корея. Соответственно указанная дата заслуживает особого внимания как с точки зрения исторической науки, так и с практической: ее стоит отмечать особо, наряду с другими памятными датами отношений между Россией и Южной Кореей.

Активные отношения между двумя народами начались с последней четверти XIX столетия, а дипломатические отношения между государствами – предшественницами нынешних Российской Федерации и Республики Корея – с 1884 г. Недаром в Договоре об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея 1992 г., в его Преамбуле говорится о том, что отношения между двумя странами являются «традиционными» и имеют «долгую историю» [2, с. 106].

С другой стороны, говоря об установлении российско-корейских дипломатических отношений в 1884 г. можно вспомнить и о том, что нынешняя Корейская Народно-Демократическая Республика также в известной степени является «наследницей» Корейской империи. Однако современная северокорейская историография описывает историю Кореи конца XIX – начала XX в. весьма критически, а к персонажу первого корейского посланника в России – Ли Бомчжину, относится довольно негативно, называя его лицом, который «построил заговоры заманить короля [Кореи] в представительство царской России» [1, с. 26]. Тем самым современная северокорейская историография в известной степени «отделяет» историю КНДР от времени Эпохи Чосон и Корейской империи.

[1] В справочной литературе также встречается указание на 1946 и 1947 гг. как время завершения работы советского дипломатического представительства в Сеуле.

Таким образом, в истории отношений между новой Россией и Республикой Корея есть три основные вехи – 1884, 1990 и 1992 гг., и все они по-своему важны. 1990 г. – это время начала полномасштабных практических дипломатических отношений между новой Россией и Республикой Корея. 1992 г. стал временем юридического оформления отношений между Россией и Южной Кореей. С 1884 г. связано начало дипломатических связей между Российской империей (история развития которой в конечном итоге привела к созданию нынешней Российской Федерации) и государством Чосон (которое превратившись сначала в Корейскую империю, а затем, пройдя испытания японской колонизацией, стало нынешней Республикой Корея и КНДР).

Все указанные выше исторические даты по-своему важны, связаны с современными российско-южнокорейскими отношениями и требуют к себе особого внимания.

Список литературы

1. *Ван Чхун Гук.* Реалии раскола Кореи. Пхеньян : Издательство литературы на иностранных языках в КНДР, 2014. 200 с.

2. *Курбанов С. О.* «Договор об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея» от 19 ноября 1992 г. и его значение для развития российско-южнокорейских отношений // Вестник Центра корейского языка и культуры. 2015. Вып. 17. С. 104–107.

3. Корейская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге в 1900–1911 гг. (Деятельность ч.п.п.м. Ли Бомчжина). Избранные материалы / авт.-сост. С. О. Курбанов. СПб. : Издательство РХГА, 2016. 239 с.

4. *Ли Джон Хун*. Приветствие [Электронный ресурс]. URL: http://kotra.ru/kotra/privetstvie/ (дата обращения: 18.08.2020).

5. Описание Кореи. Сокращенное переиздание. М. : Издательство восточной литературы, 1960. 662 с.

6. СССР и Корея // СССР и страны Востока. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 416 с.

7. *Ткаченко В. П.* Корейский полуостров и интересы России. М. : Восточная литература РАН, 2000. 207 с.

How Long is the History of Relations between the Russian Federation and the Republic of Korea: 28, 30 or 136 Years?

Sergei Kurbanov

Saint Petersburg State University, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article examines the question of when it is historically correct to trace the history of the beginning of diplomatic relations between the Russian Federation and the Republic of Korea. The article casts doubt on the legality of designating only 1990 as the time of the beginning of diplomatic relations between Russia and

South Korea, considering the peculiarities and historical significance of the Russian-Korean agreements of 1992 and 1884.
Keywords: Russian Federation, Republic of Korea, diplomatic relations, 1990, 1992, 1884.

Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: s.kurbanov@spbu.ru, sokurbanov@herzen.spb.ru.

УДК 327

Россия и Республика Корея: риски и шансы субнационального сотрудничества на современном этапе (на примере регионов Сибири)[1]

И. В. Олейников

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Представлен анализ особенностей двустороннего взаимодействия между российскими регионами Сибири и Республикой Корея в конце 2010-х гг. в экономической, административной и социально-гуманитарной сферах. Выявлены проблемы и возможности российско-корейского сотрудничества на субнациональном уровне.
Ключевые слова: Россия, Республика Корея, Сибирь, регион, международное сотрудничество.

В 1990-е гг. для государств Восточной Азии, в том числе и Республики Корея, открылся перспективный источник природных ресурсов и новый рынок сбыта товаров и вложения инвестиций – российские регионы Сибири и Дальнего Востока. В первые десятилетия XXI в., и в особенности после проведения саммита АТЭС в г. Владивостоке в 2012 г. интерес стран Восточной Азии к ресурсам и возможностям сибирских и дальневосточных регионов стал проявляться более системно. Так, Южная Корея стала реализовывать экономические и культурные проекты в Приморском и Хабаровском краях.

[1] *Статья подготовлена при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation).*

В 2012–2014 гг. федеральный центр России начал активно реализовывать риторику «поворота на Восток», направленную на активизацию сотрудничества с экономиками Азиатско-Тихоокеанского региона. Важным элементом взаимодействия должны были стать контакты с Республикой Корея в сфере политики, экономики и культуры.

Риски субнационального сотрудничества. Анализ итогов партнерства регионов Сибири с Республикой Корея во втором десятилетии XXI в. показывает, что риски взаимодействия традиционны и сводятся к структуре торговли и инвестиционному фактору. Из регионов Сибири в Республику Корея в основном поставляется сырье и продукция первого передела (уголь, необработанный алюминий, нефть, дизельное топливо и бензин, лесоматериалы), а сибирские регионы получают качественную южнокорейскую продукцию: машины и промышленное оборудование, химические продукты, изделия из черных металлов, бытовую технику и товары широкого потребления. Наблюдается значительный перекос сальдо торгового баланса в двустороннем торгово-экономическом взаимодействии – большую часть торгового оборота составляют экспортные поставки продукции предприятий из регионов Сибири на южнокорейский рынок.

Отметим, что фактор «ресурсного проклятия» сибирских регионов представляется не только риском, но и возможностью: в 1990-е гг. экспорт сырья, пользующийся спросом на корейском рынке, был важным фактором получения ресурсов для развития региональной экономики. В последующее время этот ресурс нивелировался приходом в сибирские регионы мощных вертикально-интегрированных холдингов, зарегистрированных преимущественно в европейской части России. Продукция южнокорейских корпораций, к примеру, автомобили «Hyundai», электроника Samsung, представленная в сибирских регионах Российской Федерации, поставляется в основном посредством усилий филиалов корейских корпораций и российских компаний – официальных дистрибьюторов, зарегистрированных в Москве. Таким образом, местный сибирский бизнес недостаточно вовлечен в непосредственную торговлю южнокорейскими товарами, в отличие от среднего бизнеса из Приморья, долгие годы успешно работающего с корейскими партнерами в сферах поставок бытовой химии и продуктов питания.

Инвестиционное сотрудничество сибирских регионов и корейского бизнеса по-прежнему остается слабовыраженным, в отличие от дальневосточных субъектов РФ, в которых есть успешные примеры взаимовыгодного инвестиционного сотрудничества. Низкая динамика поступления инвестиций обусловлена факторами значительных

рисков (административных, инфраструктурных, правовых, экономических), делающих непривлекательными долгосрочные вложения в экономику сибирских регионов. Отрицательным фактором, влияющим на динамику российско-корейского сотрудничества, является и санкционная политика стран Запада в отношении Российской Федерации; отметим, что в этих условиях корейский бизнес выступает «за учет и собственных интересов, за то, чтобы отношения РК с Россией и с США разделялись» [1, с. 18].

Шансы субнационального сотрудничества. К положительным аспектам во взаимодействии сибирских регионов РФ следует отнести наличие институциональных структур субнационального сотрудничества. Одним из институтов является Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА), действующая с 1996 г., в деятельности которой принимают участие регионы Сибири [2]. В Новосибирске работает представительство Корейского агентства по развитию торговли и инвестиций (КОТРА) [3]. Агентство выполняет роль инструмента взаимодействия между бизнес-сообществом регионов Центральной и Восточной Сибири и предпринимателями Республики Корея, информирует южнокорейских бизнесменов о потенциальных возможностях рынка сибирских регионов, предоставляет услуги по ведению деловой переписки, переговоров, устного и письменного перевода с корейскими компаниями. По запросу структура организует поездки для встречи с корейскими коммерческими партнерами. К механизмам институционального взаимодействия следует отнести и Комитет по сотрудничеству между Дальним Востоком России, Сибирью и Республикой Корея (КРКС), действующий с 1992 г. В Иркутске успешно функционирует Генеральное консульство Республики Корея, оказывающее полный спектр консульских услуг.

К дополнительным ресурсам взаимодействия на субнациональном уровне относится транзитный и рекреационный потенциал сибирских регионов. Полноценная стыковка железных дорог России и Южной Кореи осложняется наличием межкорейских противоречий, но регионы Сибири обладают значительным туристическим потенциалом, который может быть реализован в рамках открытия новых авиарейсов и модернизации аэропортовой и туристической инфраструктуры. Перспективным является и постепенное развитие заделов в секторах «экономики услуг»: медицины, науки и образования, – а также реализация социально-гуманитарных связей (контакты по линии городов-побратимов, образовательные обмены).

Можно констатировать, что в конце 2010-х гг. динамика российско-корейского сотрудничества на субнациональном уровне в экономико-административной сфере существенно не изменилась. Под воздействием внешних и внутренних вызовов не состоялась корректировка рисков двустороннего сотрудничества, а возможности взаимодействия остаются нечеткими в силу влияния негативных факторов и сводятся к наличию совместных институциональных структур, бизнес-партнерству в сфере услуг и гуманитарным контактам.

Список литературы

1. *Иванов А. В.* Сибирь и Дальний Восток в интеграционных процессах в АТР в новых условиях // Международная аналитика. 2015. № 4. С. 16–21.

2. *Олейников И. В.* Участие регионов Байкальской Сибири (Иркутской области и Республики Бурятия) в деятельности Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА): к возможности активизации сотрудничества // ЕС и Россия: взаимодействие в сфере науки и образования. ЕС и Россия на пространстве Евразии : материалы Междунар. науч. конф. Томск : Издательство ТГУ, 2014. С. 78–81.

3. KOTRA г. Новосибирск [Электронный ресурс]. URL: https://kotrasiberia.ru/ (дата обращения: 15.07.2020).

Russia and Republic of Korea: the Risks and Chances of Subnational Cooperation at the Present (on the Example of the Siberia Regions)[1]

Iliya Oleynikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article presents analysis of the characteristics of bilateral cooperation in economic, administrative and social-humanitarian spheres between the Siberian regions of Russia and the Republic of Korea in the end of the 2010s. The article reveals problems and prospects of Russian-Korean cooperation on subnational level.

Keywords: Russia, Republic of Korea, Siberia, region, international cooperation.

Олейников Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет; Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: oleynikov@isu.ru

[1] *This work was carried out within the framework of the grant project "Creation of the Center for Korean Studies at the Irkutsk State University" with the support of the Korea Foundation.*

УДК 327

Культура как направление реализации стратегий мягкой силы Южной Кореи на примере форума «Диалог Россия – Республика Корея»

И. В. Цой, П. И. Зайнуллина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассмотрены культурные проекты и инициативы форума гражданских обществ «Диалог Россия – Республика Корея» с точки зрения реализации внешнеполитических задач Южной Кореи в плоскости мягкой силы.

Ключевые слова: мягкая сила, культура, культурные проекты, внешняя политика, общественная дипломатия.

Сегодня многие государства идут по «мирному пути» формирования своего международного образа. Впервые концепцию мягкой силы в 1990 г. предложил Джозеф Най. В статье «Растущая мягкая сила Южной Кореи» он подчеркивает, что ситуация в регионе Северо-Восточной Азии, амбиции в котором имеют США, Китай, Россия и Япония, накладывают отпечаток на международную деятельность Республики Корея, которой сложно развивать военную мощь для обеспечения своей защиты [1]. Правительство Южной Кореи проводит планомерную политику по распространению своих культурных, политических, экономических ценностей во всем мире.

Одним из институтов мягкой силы для России и Южной Кореи является форум гражданских обществ «Диалог Россия – Республика Корея» (далее – ДРРК), созданный в 2008 г. по инициативе президентов обеих стран – Ли Мёнбака и Дмитрия Медведева [5]. Основная задача Форума – налаживание конструктивного диалога между представителями всех сфер общественной жизни двух стран, что позволяет создать прочную основу для сотрудничества, не зависящую от текущей политической обстановки. Российская и корейская дирекции ДРРК расположены соответственно на базе Санкт-Петербургского государственного университета и на базе Университета Корё в Сеуле.

В исследовании мы обратились к культурным инициативам ДРРК. Анализ проводился по нескольким векторам: литература, фестивали, визуальные искусства и кинематограф, музыка и исследования культуры. Поскольку основной площадкой для реализации проектов в России выступает СПбГУ – центр зарождения корееведения в Европе [3], основная масса мероприятий проходит в Северной столи-

це. В то же время необходимо отметить, что подавляющее большинство культурных проектов, связанных с Южной Кореей, реализуются в Москве, а также на Дальнем Востоке; их организаторами выступают дипломатические представительства, общественные организации, в том числе – диаспоральные объединения, а также бизнес-структуры. Для форума «Диалог Россия – Республика Корея» более традиционными являются проекты в области образования и науки, молодежные мероприятия, что обусловлено тесной связью российского и корейского Координационных комитетов с руководством ведущих вузов обеих стран. Тем не менее мы предприняли попытку рассмотреть различные культурные проекты ДРРК в контексте внешнеполитических задач Республики Корея.

Мы выделили несколько приоритетных стратегических направлений для Южной Кореи на примере культурных инициатив ДРРК:

1. Популяризация корейского языка в России как элемент внешней языковой политики. Это традиционная задача для многих стран мира, однако, для Республики Корея она особенно актуальна в связи с тем, что хангыль признан ЮНЕСКО в качестве мирового наследия.

2. Продвижение коммерческих брендов через культурные проекты. Несмотря на то, что корейская волна «халлю» – явление культурное, ее драйверами выступает стремление к завоеванию и упрочению положения южнокорейской экономики на зарубежных рынках. В этом аспекте мы имеем в виду не только k-pop, но и визуальные искусства, особенно – корейское кино.

3. Консолидация диаспоры российских корейцев и формирование крепких контактов с ее представителями. Сложно переоценить роль корейцев, родившихся и проживающих в России, в установлении диалога и понимания между странами. Директор Института российских исследований Университета иностранных языков «Хангук» профессор Ким Хёнтхэк в докладе о результатах опроса, проведенного совместно со ВЦИОМ, отметил, что на образ Кореи в России напрямую влияют корейцы, проживающие в России, – около 64 % российских респондентов встречали российских корейцев, и большинство опрошенных относятся к ним с симпатией [4].

4. Обеспечение «мягкой», культурной поддержки процессу решения северокорейского вопроса. Крайне важным аспектом на современном этапе развития российско-корейского сотрудничества становится северокорейский вопрос. Вопрос денуклеаризации КНДР и перспектив объединения Корейского полуострова волнует не только азиатский регион, но и весь мир. Размышляя на эту тему, профес-

сор К. К. Худолей сравнивает сложившуюся ситуацию с Карибским кризисом 1962 г. [6]. Сегодня встает вопрос: в каком формате будет осуществляться диалог – при участии только Южной и Северной Кореи или в шестистороннем формате (с участие КНР, Японии, США и России) [2].

5. Поддержка реализации геополитических задач. Так, например, часть мероприятий, проводимых южнокорейской стороной в России, посвящены судьбе островов Токто, территориальный статус которых на сегодняшний день оспаривается Японией. Посредством культурных проектов Республика Корея, с одной стороны, выражает свою позицию по данному вопросу, а с другой – стремится закрепить знания о принадлежности территорий в международном сообществе.

Таким образом, можно говорить о том, что культурные проекты, которые Южная Корея проводит в России, в своей основе имеют не только непосредственно «культурную» детерминированность, но могут быть направлены и на реализацию более глобальных, внешнеполитических интересов Страны утренней свежести. В этом проявляется стратегическая направленность мягкой силы Республики Корея. Вектор «от гражданских связей – к политике» характерен для взаимодействия наших государств в целом, и деятельности ДРРК в частности.

Список литературы

1. *Най Дж.* Растущая мягкая сила Южной Кореи [Электронный ресурс]. 2009. URL: https://www.project-syndicate.org/ (дата обращения: 20.02.2020).

2. «Азиатский парадокс», историческая память и новые вызовы: в Петербурге прошло заседание рабочей группы «Политика и международные отношения» [Электронный ресурс] // Офиц. сайт форума «Диалог Россия – Республика Корея». 2019. URL: https://drrk.ru/2019/4024/aziatskij-paradoks-istoricheskaja-pamjat-i-novye-vyzovy-v-peterburge-proshlo-zasedanie-rabochej-gruppy-politika-i-mezhdunarodnye-otnoshenija/ (дата обращения: 09.03.2020).

3. В СПбГУ появится кафедра корееведения [Электронный ресурс]. URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/v-spbgu-poyavitsya-kafedra-koreevedeniya/ (дата обращения: 09.03.2020).

4. Посол Республики Корея У Юнгын и ректор СПбГУ Николай Кропачев приняли участие в гуманитарном форуме «Мост дружбы» [Электронный ресурс]. URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/posol-respubliki-koreya-u-yungyn-i-rektor-spbgu-nikolay-kropachev-prinyali (дата обращения: 09.03.2020).

5. Форум «Диалог Россия – Республика Корея» [Электронный ресурс]. URL: https://drrk.ru/ (дата обращения: 09.03.2020).

6. *Khudoley K. A*. North Korean Nuclear Missile Programme: Is There a Solution? [Electronic resource]. URL: http://www.kiips.in/research/north-korean-nuclear-missile-programme-is-there-a-solution/ (mode of access: 09.03.2020).

Culture as a Direction of Implementation of the Soft Power Strategy of the Republic of Korea on the Example of the "Korea-Russia Dialogue" (KRD)

Inna Tsoy, Polina Zaynullina
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. In the modern world, many countries choose a peaceful way of drawing the world community's attention to them. The concept of soft power was first proposed by Joseph Nye in 1990. When the geopolitical situation in the region and the world is controlled by the Powers that exercise force-based arguments as the main ones, it is soft power that becomes most effective for other countries. The Republic of Korea is one of them. The government of the Republic of Korea is pursuing a systematic policy of promoting its cultural, political and economic values throughout the world. Culture is one of the main indicators of soft power indexes. For instance, at the end of the last century, the world was overwhelmed by such a phenomenon as the "Korean wave" ("Hallyu"), which Russian researchers started to study only in the 2000s, and has remained relevant today. For example, one of the institutions of soft power for Russia and South Korea is the Forum of civil societies "Korea – Russia Dialogue" (hereinafter – KRD), launched in 2010 at the initiative of the presidents of both countries. The Russian and Korean secretariats of the KRD are located at Saint Petersburg State University in Saint Petersburg and Koryo University in Seoul, respectively. The content of the discussions and recommendations adopted during the Forum events are sent to the corresponded government authorities for further work. The main goal of the Forum is to establish a constructive dialogue between representatives of all spheres of public life in Russia and South Korea, which makes it possible to create a solid basis for cooperation, regardless of the current political situation. In this paper, the authors explore cultural projects and initiatives aimed at promoting Korean Art and Literature in Russia.

Keywords: culture and art, soft power, the Republic of Korea, Korea – Russia Dialogue, forum of civil societies.

Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения, Санкт-Петербургский государственный университет, директор дирекции форума «Диалог Россия – Республика Корея»; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: i.tsoy@spbu.ru.

Зайнуллина Полина Игоревна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: p.zaynullina@spbu.ru.

Секция 2
ИСТОРИЯ

УДК 94

Образ России и русских в «Реальных записях правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок)

В. С. Акуленко
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. Работа посвящена изучению образа России и русских, представленному в летописи «Реальные записи правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок). Используются данные Института кореесведения Кючжангак Сеульского национального университета и материалы, опубликованные на сайте Комитета по составлению национальной истории.

Ключевые слова: Чосон, российско-корейские отношения, образ России, образ русских, Чосон ванчжо силлок.

Летопись «Реальные записи правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок) является выдающимся письменным памятником и важным источником информации об истории Кореи и окружающих ее государств, охватывающим период более 500 лет (конец XIV – начало XX в.). Памятник проливает свет не только на деяния правителей династии, но и на важнейшие события, касающиеся государства Чосон или происходившие у его границ. В этой связи появление первых русских путешественников в Восточной Азии, а также продвижение России на Дальний Восток, не могли быть не отражены на ее страницах. Анализу запечатленного в летописи образа России и русских и посвящена данная работа.

Для написания работы были использованы материалы, собранные в Институте кореесведения Кючжангак Сеульского государственного университета и опубликованные на сайте Комитета по составлению национальной истории. Поиск осуществлялся при помощи электронного каталога, размещенного на сайте [2].

Одной из главных сложностей, с которой автор работы столкнулся во время проведения исследования, оказалось отсутствие одного универсального термина для обозначения России и русских в летописи. Дело в том, что она не является типичным памятником, составленным одним автором или их группой по заранее намеченному плану. Данное произведение охватывает период более 500 лет и содержит сведения о правлении 27 монархов [4]. Таким образом, для обозначения России и русских в нем использовано несколько различных терминов, бывших в ходу в различные периоды истории.

Впервые Россия упоминается в летописи под именем «Расон» (羅禪) в связи с военными кампаниями маньчжуров против русских казаков, которые известны в России, как Албазинские войны (1649–1689 гг.). Россия под этим именем упоминается 4 раза в период правления государя Хёчжона (孝宗) (1649–1659 гг.). Данное название перекликается с расхожим именованием казаков, которое было принято в это время среди тунгусских племен и маньчжуров – «лочха» (羅刹) [3], о котором корейские воины должны были знать, так как непосредственно принимали участие во втором и пятом походе маньчжуров против русских казаков в 1654 и 1658 гг. [1].

После 1658 г. «Расон» исчезает со страниц летописи и ему на смену приходит наименование «тэби тальчжа» (большеносые татары; 大鼻獉子). Большеносыми как в Китае, так и в Корее называли (и называют) европейцев. Под таким именем русские упоминаются 7 раз. Все упоминания, кроме одного, приходятся на время правления государя Сукчона (肅宗) (1674–1720 гг.). Единственная запись, сделанная в XVIII в. приходится на время правления государя Чончжо (正祖) (1752–1800 гг.) [2].

Снова упоминание России и русских появляются лишь в записях, относящихся к правлению государя Кочжона. В «Реальных записях [правления государя] Кочжона» Россия упоминается, главным образом, под названием «Араса» (俄羅斯) или «Агук» (俄國) – именно так именовали нашу страну в Китае. «Араса» появляется в силлок Кочжона 32 раза начиная с 1864 по 1902 г., а «Агук» – 54 раза с 1870 по 1904 г. Трижды – в 1877, 1881 и 1882 гг. – русские называются «русскими варварами» (аи; 俄夷). Кроме того, с 1896 по 1906 г. Россия 12 раз называется «Ногук» (露國), а также 1 раз – «Носоа» (露西亜) (1905 г.), в чем легко угадывается влияние японской традиции [2].

Основной вывод проделанного исследования заключается в том, что образ России и русских, представленный в «Реальных записях правящего дома Чосон», нельзя назвать положительным или привле-

кательным. В силлок, относящихся к XVII и XVIII вв., русские описываются как неистовые и храбрые воины, при этом неблагоразумные и внешне весьма отталкивающие. Они ведут варварский, с точки зрения корейцев, образ жизни: не возделывают землю, время от времени грабят и убивают. Одновременно с этим, русские, действующие в бассейне р. Амур, представляются корейцам вассалами крупной державы, расположенной с ними по соседству – России. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что при дворе корейского правителя, по крайней мере, до начала XIX в. не догадывались о постепенной экспансии России на Дальний Восток и приближении к границам Кореи. Сама Россия предстает в летописях как крупное и сильное государство, расположенное где-то на севере. Следует особенно отметить вклад Китая в формирование такого образа России и русских в Корее в XVII–XVIII вв., так как большая часть сведений, за исключением, возможно, относящихся ко времени совместных китайско-корейских походов против русских казаков в 1654 и 1658 гг., была получена корейцами в пересказах от китайцев во время дипломатических миссий ко двору китайского императора.

Сложно утверждать, каким образом описанный на основе летописи образ России и русских повлиял на становление отношений между Россией и Кореей в XIX в., однако вполне возможно предположить его негативное влияние на отношение корейского двора, по крайней мере, к тем русским казакам и переселенцам, которые прибывали в наиболее близкие к Корее российские владения в бассейне р. Амур.

Наибольшая частота упоминания России и русских встречается в «Реальных записях [правления государя] Кочжона», являющихся прекрасным источником для иллюстрации становления и развития отношений между Россией и Кореей во второй половине XIX и самом начале XX в. По ним хорошо прослеживается рост и падение влияния России в Корее в этот период. В первых сообщениях о контактах с русскими в силлок Кочжона ощущается тревога из-за появления сильного и, возможно, опасного соседа, и такое отношение к России и русским в целом является преобладающим вплоть до прибытия в Корею К. И. Вебера в 1884 г. Оно, скорее всего, было вызвано настойчивыми попытками русских завязать торговые отношения и бегством корейских крестьян на российскую территорию. Возможно поэтому русских в летописи несколько раз называют «варварами». В становлении такого имиджа России, скорее всего, приняли участие Китай и Япония, активно вмешивающиеся в ситуацию на Корейском полуострове ради достижения своих внешнеполитических целей. Однако с 1884 г. тон записей, посвященных России, постепенно ме-

няется, в них мы видим активное развитие двусторонних отношений, которое достигло пика в 1896 г. Тем не менее нельзя сказать, что и в этот период в силлок складывается положительный образ России и русских: он, скорее, нейтральный. После 1896 г. наблюдается постепенное падение влияния России в Корее, что выражается, к примеру, в упоминании отзыва русского финансового советника В. А. Алексеева или отправки русских военных советников обратно в Россию в 1898 г. Постепенно российско-японское соперничество приводит к открытому конфликту, следы которого хорошо прослеживаются и в силлок: если после начала военных действий Россия все еще именуется «Араса» (традиционное, пришедшее из Китая название), то после победы Японии исключительно как «Носоа» (принятое в Японии название). После поражения в войне русские упоминаются в силлок лишь однажды, но уже не как грозные воины XVII в. или опасные «варвары» середины XIX в., а как рядовые нарушители общественного порядка, без разрешения проникшие на территорию дворца.

Список литературы

1. *Пак Б. Д.* Россия и Корея. Изд. 2-е, доп. М. : Институт востоковедения РАН, 2004. 519 с.

2. Чосон ванчжо силлок. Реальные записи правящего дома Чосон [Электронный ресурс]. URL: http://sillok.history.go.kr/ (дата обращения: 22.03.2017).

3. Kang Hyeok Hweon. Big Heads and Buddhist Demons: The Korean Musketry Revolution and the Northern Expeditions of 1654 and 1658 // Journal of Chinese Military History. 2013. N 2. P. 127–189.

4. Veritable Records of the Joseon Dynasty [Electronic resource]. URL: http://sillok.history.go.kr/ intro/english.do/ (дата обращения: 22.03.2020).

Image of Russia and Russians in the Veritable Records of the Joseon Dynasty (Joseon Wangjo Sillok)

Vadim Akulenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. This paper is devoted to the problem of the image of Russia and Russians, presented in the chronicle “The Annals of the Joseon Dynasty” (Joseon Wangjo Sillok). In order to make this research author used materials, which are located at the Kyujanggak Institute of Korean Studies of Seoul National University, and are available in the web-site of the National Institute of Korean History. More than 200 references to Russia and Russians dated by the reign of the kings Hyojong, Sukjong, Cheoljong, as well as emperors Gojong and Sunjong were found and analyzed.

Keywords: Joseon, Russian-Korean relations, image of Russian, image of Russians, Joseon Wangjo Sillok.

Акуленко Вадим Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры корееведения, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований; Дальневосточный федеральный университет; Приморский край, п. Аякс, Россия; e-mail: akulenko.vs@dvfu.ru

УДК 327+94

Россия и Корея: история позитивных взаимоотношений

А. Ю. Иванов

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема взаимоотношений России с Кореей с конца XIX в. по нынешний период. В ходе исследования делается вывод, что начиная с установления русско-корейских дипломатических отношений в 1884 г. Россия, в отличие от других капиталистических государств, не только не преследовала агрессивных целей в отношении Корейского полуострова, но и старалась выстраивать внешнюю политику с Кореей в духе дружбы и добрососедства.

Ключевые слова: Корея, Россия, российско-корейские отношения, двустороннее сотрудничество

За почти 130-летний период история двух соседних государств, России и Кореи была насыщена крупными событиями, сменой экономических формаций и политических систем, борьбой россиян и корейцев против иноземного вторжения. Исторически сложилось так, что к середине XX в. под непосредственным влиянием стран-победителей во Второй мировой войне на Корейском полуострове образовалось два государства: Республика Корея на юге и Корейская Народно-Демократическая Республика на севере. Каждая из них встала на собственный путь развития в соответствии с целями, провозглашенными правящими элитами.

В начале 90-х гг. XX в. в мире произошли крупные изменения, которые затронули и государства на Корейском полуострове. Советский Союз установил в сентябре 1990 г. дипломатические отношения с Южной Кореей, отказавшись от односторонней ориентации на Северную Корею. В начале XXI в. политика российского правительства в отношении корейских государств стала более взвешенной и сбалансированной. Такая политическая линия на данный момент отвеча-

ет национально-государственным интересам самой России и безопасности не только на Корейском полуострове, но и во всей Северо-Восточной Азии.

Говоря о начале установления официальных дипломатических отношений между Россией и Кореей во второй половине XIX в., российская дипломатия, в отличие от Великобритании, Японии, Франции и других капиталистических государств, исходила из необходимости сохранить статус-кво в Корее, обеспечив тем самым независимость корейского государства.

Первый официальный договор между Российской Империей и Кореей, который стал основой дипломатических отношений двух стран, был подписан 7 июля 1884 г. Заключение российско-корейского договора имело историческое значение для обоих государств. Договор способствовал расширению двусторонних связей в политической, экономической, военной и других областях.

Для российского государства договор о дружбе с Кореей также стал важным политическим документом, учитывая нарастание реальной угрозы российским интересам на Дальнем Востоке со стороны крупных капиталистических стран. В тот период США, Англия, Япония, Германия реально стремились превратить Корею в плацдарм враждебных России сил. Заключив договор с Кореей, царское правительство тем самым предотвратило использование этими странами территории Корейского полуострова в антироссийских целях. Отход России от политики «выжидания» позволил ей занять в Корее более прочное положение.

90-е гг. XIX в. стали периодом тяжелых испытаний для корейского народа. Острые внутренние противоречия, борьба за власть различных кланов и партий, тяжелая экономическая ситуация ослабляли страну перед лицом надвигавшейся опасности потери независимости, подчинения иностранной державе. Японо-китайская война 1894–1895 гг. еще больше разорила Корею. Усилия русской дипломатии не допустить войны между Японией и Китаем не имели успеха. Военные действия происходили на территории Кореи в условиях широкого крестьянского восстания. Трагическая гибель королевы Мин в 1895 г., формирование прояпонского правительства и фактический арест короля Кочжона поставили Корею на грань полной потери независимости.

В этой обстановке российское правительство выразило согласие с просьбой Кочжона укрыться в русской миссии в Сеуле, и 30 января 1896 г. на территорию русской миссии тайно были переведены король и его старший сын.

В первые часы пребывания в русской миссии Кочжоном были подписаны воззвания к народу, в которых он объяснял причины, побудившие его к бегству из дворца, и призывал народ к спокойствию и порядку. Кроме того, король подписал ряд указов о назначении новых министров.

Новое корейское правительство, сформированное после бегства Кочжона в русскую миссию, и сам король обратились к правительству России с просьбой направить в Корею русских военных инструкторов для создания новой корейской армии. Русские инструкторы провели большую работу по обучению корейских военнослужащих, в том числе королевской охраны.

Во избежание японского порабощения, Кочжон неоднократно ставил вопрос об установлении российского покровительства над Кореей. Царское правительство, не желая идти на дальнейшее обострение отношений с Японией, не приняло предложения Кочжона об установлении протектората. Россия пошла на заключение в 1896 г. двух соглашений с Японией, в которых зафиксированы равные юридические права России и Японии в Корее. Эти документы носили компромиссный характер и вызвали негативную реакцию со стороны корейского правительства. Однако главная забота России состояла в том, чтобы оградить независимость Кореи, сохранить ее государственность.

Однако дальнейшие события заметно ослабили двусторонние связи, а также позиции России на Корейском полуострове. Под давлением Японии на корейское руководство из Кореи были отозваны русские военные инструкторы, финансовые советники, прекратил свое существование русско-корейский банк.

Нарастание русско-японских противоречий на Дальнем Востоке в начале XX в. в конечном итоге привело к войне 1904–1905 гг., которая завершилась поражением России. Поражение России значительно подорвало российские интересы в Корее и в целом на Дальнем Востоке. Попытки российской дипломатии на Портсмутской конференции в августе 1905 г. сохранить суверенитет Кореи, отстоять ее государственность были отвергнуты Японией. Военная и экономическая слабость России на Дальнем Востоке не позволила ей проводить более решительную политику в корейском вопросе, в 1910 г. Япония полностью аннексировала Корею.

После 40 лет японского колониального господства Корея была освобождена Советской Армией. После 1945 г. развитие событий на Корейском полуострове, к сожалению, пошло по конфронтационному сценарию. На полуострове было создано два корейских государ-

ства – Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика. В течение уже почти 70 лет обстановка в Корее остается напряженной. В 1950–1953 гг. между Севером и Югом Кореи разразился военный конфликт. В последующие годы развитие ситуации на Корейском полуострове оставалось также на грани нового военного конфликта. В 90-е гг. XX в. на полуострове возник и до сих пор продолжается ядерный кризис.

В этой ситуации Россия последовательно стремилось к укреплению основ мира и безопасности на Корейском полуострове, активно поддерживала межкорейское примирение, способствовала политическому урегулированию проблем полуострова, ликвидации там очага напряженности.

Значительным шагом в укреплении российских позиций на Корейском полуострове стало заключение в сентябре 1990 г. между СССР и КНДР дипломатических отношений. В 1992 г. был заключен Договор об основах отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией, ставшей правопреемницей Советского Союза.

Россия и Южная Корея прилагают большие усилия для укрепления стабильности и безопасности на Корейском полуострове. На встречах глав государств и на уровне министров иностранных дел детально обсуждаются северокорейская ядерная проблема, подчеркнута важность ее мирного разрешения в рамках шестистороннего переговорного процесса (РФ, РК, США, КНР, КНДР, Япония).

Россия и Южная Корея осуществляют взаимодействие и по другим актуальным проблемам современной международной политической жизни. Позиции Москвы и Сеула близки или совпадают по таким вопросам, как борьба против терроризма, укрепление стабильности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, повышение авторитета и роли ООН и т. д.

Конечно, было бы ошибочно считать, что российско-южнокорейские отношения развиваются без проблем. За 20 лет трудно сразу преодолеть наследие почти 50-летней военно-политической конфронтации и идеологического противостояния. Но сделано на пути установления конструктивного партнерства и взаимовыгодного сотрудничества немало. Сейчас Москва и Сеул трезво смотрят на двусторонние отношения, видят те факторы, которые сдерживают дальнейшее продвижение сотрудничества и препятствуют всестороннему расширению отношений.

Russia and Korea: a History of Positive Relationships

Alexandr Ivanov
Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract. For more than 135 years, the history of the two neighboring states, Korea and Russia, was full of major events, the change of economic formations and political systems, the struggle of the peoples of Russia and Korea against foreign invasion. Speaking about the beginning of the establishment of official diplomatic relations between Russia and Korea in the second half of the 19th century, Russian diplomacy, unlike Great Britain, Japan, France and other capitalist states, proceeded from the need to maintain the status-quo in Korea, thereby ensuring the independence of the Korean state. The government of the Russian Empire, in the remoteness of the newly acquired territories of the Far East, sought to prevent military clashes with England, the United States, Japan and other countries that sought to expand their sphere of influence and seize new possessions in the Far East, including the Korean Peninsula. Historically, by the middle of the 20th century. Under the direct influence of the victorious countries in World War II, two states formed on the Korean Peninsula: the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea. Each of them embarked on their own development path in accordance with the goals proclaimed by the ruling elites. In the early 90s of the XX century major changes have occurred in the world that have affected the Korean peninsula. The Soviet Union established diplomatic relations with South Korea in September 1990, abandoning its unilateral orientation toward North Korea. At the beginning of the XXI century. Russia's policy towards Korean states has become more balanced. Such a political line currently meets the national-state interests of Russia itself and security, not only on the Korean Peninsula, but throughout Northeast Asia.

Keywords: Korea, Russia, Russian-Korean relations, bilateral cooperation.

Иванов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков; Тихоокеанский государственный университет; Хабаровск, Россия; e-mail: ivanoff1967@mail.ru

УДК 327

30 лет стратегии достижения цели дипломатических отношений России и Республики Корея: состояние и перспективы

Е. У. Ким
Институт Дальнего Востока РАН
Москва, Россия

Аннотация. Исследуется причины установления дипотношений РК с РФ по сценарию первой и его влияние на отношения между ними в 90-е годы. Рассматривается также корейская политика России в рамках «поворота на Восток» во внешнеполитической стратегии В. В. Путина.

Ключевые слова: Россия и Южная Корея, цели, стратегия дипломатических отношений.

Установление дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея (РК) было не спонтанным событием. Обе страны, несмотря на разный экономический, военный, политический вес в мире, разную политическую и идеологическую ориентацию, взаимную критику, искали с определенного этапа пути взаимодействия, понимая пользу от них.

Какие цели преследовали СССР и РК, принимая решение об установлении дипломатических отношений? СССР хотел содействовать ослаблению напряженности на Корейском полуострове, но прежде всего был заинтересован в инвестициях и технологиях Южной Кореи, а также участии южнокорейского бизнеса в развитии Дальнего Востока России. Планировалось сначала развить экономические связи с РК, а затем по мере роста доверия перейти к установлению и дипломатических отношений. И этот процесс предлагалось осуществить не за один год. Вес СССР в мире позволял реализовать эту дорожную карту.

Для Южной Кореи приоритетом было именно установление вначале дипломатических отношений, а затем и решение попутных вопросов. Власти РК рассчитывали, что установление дипломатических отношений с СССР позволит нормализовать отношения с большинством социалистических стран и получить доступ в ООН, а также перетянуть на себя экономические связи социалистических стран и даже добиться ослабления поддержки ими КНДР. РК ставила и задачу выхода на новые рынки сбыта своей продукции, таким образом, развивая отечественную промышленность.

Сценарий установления дипломатических отношений между нашими странами прошел по южнокорейскому варианту. Уже через год после первых зондажей по поводу нормализации отношений и установления дипломатических связей без какого-либо заметного расширения экономических связей, но под обещание предоставления кредита в размере 3 млрд долл., было принято президентами двух стран политическое решение об их установлении. После установления дипломатических отношений и визита президента Южной Кореи Ро Дэ У в Москву в декабре 1990 г., М. С. Горбачеву и его сторонникам во властных коридорах главным в отношениях с Республикой Корея было получение обещанного кредита для решения срочных экономических проблем страны. На все остальное уже не было ни времени, ни сил, чтобы ими заниматься, не говоря уже о выстраивании стратегии и, тем более, о ее выполнении, т. к. внутренние проблемы, в частности нарастание сепаратизма, особенно со стороны самой крупной союзной республики, являвшейся становым хребтом экономики и политики СССР и ухудшающееся экономическое положение в обществе, а затем и события августа 1991 г., известные как ГКЧП, привели к полному параличу центральной власти. В свою очередь, это привело к распаду великой, второй по могуществу и влиянию в мире страны с которой РК установила дипломатические отношения.

Возникшая после распада СССР новая Россия была не просто слабой тенью былой влиятельнейшей страны, продолжателем и правопреемником которой она стала, а имела руководство, которое объявило себя дважды свободным, облетев на вертолете статую Свободы в бухте Нью-Йорка, и посчитало необходимым сделать первый отчетный звонок после принятия решения в Беловежской пуще о роспуске СССР не кому-нибудь, а именно президенту США Дж. Бушу. А министром иностранных дел новой России был окрещенный господином «Да», зачарованный Америкой А. В. Козырев, который не имел представления о национальных интересах страны, которую он должен был представлять для внешнего мира и чьи интересы он должен быть защищать. Мало того, он просил западных политиков, в том числе уже давно вышедших в тираж, глубоких пенсионеров указать в чем состоят национальные интересы России. В своих мемуарах виднейший государственный деятель и ученый академик Е. М. Примаков вспоминал как однажды бывший президент США Ричард Никсон спросил Козырева, каковы интересы новой России. «Если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен» [1, с. 210]. Понятно, что такое руководство России в то время не могло прово-

дить в отношении Южной Кореи политику, которая защищала бы интересы России, но предпочитало проводить такую политику, которая приветствовалась бы США, т. е. политику односторонней, выгодной для важного военно-политического союзника США – Республики Корея, в ущерб национальным интересам России. Поэтому можно сказать, что с момента установления дипломатических отношений с РК ни СССР в последние 15 месяцев своего существования, ни Российская Федерация до 2000 г. не имела своей стратегии в отношении этой страны. Правда, ситуация стала меняться с 1998 г., но окончательно сформировалась с приходом к власти президента В. В. Путина. За 30 лет получили развитие отношения между нашими странами во всех сферах, в частности торгово-экономические отношения. В этом году планируется достичь объема двухсторонней торговли в размере 30 млрд долл. В России с большим интересом отнеслись к инициативе президента Мун Чжэ Ина о 9 мостах сотрудничества между Россией и РК. Мы с оптимизмом смотрим на перспективы отношений двух стран.

Список литературы

1. Примаков Е. М. Годы в большой политике. М. : Коллекция «Совершенно секретно», 1999. 45 с.

30 years of Strategy for Achieving the Goal of Diplomatic Relations between Russia and the Republic of Korea: State and Prospects

En Un Kim
Institute of Far Eastern Studies, Moscow, Russian Federation

Abstract. Establishing diplomatic relations with the ROK, the Soviet Union primarily pursued economic objectives, and RK – political. The script of the establishment of diplomatic relations between the two countries was held in the South Korean version. Over the past 30 years, relations between our countries have developed in all areas, in particular trade and economic relations. This year, it is planned to reach the volume of bilateral trade in the amount of $ 30 billion. We are optimistic about the prospects for relations between the two countries.

Keyword: Russia and South Korea, goals, strategy of diplomatic relations.

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр корейских исследований; Институт Дальнего Востока РАН; Москва, Россия; e-mail: kimkorea@list.ru; kim@ifes-ras.ru.

УДК 327+94

Временное правительство Республики Корея в поисках сотрудничества с Советской Россией 1920–1922-е гг.

Н. Н. Ким

НИУ Высшая школа экономики
Москва, Россия

Аннотация. На основе материалов Архива внешней политики Российской Федерации, а также опубликованных документов по истории корейского революционного движения в России анализируется деятельность двух дипломатических миссий Временного правительства Республики Корея, отправленных в Москву в 1920–1921 гг. Автор поясняет причины, по которым Временному правительству так и не удалось получить официального признания от Советского правительства.

Ключевые слова: Советское правительство, Временное правительство Республики Корея, корейское национально-освободительное движение, Коминтерн, советско-японские отношения, советские корейцы

1 марта 1919 г. в Сеуле произошел митинг, на котором была зачитана подготовленная корейскими националистами «Декларация независимости» Кореи. Декларация гласила, что Корея – это независимое государство, а корейцы – самостоятельный народ. Несмотря на то, что Декларация не содержала призыва корейцев к вооруженному сопротивлению японским колониальным властям, она спровоцировала очень бурную реакцию корейского народа, поддержавшего идею независимости Кореи. На протяжении марта – апреля 1919 г. колониальная Корея была охвачена многочисленными демонстрациями, проходившими под лозунгами «Да здравствует независимость!». Японское генерал-губернаторство жестоко подавило народные выступления, вошедшие в корейскую историю как «Первомартовское движение» (*самильундон*).

На волне Первомартовского движения в Корее, а также за ее пределами корейские националисты объявили о создании временного правительства. Считается, что в целом в разных регионах было провозглашено не менее 8 временных правительств [Ли Манъёль, 2009, с. 35]. Среди них три правительства – Приморское Временное правительство, созданное в России (17.03.1919), Шанхайское Корейское Временное правительство (11.04.1919), Хансонское Временное правительство, провозглашенное в Инчхоне (23.04.1919) – объединились и в сентябре 1919 г. сформировали единое Временное правительство Республики Корея (*тэханмингукимсичонбу*).

27 января 1920 г. премьер-министр Временного правительства Республики Корея Ли Донхви (1873–1935) направил из Шанхая (копия на английском) письмо на китайском языке на имя В. И. Ленина, в котором выразил пожелание установить дружественные связи с Советским правительством, и сообщил, что отправил в Россию уполномоченного представителя Временного правительства Хан Хёнгвона. В своем письме, сопровождаемым верительной грамотой на имя Хан Хёнгвона, Ли Донхви указал на взаимный интерес российского и корейского народов в предотвращении угрозы, исходящей от японского империализма и капитализма. «Борьба корейцев за свободу и независимость соответствует внешнеполитическим идеям Советской России, одним из ключевых принципов которых является принцип самоопределения нации», писал Ли Донхви. Хотя мы не располагаем текстом ответного письма Ленина, но косвенным образом можно заключить, что он все-таки ответил на обращение Ли Донхви. В мае 1920 г. Ли Донхви отправил очередное письмо премьеру Советского правительства, искренне поблагодарив его «за сочувствие корейскому народу» [6, с. 59]. В этом же письме он еще раз повторил, что откомандировал в Россию Хан Хёнгвона.

Тот факт, что Временное правительство Республики Корея решило обратиться с предложением о сотрудничестве к РСФСР во многом определялось «левизной» его политической тактики и платформы в 1919–1920 гг. Ли Донхви был одним из основателей Партии корейских социалистов, ярким представителем левого крыла национально-освободительного движения. Эмиссар, которого он направил в Москву, будучи премьер-министром Временного правительства, также был членом данной партии. Революционный курс Временного правительства четко характеризует письмо Хан Хёнгвона Чичерину от 17 июня 1920 г.: «Временное правительство для достижения вожделенной цели – независимости Кореи в данный момент принимает следующую тактику в борьбе с Японией:

1) призыв масс к неподчинению законам японского правительства и распоряжениям японского генерал-губернаторства в Корее;

2) призыв масс к отказу в платеже налогов и податей, взимаемых японским правительством;

3) призыв масс к продолжению саботажа, бойкота, забастовок и другого вида протеста и борьбы против японского насилия;

4) призыв масс к беспощадной войне против монархистов и дворян, продавших свободу родного народа Японии;

5) призыв масс путем агитации и пропаганды к восстанию в защиту за попранные права;

6) поддержка партизанам, оперирующим в северных лесных районах Кореи, т. е. в пограничных полосах с Маньчжурией» [5].

Курс Временного правительства на революционную борьбу против «японских империалистов» соответствовал общей внешнеполитической линии большевистского правительства в 1917–1920 гг. Выступив за мир без аннексий и контрибуций, большевики тем самым сообщали народно-революционным силам в колониально зависимых странах, что признают справедливой и оправданной их борьбу за независимость. Считая на тот момент времени наиболее вероятным победу социалистической революции в странах Запада, нежели чем на Востоке, руководство РКП(б) полагало важным оказывать всемерную помощь рабочему движению и революционным группам в колониально зависимых странах. Именно в рамках данного внешнеполитического курса надо понимать обращение молодого Советского правительства 26 июля 1919 г. к корейской революционной организации Кунминхве (Корейское национальное собрание) и ко всему корейскому народу. «В то время как Красная Армия и корейские солдаты будут бороться с японцами со стороны Урала, корейский народ должен восстать в своей стране и сделать все усилия, чтобы войти в сношения с Рабоче-крестьянским правительством в России. Тогда только соединенными усилиями мы сможем прогнать японцев из Владивостока и из Страны Утреннего Спокойствия. Час освобождения близок. Корейские революционеры, напрягайте ваши последние усилия» [6, с. 44–45].

Выступая за мир без аннексий и призывая одновременно к солидарности в рабочем движении, поддерживая революционные силы по всему миру, большевики достаточно быстро осознали, что необходимо соблюдать некий баланс между интернационалистской риторикой и необходимостью мирного сосуществования с империалистическими державами, война с которыми существенно подрывало силы советского государства. В декабре 1920 г. Ленин, выступая на собрании актива московской организации РКП(б), отметил необходимость использовать противоречия между империалистическими державами с тем, чтобы обеспечить мир и дать советскому государству возможность окрепнуть, восстановить свое хозяйство. В этой же речи Ленин упомянул Корею в контексте империалистической вражды между США и Японией на Дальнем Востоке. «Япония будет воевать за то, чтобы продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских. Недавно мы получили корейскую газету, рассказывающую, что делают японцы. Здесь соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской систе-

мой пыток, с неслыханным зверством, но этот лакомый кусочек хотят вырвать американцы» [Ленин, т. 42]. Большевики, считал Ленин, должны использовать эти противоречия для достижения выгодных экономических контрактов с одной из враждующих стран, в частности с США.

Если игра на противоречиях между крупными державами могла принести Советскому правительству весомые финансовые дивиденды, то для революционных сил малых народов в колониях она могла выйти боком. Собственно, так и произошло: до тех пор, пока большевики не приступили к переговорам с японцами по вопросу урегулирования ситуации на российском Дальнем Востоке в 1921 г., они всячески поддерживали корейское революционное движение, в том числе антияпонские партизанские отряды, появившиеся в этом регионе еще в 1905–1910-е гг. [Пан Бён Юль, 2020]. Когда же большевики начали обсуждение условий мирного урегулирования между Дальневосточной Республикой и Японией, то это поставило под вопрос целесообразность дальнейшей поддержки корейских революционных групп, тесно связанных с антияпонскими партизанскими отрядами в данном регионе. Перемена в отношениях большевистского правительства с Японией не могла не отразиться на его позиции в отношении Временного правительства Республики Корея.

Год спустя, в 1921 г., когда в Москву была отправлена вторая миссия от Временного правительства, выяснились некоторые обстоятельства того, каким образом был подобран состав первой миссии. Решение об отправке миссии в составе трех человек в Россию было принято Временным правительством зимой 1919 г. В отличие от самого правительства, находящегося в Шанхае, делегаты должны были прибыть из других мест. «Пока делегатов вызывали в Шанхай для получения официальных инструкций Ли-Донг-Уви (премьер) [Ли Донхви] послал Хан-Хиунг-Квуна [Хан Хёнгвона] в Москву. В 1920 г. летом делегаты, назначенные Временным правительством прибыли [Шанхай] и правительство намеревалось их немедленно отправить, но Ли-Донг-Уви запротестовал против немедленной отправки, мотивируя свой протест следующим, что в данное время выгодно не посылать делегацию, Правительство решило отложить отправку делегации…» [4]. Исходя из данного письма, можно заключить, что Ли Донхви тайно отправил миссию в Москву, включив в нее тех делегатов, которых считал политически надежными. А таковыми могли быть только члены Партии корейских социалистов, лидером которой был Ли Донхви.

Однако ни первый, ни второй эмиссар Временного правительства не смогли добиться того, чтобы правительство РСФСР признало его в качестве законного и легитимного представителя корейского народа. Фракционная борьба внутри корейского национально-

освободительного движения, изменение внешнеполитического курса правительства большевиков на Дальнем Востоке являются основными причинами отказа от сотрудничества с Временным правительством Республики Корея.

Список литературы

1. *Ли Манъёль*. Образование Временного правительства Республики Корея и его деятельность (1919–1945) // К 90-летию Первомартовского народного движения 1919 г. в Корее : материалы науч. конф. М., 2009. С. 33–51.

2. Пан Бён Юль. Росиа (сорён)-ыйтэханмингукимсичонбуинсик = Взгляды Советской России на Временное правительство Республики Кореи // Ёксамунхваёнгучже 35 чжип = Сборник работ по истории и культуре. Т. 35. 2010. С. 489–524.

3. Пан Бён Юль. Национально-освободительное движение Кореи и российский Дальний Восток (1905–1910 гг.) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossiyskiy-dalniy-vostok-1905–1910-gg/ (дата обращения: 06.01.2020).

4. АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 8. П. 116. Д. 36. Л. 210.

5. АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 70–71.

6. ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М. : РОССПЭН, 2007.

7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41, 42 [Электронный ресурс]. URL: https://leninism.su/works.html

Provisional Government of the Republic of Korea in Search of Cooperation with Soviet Russia 1920–1922s.

Nataliya Kim

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. As a result of the March 1st uprising, which swept colonial Korea in the spring of 1919, Korean nationalists established the Provisional Government of the Republic of Korea in Shanghai. One of the main tasks of the Provisional Government was to achieve international recognition and receive financial assistance for the implementation of anti-Japanese resistance. To this end, it tried to establish contacts with the Soviet Government that expressed support for the national liberation movement of Koreans against Japanese imperialism. Based on documents from the Archive of Foreign Affairs of the Russian Federation and published sources of the Russian Archive of Socio-Political History, the study focuses on diplomatic correspondence between the Provisional Government of the Republic of Korea and the government of the RSFSR, identifies key stages and problems of bilateral relations in the 1920–1922-s.

Keywords: Soviet Government, Provisional Government of the Republic of Korea, Korean national liberation movement, Communist International, Soviet-Japanese relations, Soviet Koreans.

Ким Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения; НИУ Высшая школа экономики; Москва, Россия; e-mail: nkim@hse.ru

УДК 341.212.2:94(519)

Дипломатический статус королевства Чосон в период установления отношений с Россией[1]

Л. Е. Козлов

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. Рассматриваются отношения России и Кореи, установленные в 1884 г. Указывается, что Корея делала первые шаги в освоении современной модели дипломатии, и ее статус в международных отношениях был размытым. Анализируются признаки неполного суверенитета королевства Чосон и его попытки проводить суверенную дипломатию.

Ключевые слова: дипломатическая служба, дипломатическое право, неравноправные договоры, ограниченный суверенитет, королевство Чосон.

Дипломатические отношения Российской империи и королевства Чосон были установлены договором о дружбе и торговле 1884 г. и конкретизированы Правилами о пограничных сношениях и торговле на Тумынь-Цзяне 1888 г. В этот период Корея делала первые шаги на пути освоения современной модели дипломатии, и ее статус в международных отношениях был не вполне определенным.

Хотя в исторической литературе традиционно подчеркивается неравноправный характер первых договоров Кореи с Японией и США, они были неравноправными главным образом в торговых вопросах, но о дипломатическом равенстве Кореи с этими партнерами говорили совершенно конкретно. Статья 2 Канхваского договора 1876 г. предусматривала обмен между Кореей и Японией посланниками в течение следующих пятнадцати месяцев и учреждение постоянных представительств в каждой стране. Контрагентом Японии в Корее устанавливалось министерство обрядов, а для корейского посланника – министерство иностранных дел Японии [5]. Статья 2 договора о мире, дружбе, торговле и мореплавании 1882 г. подробно говорила о взаимном назначении между США и Кореей дипломатических и консульских представителей, причем в отношении консулов всячески подчеркивалось, что они должны назначаться из государственных чиновников, а не торговцев, и что назначенные консулы не должны вовлекаться в торговлю. Также здесь говорилось о привиле-

[1] *Работа выполнена в рамках программы «Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах» Министерства образования Республики Корея и Академии корейских исследований (Academy of Korean Studies) (AKS-2015- OLU-2250003).*

гиях, правах и иммунитетах дипломатов и консулов и о консульской экзекватуре [4]. Таким образом, в 1882–1883 гг., когда был подписан и ратифицирован договор с США, корейская сторона уже однозначно понимала порядок и форму современных дипломатических и консульских сношений.

Китай, который исторически был сюзереном Кореи, на стадии подписания первых договоров Кореи с Японией и США не отрицал их правомерность и был осведомлен о предшествовавших переговорах. Более того, в Китае начала издаваться западная литература о дипломатическом праве: «Начала международного права» Генри Витона, «Введение в изучение международного права» Теодора Вулси и «Современное международное право цивилизованных государств» Иоганна Блюнчли. Эти книги были переведены на китайский язык в 1864, 1877 и 1880 гг. соответственно и вскоре после перевода импортированы в Корею. Книгу Блюнчли правительство Кореи переиздало и широко распространило в 1896 г. [3]. В международном праве корейцам особенно понравился вестфальский принцип суверенитета, когда имеющая международное признание и не вмешивающаяся в чужие внутренние дела страна не может быть захвачена другой страной.

Впрочем, после мятежа Имо 1882 г. Китай вынудил Корею подписать «Правила морской и сухопутной торговли», носившие еще более неравноправный характер, чем договоры с Японией и США. В соответствии со ст. 1 и 2 Китай направлял в каждый открытый порт Кореи торговых комиссаров, каковые фактически были консульскими работниками и осуществляли юрисдикцию над китайскими подданными в своем округе. По инициативе Ли Хунчжана в Сеул был направлен так называемый генеральный комиссар по торговле и переговорам, который занимался далеко не только вопросами международной торговли, но осуществлял надзор за корейской внутренней и внешней политикой. Корейский монарх имел право послать комиссаров по торговле в китайский порт Тяньцзинь, но они не обладали юрисдикцией над корейскими подданными [7].

Поскольку Китай стремился закрепить международный статус Кореи как зависимой нации (тогда в Европе было нормой, что существует полунезависимые и вассальные нации), по его инициативе возобновилось формирование дипломатического ведомства Кореи. Спектр обязанностей «ведомства переговоров и торговли» в итоге получился очень пестрым, среди прочего, в них входило взимание налога на соль [8]. Но также оно осуществляло и обычные функции центрального аппарата министерства иностранных дел: ведение дипломатической переписки и переговоров, составление проектов до-

говоров и хранение заключенных договоров, отправка делегаций за рубеж и размещение иностранных миссий в Корее, выдача национальных виз иностранцам, составление верительных грамот, решение вопросов экстерриториальности и т. п. [9].

С китайской стороны в данное ведомство были назначены два советника, правда, назначение Мёллендорфа имело обратный ожиданиям Пекина эффект и скорее способствовало суверенизации корейской дипломатии. Несмотря на это, иностранные постпреды в Сеуле «чувствовали некоторые затруднения при обращении в учреждение, где все решалось назначенным Китаем иностранцем», а их МИДы зачастую решали свои вопросы по Корее через постпредов в Пекине [1].

Многие корейские политики, например, Ким Юнсик и Ким Хончжип, размышляли о том, что именно дипломатическое лавирование между великими державами обеспечит Корее независимость на период модернизации экономики и вооруженных сил [6]. Япония и США подталкивали Корею к проведению самостоятельной внешней политики, в частности, к назначению постоянных дипломатических представителей. Первые постоянные миссии за рубежом Корея создала в 1887 г. в Японии и в 1888 г. в США. Размещение миссии в Токио шло проще, поскольку Япония держала в Корее и капитал, и военный контингент, но миссия в Вашингтоне натолкнулась на жесткое сопротивление Китая. Ли Хунчжан давал на нее согласие лишь при условии, чтобы корейского полномочного министра Пак Чунъяна при первой официальной встрече в стране пребывания сопровождали китайские дипломаты, демонстрируя вассальную зависимость Кореи от Китая, и чтобы в важных делах корейские дипломаты обязательно советовались с китайскими. Пак Чунъян вначале согласился с этими требованиями, но по прибытии в Вашингтон вручил верительные грамоты и был принят президентом США Кливлендом в обычной для дипломатов суверенных стран форме. Узнав об этом, правительство Китая настоял на его досрочном отзыве. В том же 1888 г. российский посланник в Пекине в донесении центральному аппарату в Санкт-Петербурге выражал мнение, что Корея остается в полузависимом состоянии, что не дает ей права на отправление собственных послов [2, с. 118–119].

С одной стороны, в 1880-е гг. европейские державы признавали суверенитет Кореи ограниченным и назначали туда министра-резидента или генерального консула, т. е. третий-четвертый уровень дипломатического представителя. Показательной была история первого американского постпреда Люциуса Фута. На волне завышенных ожиданий от отношений с Кореей он прибыл весной 1883 г. в Сеул в

статусе чрезвычайного посланника и полномочного министра, т. е. дипломата второго уровня. Он сразу завоевал доверие Кочжона, поддерживая независимость и модернизацию Кореи, однако из-за интриг генерального комиссара Юань Шикая уже в июле 1884 г. правительство США понизило его статус до министра-резидента, под предлогом низкого объема торговли США и Кореи. Опытный дипломат предпочел свернуть свое пребывание в Корее, а его место занял молодой Дж. Фоулк [2, с. 91, 101].

С другой стороны, китайское правительство не контролировало ситуацию в Корее полностью. Юань Шикай хотя и мог мешать вану Кочжону в проведении самостоятельной внешней политики, но не направлял ее по своему усмотрению. Помимо Японии и США, Корея в 1880-е гг. подписала договоры с Великобританией, Германией, Россией, Италией, Францией, на основе которых в Сеуле сформировался иностранный дипломатический корпус и даже был выбран дуайен.

В виду размытого статуса Кореи российской дипломатии было сложно выработать последовательную линию в корейском вопросе. Уровень российского представительства в Корее изначально был задан самый низкий (генеральный консул). Российские дипломаты вели себя осторожно, чтобы избежать трений с Китаем. В результате пророссийская фракция в Корее оставалась немногочисленной, была слаба российская предпринимательская и военная активность, зато сильны антироссийские стереотипы, поощряемые Японией, Китаем, Великобританией.

Список литературы

1. *Симбирцева Т. М.* «Загадочный» барон П. Г. фон Мёллендорф и его «прорусская» деятельность в Корее (1882–1885) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар : сб. ст. СПб. : Фонд восточных культур, 2002. С. 25–44.

2. *Шарафетдинова А. И.* Политика США в Корее в 1866–1905 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Ин-т востоковедения РАН. М., 2014. 232 с.

3. *AnJong-Chol.* Korean understanding of «civilization» and «sovereignty» in the late 19th century: an analysis on three international law books // Korea in global history: the long nineteenth century and the foreign powers. Program of conference. Heidelberg, May 19–21, 2017. P. 7.

4. Peace, amity, commerce, and navigationtreaty between the United States of America and the Kingdom of Chosen // Library of Congress. United States treaties. 1775–1949. Vol. 1 (1776–1917). https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans.php/ (mode of access: 08.07.2020).

5. Treaty of peace and friendship between the Empire of Japan and the Kingdom of Corea [Electronic resource]. URL: https://worldjpn.grips.ac.jp/ documents/indices/docs/index-ENG.html (mode of access: 08.07.2020).

6. *BaekSeungcheol.* Acknowledging of international affairs and diplomatic theory of the Kim Yun Shik'sUnyang // Yeol-sang journal of classical studies. 2014. N 42. P. 13–39. (in Korean)

7. *Lee Eun-Ja.* A study on the Chinese commercial affair office in late Qing dynasty) // Journal of Ming-Qing historical studies. 2008. Vol. 30. P. 359–396. (in Korean)

8. *Lee Younghak.* Levying salt tax revenue and its characteristics in the late 19th century // Korean studies. 2012. Vol. 26. P. 389–430. (in Korean)

9. *Yoo Ba-Da.* From gyorin to diplomacy: international legal rights and limitations of Joseon's foreign office // The journal for the studies of Korean history. 2019. № 11. P. 7–27. (in Korean)

Diplomatic Status of the Kingdom of Joseon During the Establishment of Relations with Russia

Leonid Kozlov

Far Eastern Federal Universityб Vladivostok, Russian Federation

Abstract. The diplomatic relations of Russia and Joseon were established 1884. During this period, Korea took its first steps, learning the western order of diplomacy, and its status was ambiguous. Korea has already signed treaties with Japan and the USA in 1876 and 1882, which explicitly spoke of its equality with these partners. But after the Imo Incident of 1882 the Chinese Trade and Negotiating Commissioner in Seoul oversaw Korean policy. This uncertainty made the relations of Russia with Korea very difficult.

Keywords: diplomatic service; diplomatic law; unequal treaties; semi-sovereignty; Kingdom of Joseon.

Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений; Дальневосточный федеральный университет; Владивосток, Россия; e-mail: leonidkozlov@yahoo.com, kozlov.le@dvfu.ru

УДК 929+94

Профессор Юрий Михайлович Бутин – военный переводчик, кореевед, экономист и историк[1]

Ю. В. Кузьмин

Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Представлена творческая биография профессора Ю. М. Бутина (1931–2002) – известного востоковеда, специалиста по древней истории Кореи и корейского языка. Впервые в российской историографии определены основные этапы научной и служебной биографии ученого. Важное место уделено созданию Ю. М. Бутиным в Иркутске трех кафедр мировой экономики и востоковедения, организации преподавания корейского языка. Дан краткий обзор основных научных трудов профессора Ю. М. Бутина по истории Кореи и востоковедению, которые вошли в мировую науку. Делается вывод, что творческая биография профессора Ю. М. Бутина – ученого-востоковеда, кореeведа, историка и экономиста заслуживает дальнейшего специального исследования.

Ключевые слова: Ю. М. Бутин, корейский язык, востоковедение в Иркутске, древняя история Кореи, военный переводчик.

В 1980–1990-е гг. в Иркутске успешно работал известный специалист по корейскому языку и древней истории Кореи профессор Ю. М. Бутин, который организовал три кафедры изучения стран Востока и регионоведения и успешно преподавал корейский язык, издал учебник корейского языка.

Кандидат экономических наук и доктор исторических наук Ю. М. Бутин был специалистом широкого профиля, преподавал историю стран Восточной Азии и корейский язык, владел корейским, японским, китайским и английским языками, подготовил значительное число специалистов по мировой экономике и регионоведению в БГУЭП, ИРГТУ, САПЭУ, создал в этих вузах кафедры мировой экономики, восточных языков и регионоведения.

Историк-востоковед и экономист Юрий Михайлович Бутин (1931–2002) является создателем и первым заведующим кафедрой мировой экономики БГУЭП. Первое название кафедры было в 1989 г. совсем другое – кафедра международных экономических отношений

[1] *Грант Российского фонда фундаментальных исследований № 18-514-94002 МОКН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии»; Грант Российского фонда фундаментальных исследований № 20-59-44008 Монг_а «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».*

и истории народного хозяйства. Затем кафедра стала называться «кафедра экономики Юго-Восточной Азии».

Иркутску и нашему университету очень повезло, что создание кафедры мировой экономики и международного бизнеса БГУЭП было поручено кандидату экономических наук и доктору исторических наук Юрию Михайловичу Бутину, востоковеду и экономисту. К сожалению, полностью реализовать свои замыслы развития кафедры не удалось. Ю. М. Бутин делился со мной планами создания на базе нашей кафедры в Иркутске Восточного Института, и кафедра предполагалась как начало этого дела. Он пытался объединить немногих востоковедов города в одном вузе, которые в 90-е гг. в каждом университете создали восточное направление и распылили свои усилия. В Иркутске существовал, например, негосударственный Русско-Азиатский университет, который готовил специалистов широкого профиля, и готовились культурологи со знанием восточных языков. Тогда существовал настоящий «бум» изучения стран Востока и восточных языков. Раньше, в советское время востоковеды готовились только в Москве, Петербурге, Казани и Владивостоке.

Известный исследователь истории и археологии древней Кореи, знаток восточных языков Ю. М. Бутин был не только крупным ученым-востоковедом, но и успешным организатором ряда востоковедных кафедр в городе Иркутске.

Юрий Михайлович родился 17 ноября 1931 г. в совхозе «Красный великан» Забайкальского района Читинской области. В 1952 г. успешно окончил училище военных переводчиков восточных языков в Канске и в течение четырех лет служил военным переводчиком, в том числе в Корее. Сегодня мы называем это оказанием интернациональной помощи корейскому народу.

В настоящее время мы многое знаем об этих трагических и героических событиях 1950–1953 гг. по книгам, статьям, публикациям зарубежных и корейских авторов. К сожалению, Ю. М. Бутин почти никогда не касался этой темы и очень мало рассказывал о своей военной службе. Данная в свое время подписка о неразглашении этих сведений свято им соблюдалась, и тогда когда ее срок закончился и пришли другие времена. Ю. М. Бутин любил в неформальной обстановке общаться с бывшими военными, с теми, кто служил в Советской Армии, как-то особо выделяя их из общей мужской и преподавательской массы. Такие люди, даже молча, понимают друг друга, не любят громких фраз о патриотизме и своих «героических подвигах». Мне кажется, что служба в Корее наложила серьезный отпечаток на характер и трагическую судьбу этого талантливого человека. Внешне

это был суровый и закрытый человек, но открытый и доброжелательный, ироничный в среде своих близких коллег и товарищей. Иногда, в неформальной обстановке мог быть резким и критичным.

После демобилизации в 1960 г. окончил экономический факультет Таджикского университета в Душанбе (1956–1960 гг.). Работал экономистом, преподавателем политэкономии, экономической истории в организациях и предприятиях Таджикистана, Читинской, Иркутской областей. Он часто менял места своей работы и место проживания. Возможно, продолжалась его служба военного переводчика. Затем окончил аспирантуру Института географии Сибири и Дальнего Востока и в 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике Сибири в Иркутском институте народного хозяйства: «Развитие и размещение промышленности строительных материалов Восточной Сибири. Длительное время работал научным сотрудником в Академии наук Сибирского отделения и в Институте истории, уйгуроведения Академии наук Казахстана. Он хорошо овладел местными языками народов Центральной Азии.

Также Ю. М. Бутин успешно трудился в реальном промышленном секторе советской экономики: старший экономист Усть-Карской геологоразведочной партии (1961–1962 гг.), начальник планового отдела кожевенно-обувного комбината в Чите (1962–1963 гг.), старший экономист управления промстройматериалов Восточно-Сибирской СНХ (1963–1964 гг.), главный экономист цементного завода в Ангарске (1964–1965 гг.).

Длительное время он работал в Новосибирске, в Институте истории – крупном центре сибирской и российской гуманитарной науки, где работали и работают крупные российские ученые: археологи, этнографы, востоковеды, историки. Подготовка докторской диссертации в таком научном центре, где работают высококвалифицированные специалисты, требовательные принципиальные ученые – довольно сложное дело. Сложность заключалась и в том, что Ю. М. Бутин полностью сменил сферу своего исследования: перешел из экономики в историческую науку и избрал для изучения очень сложную и неразработанную проблему – древняя история Кореи, археологические памятники, их анализ и классификацию. Ученые периодически меняют направления исследования, но не так кардинально.

В 1986 г. Ю. М. Бутин успешно защитил докторскую диссертацию по древней истории Кореи («Корея в эпоху ранних государств») в Ленинградском отделении Института Востоковедения, и стал доктором исторических наук. Он глубоко проанализировал письменные восточные источники и сопоставил их с новейшими археологическими данными корейских ученых.

Были изданы крупные монографии: «Древний Чосон» (Новосибирск, 1982), «Корея: от Чосон к Трем государствам» (Новосибирск, 1984), которые вошли в золотой фонд российского корееведения. Позднее эти книги были переведены и изданы в Южной Корее в 1986 и 1990 гг. в Сеуле и прочно вошли в российское и мировое корееведение.

Редкий случай в науке: кандидат экономических наук защищает докторскую диссертацию по всеобщей истории, ее узкой специализации – древней истории Кореи. Это свидетельствует о высокой научной эрудиции автора, его редких способностях. Высокие аналитические и исследовательские способности Ю. М. Бутина позволили осваивать новые сферы научной деятельности и достигать серьезных успехов.

В 1989 г. Ю. М. Бутин приезжает в Иркутск и начинает работать в Иркутском Институте народного хозяйства. Он возглавляет кафедру истории народного хозяйства и международных отношений и предлагает создать специальную кафедру по изучению восточных языков и экономики стран Восточной Азии. Создается новая для института специализация «Экономика ЮВА» (Экономика Юго-Восточной Азии»), начинается изучение студентами восточных языков: китайского, японского, корейского и экономики стран Востока. Студенты кафедры изучают язык не только с российскими преподавателями, но и с носителями восточных языков, приглашенными из стран Востока. Студенты направлялись на многомесячные стажировки в страны изучаемых языков. Не случайно первые выпускники кафедры длительное время успешно работают в этих странах.

В 1990 г. произошло мое личное знакомство с Юрием Михайловичем Бутиным. После защиты кандидатской диссертации на восточном факультете Ленинградского университета я работал на международном факультете Иркутского государственного университета. В конце 1989 г. вернулся из длительной 9-месячной научной стажировки из Монгольского госуниверситета, где собирал архивный и документальный материал для докторской диссертации, читал лекции студентам исторического факультета Монгольского университета и сотрудникам Посольства и Торгпредства.

Мой научный руководитель и учитель В. В. Свинин сообщил мне, что в Иркутске появился известный востоковед-кореевед Ю. М. Бутин, который хотел бы со мной встретиться. Научные работы Ю. М. Бутина мне были хорошо известны со времени учебы в аспирантуре на кафедре истории стран Дальнего Востока Ленинградского госуниверситета, где готовились китаисты, японисты и корееведы. Поэтому с большим интересом ждал встречи с известным ученым.

Юрий Михайлович оказался сдержанным и не особенно разговорчивым человеком, который больше спрашивал, чем отвечал на вопросы. Только много позднее, понял причину его такого поведения. Он подробно расспрашивал о моей биографии, особенно о военной службе в Баку, востоковедной специализации и особенно, какие курсы и спецкурсы по экономике, истории экономики стран Востока мог бы читать на его кафедре. Предложил написать название этих курсов и представить короткие программы курсов.

В это время в ИГУ мы с В. В. Свининым готовили открытие кафедры монголоведения и программы уже были готовы. Были представлены программы курсов: «Экономическая история Монголии XX в.», «Экономика Монголии», «Экономическая история стран Восточной Азии», «Культура стран Востока» и др.

Ю. М. Бутин проявил большой интерес к литературе по истории экономики и современной экономике Монголии, задавал много конкретных вопросов по данной тематике. В это время он читал курс «Экономическая история стран Восточной Азии» и готовил учебное пособие «Экономическая история Восточной Азии», опубликованное в 1994 г. Позднее мне пришлось разрабатывать именно этот курс для студентов первого курса и несколько лет читать по совместительству. Затем его успешно читал кандидат экономических наук, доцент Жаргал Зандараевич Тагаров, мой большой друг и эрудит по истории и экономики Востока и Китая, русско-китайских экономических отношений. Потом учебный курс стал называться «История мировой экономики», но в настоящее время (2019 г.) сокращен в связи с переходом со специалитета на бакалавриат.

Состав кафедры был замечательным. Успешно преподавали доценты, кандидаты экономических наук А. В. Петров, В. Ю. Рогов, И. Е. Козырская, В. М. Ягодкина, Е. Г. Яковлева, А. С. Селищев, преподаватель японского языка В. Г. Щукин.

Мне были близки наши востоковеды: Александр Сергеевич Селищев, кандидат экономических наук, доцент ИВАТУ, специалист по экономической теории и знаток восьми иностранных языков (ныне профессор в Санкт-Петербурге), преподаватель японского языка Владимир Георгиевич Щукин.

У Ю. М. Бутина было большое желание создать сильную и профессиональную команду востоковедов: историков, экономистов, филологов и готовить экономистов, со знанием восточных и европейских языков, он планировал создать в Иркутске Институт восточных языков. В 1990-е гг. регионы России получили возможность заниматься внешнеэкономической деятельностью со странами Востока:

Китаем, Японией, Кореей, Монголией, и, конечно, нуждались в квалифицированных кадрах. К сожалению, плодотворная идея оказалась не реализованной и в настоящее время ограниченные силы востоковедов рассредоточены в вузах Иркутска: ИГУ, БГУ, ИРГТУ. Иркутск, занимающий выгодное географическое и экономическое положение в России, имеющий близость к Монголии и Китаю, имеет глубокие традиции изучения восточных языков и перспективы использования специалистов по Востоку в практических структурах страны. Давно назрела потребность подготовки специалистов со знанием не только китайского, но и монгольского языка.

В 1994 г. было принято решение создать самостоятельное структурное подразделение – факультет мировой экономики. К большому сожалению, по субъективным обстоятельствам, Ю. М. Бутин не смог продолжить свою работу на факультете и перешел на работу в другой университет – Иркутский государственный технический университет, где создал кафедру восточных языков и восточный факультет. Он успешно преподавал корейский язык и опубликовал «Учебник корейского языка», по которому студенты до сих пор изучают корейский язык в ряде вузов Иркутска. У Ю. М. Бутина произошел конфликт с профессором Т. К. Петровой на почве разного понимания дальнейшего развития кафедры и факультета, тогда началось развитие европейского направления. Мои предложения Ю. М. Бутину продолжить работу на кафедре не были приняты, и он перешел на новую работу в Иркутский политехнический институт, где создал восточный факультет, на котором я некоторое время также читал свои курсы по «Культуре Востока».

В 1997 г. я подготовил к защите докторскую диссертацию, и решался вопрос о трех официальных оппонентах. Остановились на заведующем сектора Монголии Института востоковедения РАН, докторе исторических наук В. В. Грайворонском, главном научном сотруднике, д. и. н., профессоре Т. Д. Скрынниковой (Улан-Удэ), профессоре Ю. М. Бутине.

Юрий Михайлович согласился не сразу, выразив сомнение, что не является монголоведом. Пришлось его долго убеждать. Решающим аргументом стало то обстоятельство, что Ведущей организацией выступал Сектор Монголии и Кореи Института востоковедения РАН, уровень компетенции которого в данной проблеме был бесспорен. На защите состоялась не только формальная защита, но и настоящая научная дискуссия по замечаниям Ю. М. Бутина между профессорами Ш. Б. Чимитдоржиевым и Ю. М. Бутиным.

Юрий Михайлович Бутин остался в памяти как эрудированный преподаватель и ученый, свободно владеющий шестью иностранны-

ми языками. Особенно блестяще он владел восточными языками: корейским, японским, китайским. Я лично неоднократно был свидетелем свободного владения этими языками и свободное общение с носителями восточных языков.

Он опубликовал относительно немного работ, более 50 публикаций, из них три научные монографии, Учебник корейского языка, учебное пособие «Экономическая история Восточной Азии». Но все эти работы востребованы учеными и студентами, идеи Ю. М. Бутина продолжают свою отдельную жизнь. На меня сильное впечатление произвела одна из последних статей Ю. М. Бутина, посвященная французско-корейским языковым параллелям.

В 2001 г. Ю. М. Бутин издал сборник трудов «Восточные этюды», в котором опубликованы две его статьи: «Древнекорейская керамика» и «Ариран», посвященная одной из древнейших корейских народных песен.

Коллеги Юрия Михайловича из Сибирского института права, экономики и управления опубликовали в 2003 г. «Учебник корейского языка», значительную роль в издании сыграли старший преподаватель восточных языков А. В. Хегай и выпускники факультета региональной экономики А. Краснопеева и А. Неказаченко.

Не каждому ученому удается в жизни создать три работающие кафедры востоковедения и восточных языков в Иркутске. Многие его ученики сегодня являются ведущими преподавателями восточных языков и экономических дисциплин на кафедрах нашего города.

Кафедра мировой экономики БГУЭП, созданная Юрием Михайловичем Бутиным, продолжает свою работу по подготовке специалистов по международной экономике, в том числе и по Южной Корее. Творческую деятельность кафедры продолжили Тамара Константиновна Петрова, Ирина Всеволодовна Цвигун, Вера Михайловна Ягодкина, Оксана Александровна Чепинога. В настоящее время кафедра пополнилась преподавателями по туризму и экономической безопасности. Специалисты по экономике Кореи, Китая и Монголии, таможенному делу и международной экономике и экономической безопасности успешно готовятся на кафедре, которую создал профессор Ю. М. Бутин.

Как ни поразительно, но основной состав кафедры мировой экономики и международного бизнеса составляют или преподаватели, которых пригласил для работы Ю. М. Бутин, или выпускники нашей кафедры (кандидаты экономических наук, доценты Н. Р. Эпова, О. А. Чепинога, М. В. Чаликова-Уханова).

В России и нашем университете не умели ценить настоящих профессионалов, ученых-исследователей, поэтому были потеряны

ценные кадры уникальных ученых и преподавателей: профессор Александр Сергеевич Селищев, успешно работающий в Петербурге, кандидат экономических наук, доцент Жаргал Зандараевич Тагаров, кандидат экономических наук, доцент Надежда Георгиевна Данилович, профессор Вера Михайловна Ягодкина. К счастью, выпускники нашей кафедры мировой экономики успешно продолжают начатое тридцать лет назад дело Юрия Михайловича Бутина и профессионально готовят новых специалистов мировой экономики и экономической безопасности.

Творческая биография профессора Ю. М. Бутина и его научное наследие нуждается в дальнейшем специальном изучении. Древняя истории Кореи – важное направление востоковедных исследований, не имеющее своих последователей в Иркутске в настоящее время. Иркутскому востоковедению и корееведению чрезвычайно повезло, что здесь успешно работали два известных специалиста по истории Кореи – профессор Пак Борис Дмитриевич – крупный специалист по новейшей истории Кореи и русско-корейских и советско-корейских отношений, и профессор Юрий Михайлович Бутин – специалист по корейскому языку и древней истории Кореи, которые заложили основы для изучения стран Востока и создали иркутскую школу корееведения в Иркутске. К сожалению, не были подготовлены Ученики крупных иркутских историков, прямого продолжения традиций не получилось.

Основные сочинения Ю. М. Бутина:

1. Древний Чосон: (Историко-археологический очерк) / Ю. М. Бутин ; отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука Сиб. отд-ние, 1982. – 330 с.

2. Корея: от Чосона к Трем Государствам (II в. до н. э. – IV в.) / Ю. М. Бутин ; отв. ред. А. П. Деревянко. – М. : Наука Сиб. отд-ние, 1984. – 255 с.

3. Корея в эпоху ранних государств : автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Ленинград, 1986.

4. Древняя Корея. – Сеул, 1986. (на корейск. яз.).

5. Древняя Корея. – Сеул, 1990. (на корейск. яз.).

6. Экономическая история Восточной Азии / Ю. М. Бутин. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. – 269 с.

7. Восточные этюды. Сборник научных трудов СИПЭУ / науч. ред. Ю. М. Бутин. – Иркутск : Изд-во СИПЭУ, 2000, 2001. –159 с.

8. Учебник корейского языка / Ю. М. Бутин. – Иркутск : Изд-во СИПЭУ, 2003. – 152 с.

Professor Yuri Mikhailovich Butin –
Military Translator, Korean Scholar, Economist and Historian[1]

Yuri Kuzmin
Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The author presents the creative biography of Professor Yu. M. Butin, a well-known orientalist, specialist in the ancient history of Korea and the Korean language. Yu. M. Butin created three departments of Oriental studies and world economy in Irkutsk universities, organized the teaching of the Korean language, published a textbook and manuals. Historian-orientalist Yu. M. Butin (1931–2002) – a major specialist in the ancient history of Korea, author of monographs: "Ancient Joseon" (Novosibirsk, 1982), "Korea: from Joseon to Three States" (Novosibirsk, 1984), which were included in the Golden Fund of Russian Korean studies. Later, these books were translated and published in South Korea in 1986 and 1990 in Seoul, and became firmly established in Russian and world Korean studies.

Yu. M. Butin graduated from the Kansk military school of military translators of Eastern languages and served in the army for four years and participated in the Korean war. The Professor was fluent in several foreign languages: Korean, Japanese, Chinese, and English. He has a PhD in Economics and a doctorate in world history-the ancient history of Korea. He worked as an economist in industrial and scientific organizations, then as an associate Professor and Professor in Irkutsk universities. The creative biography of Professor Yu. M. Butin, an orientalist, Korean scholar, historian and economist, deserves special research.

The creative biography of Professor Yu. M. Butin, an orientalist, Korean scholar, historian and economist, deserves special research.

Keywords: Yu. M. Butin, Korean language, Oriental studies in Irkutsk, ancient history of Korea, military translator.

Кузьмин Юрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности; Байкальский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: kuzminuv@yandex.ru

[1] *Grant of the Russian Foundation for basic research 18-514-94002 "National interests of Russia and Mongolia in the triangle between Russia, Mongolia – China: issues, contradictions, scenarios".*

Секция 3
ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

УДК 32.019.5

Мифы и фальшивые новости вокруг трагедии парома «Севоль»

К. В. Асмолов
Институт Дальнего Востока РАН
Москва, Россия

Аннотация. Исследуется катастрофа парома «Севоль», ставшая поводом для многочисленных слухов и мифов о главной причине гибели детей – преступном бездействии администрации Пак Кын Хе и лично экс-президента. Обозначается, что вина за высокое количество жертв лежит не на Голубом доме, а на местных властях, оказавшихся неспособными эффективно провести спасательные работы, а затем откровенно занимавшихся показухой и дезинформацией начальства. Утверждается, что Президент не получила своевременно информацию, поэтому не было немедленного реагирования на катастрофу. Автор приходит к выводу, что версия о столкновении парома с внешним объектом не подтвердилась, а представления о том, что за трагедию никого не наказали, связаны с отсутствием показательного процесса над четко определенным виновником и политизацией вопроса. Также делается вывод, что значительная часть слухов намеренно использовалась оппозицией в политических целях, став одной из причин «революции свечей».

Ключевые слова: паром «Севоль», внутренняя политика Республики Корея, «революция свечей», fake news, расследование катастроф.

16 апреля 2020 г. исполнилось 6 лет со дня катастрофы парома «Севоль». На борту находилось 476 пассажиров и членов экипажа, из них 325 – учащиеся и учителя школы высшей ступени Танвон города Ансана провинции Кёнгидо. Спасти удалось только 172 человека. Неудачно проведенная спасательная операция и странности, связанные с тем, что в 11 часов в новостях прошло бравурное сообщение о том, что большая часть пассажиров спасена [2] сразу же сформировали негативное отношение общества к власти и представления о том, что правительство что-то скрывает.

Опровержения не всегда были мгновенными, отчего трагедия с самого начала стала обрастать разнообразными мифами, часть которых была впоследствии разоблачена, а часть укоренилась в массовом сознании довольно плотно, став частью «государственного мифа», призванного формализовать ту версию событий, которая сложилась после «революции свечей». В первую очередь это мифы относительно действий власти, особенно экс-президента Пак Кын Хе, которую объявили одним из главных виновников трагедии.

У катастрофы было несколько причин, которые сложились в кровавый паззл: пренебрежение судовладельца к технике безопасности и проблемы с рулевым механизмом; перегрузка парома; незакрепленный груз; паника со стороны капитана и той части команды, которая должна была бороться за живучесть корабля [7; 8; 10].

Пусковым моментом катастрофы оказался приказ изменить курс, после которого был сделан слишком резкий поворот, отчего паром накренился, и груз, съехав в одну сторону, ударил в борт, усугубил крен и сделал его необратимым.

Этот удар «изнутри» был интерпретирован как удар снаружи, вызванный столкновением с внешним объектом, на роль которого лучше всего подходила подводная лодка. Эту версию поддержал французский журналист Жан-Стефан Беттон [3], а затем известный корейский блогер под своим интернет-псевдонимом «Заро – народный поисковый отряд».

Однако, когда в 2017 г. паром наконец подняли со дна моря и установили на берегу, никакие признаки столкновения, которые были бы неизбежны при столкновении с подводной лодкой, обнаружены не были.

Еще один миф говорил о том, что на борту затопленного парома долгое время оставались живые люди, которых власть отчего-то не хочет спасать. К сожалению, конструкция судна предусматривала отсутствие воздушных карманов, и оставшиеся внутри пассажиры погибли практически сразу же после того, как большая часть парома ушла под воду.

Следующий блок слухов базировался на представлении о том, что за два с половиной часа, которые тонул паром, можно было бы всех спасти. Мостик сообщил о катастрофе в 8:55, но из-за паники вместо того, чтобы связаться с ближайшей службой движения судов, они позвонили в пункт назначения, и в результате спасательное судно № 123 было отправлено с задержкой и появилось на месте примерно в 9:30 утра. На тот момент паром уже накренился на 60 градусов [7], а в 10:18 окончательно перевернулся [5, таймкод 09:03]. Таким образом, «золотой час» как идеальное время для спасения со-

ставлял 40–50 минут. В этом интервале в эвакуации пассажиров участвовало три вертолета, рыбацкие лодки и указанное выше спасательное судно, которое было патрульным катером с экипажем в 14 человек и одной-двумя резиновыми лодками. Все остальные суда, которые пришли на помощь впоследствии, опоздали.

Теперь о реакции Голубого дома. Главный связанный с трагедией миф заключается в том, что, «пока наши дети тонули», экспрезидент семь часов была неизвестно где и занималась неизвестно чем, а когда, наконец, появилась на брифинге, «продемонстрировала ограниченное понимание отчаянной ситуации» [5, таймкод 12:05].

Известно, что в 10:25 состоялся разговор с участием президента и службы береговой охраны, где Пак требует спасти как можно большее количество людей, проверив каюты и машинное отделение. Судя по всему, она не знает, что к этому времени паром перевернулся [5, таймкод 09:59], и это вызывает вопрос: а какую именно информацию доложили президенту? Не забудем, что к этому времени фальшивая новость о том, что всех спасли, уже прошла по СМИ, и Пак могла быть уверена, что ситуация благополучно решается. Ее позднейшие показания об этом и говорят – болело горло, потому работала с документами дома; получила информацию о трагедии, потом увидела по ТВ новость, что всех спасли; потом пришли плохие новости, и она собралась и вышла в штаб спасательных работ [6].

Еще один миф касается реплики Пак на заседании штаба: «Я думаю, мы должны выявить/проверить, живы ли или нет пассажиры, до заката. Насколько сложно найти школьников в спасательных жилетах?» [5, таймкод 12:35]. Ей сразу же объясняют, что жилеты не помогут, потому что люди заперты внутри корабля. Однако позднее ее реплику передавали как «если пассажиры носят спасательный жилет, то почему их так трудно найти?».

Однако показания Пак Кын Хе о том, что она делала эти семь часов, всплыли значительно позже, чем это пространство было заполнено слухами. Вначале японский журналист Тацуя Като 3 августа 2014 г. опубликовал статью о том, что Пак Кын Хе находилась на свидании со своим любовником. Журналист с трудом избежал уголовной статьи за клевету, и благодаря заступничеству международного сообщества [9] суд признал его невиновным.

Затем этот интервал заполнялся косметическими процедурами с инъекциями наркотических обезболивающих или шаманскими ритуалами с участием конфидантки Чхве Сун Силь, – на конспирологический вопрос «где была Пак семь часов, пока наши дети тонули» был дан удовлетворяющий массы конспирологический ответ.

Мифом является и представление о том, что Пак «высокомерно игнорировала» жертв и не принимала участие в спасательной операции. Уже на следующий день она была на месте крушения, а между 17 апрелем и 29 мая трижды приносила извинения, однако каждый раз эти извинения объявлялись неискренними, потому что они не носили характер прямого покаяния перед родственниками жертв.

Перейдем к третьей группе мифов о том, что никто из виновников трагедии не был наказан. Капитан корабля, на котором лежит значительная часть вины, 28 апреля 2015 г. получил пожизненное заключение. Тюремные сроки получили и иные члены команды, которые сбежали вместо того, чтобы бороться за живучесть корабля; представители компании и чиновники, задействованные в коррупционных схемах [1,4], а также командир спасательного судна № 123, однако в дальнейшее расследование вмешались два фактора.

Во-первых, вовремя покончил с собой главный виновник трагедии, судовладелец Ю Бён. Он, и общество лишилось показательного процесса, в котором Ю заслуженно сыграл бы роль концентратора народной ненависти. Во-вторых, провинция Чолла, в акватории которой произошла трагедия, – это традиционная база оппозиции, которая решила своих не сдавать. В результате критику с регионального начальства службы береговой охраны сразу же перенесли на центральные власти, и последующие попытки расследования провалились, потому что оппозиция требовала «начинать с головы».

С точки зрения автора, трагедия парома до сих пор нуждается в беспристрастном исследовании как с точки зрения безопасности на море, так и с точки зрения того, как умелые политики использовали гнев и боль общества, сформировав в массовом сознании определенные конструкты.

Но историк должен быть выше политики и исследовать вопрос, опираясь на принцип объективности, который предполагает как минимум разоблачение мифов, никак не связанных с реальностью.

Список литературы

1. *Волков Константин.* Главу компании-оператора парома «Севоль» приговорили к 10 годам [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2014/11/20/sevol-site. html/ (дата обращения: 10.06.2020).

2. *Кирьянов Олег.* В Южной Корее отмечают годовщину трагедии «Севоля» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2015/04/16/sevol-site.html/ (дата обращения: 10.06.2020).

3. Причастна ли Америка к гибели корейского морского парома? [Электронный ресурс]. URL: http://www.posprikaz.ru/2014/11/ prichastna-li-amerika-k-gibeli-korejskogo-morskogo-paroma/ (дата обращения: 10.06.2020).

4. Суд рассматривает дела 38 человек, причастных к гибели парома «Сэволь» [Электронный ресурс]. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail. htm?No=34709&id=Dm/ (дата обращения: 10.06.2020).

5. Фильм режиссера *Ли Сын Чжина* In the Absence [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Mrgpv-JgH9M (дата обращения: 10.06.2020).

6. Chun Young-sik Unveils Former President Park Geun-hye's Unpublished Remarks on Sewol Ferry [Electronic resource]. URL: https://eastasiaresearch.org/2019/08/15/chun-young-sik-unveils-former-president-park-geun-hyes-unpublished-remarks-on-sewol-ferry/ (mode of access: 11.05.2020).

7. In Ferry Deaths, a South Korean Tycoon's Downfall [Electronic resource]. URL: https://www.nytimes.com/2014/07/27/world/asia/in-ferry-deaths-a-south-korean-tycoons-downfall. html (mode of access: 11.05.2020).

8. More questions arise for cause [Electronic resource]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2014/04/116_155876.html (mode of access: 11.05.2020).

9. NOT GUILTY : Sankei Shimbun's Former Seoul Bureau Chief Wins Defamation Case [Electronic resource]. URL: https://japan-forward. com/not-guilty-sankei-shimbuns-former-seoul-bureau-chief-wins-defamation-case/ (mode of access: 11.05.2020).

10. 'Please hurry' – transcript of sinking ferry's desperate calls released [Electronic resource]. URL: https://edition.cnn.com/2014/04/18/world/asia/south-korea-ferry-transcript/ (mode of access: 11.05.2020).

Myths and Fake News around the Sewol Ferry Tragedy

K. Asmolov

Institute of Far Eastern Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. April 16, 2020 marked the 6th anniversary of the Sevol ferry disaster. The tragic event traumatized the whole South Korean society and gave rise to numerous rumors and propaganda myths, which formed the basis for the so-called "candle revolution". This include both a conspiracy theory around the disaster, and the thesis that the main cause of death of children was the criminal inaction of the corrupted administration of Park Geun-Hye and the ex-President personally.

Meanwhile, most of the rumors circulating after the tragedy that brought people to the streets were never proven, and even the subsequent trial of Park Geun-Hye was forced to drop charges related to the Sewol. The facts show that suspects to blame for are not the Blue house, but with the local authorities, who were unable to effectively conduct rescue operations, and then openly engaged in show-offs and misinformation of their superiors. The President just did not receive timely information that would require her to respond immediately.

Keywords: Sewol ferry, internal politics of the Republic of Korea, "candle revolution", fake news, disaster investigation.

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований; Институт Дальнего Востока РАН; Москва, Россия; e-mail: asmolov@ifes-ras.ru

УДК 327

Формирование информационно-коммуникативного пространства России и Республики Корея (1990–2020 гг.)

В. В. Вишнякова
НИУ Высшая школа экономики
Москва, Россия

Аннотация. Представлен обзор процесса формирования информационно-коммуникативного пространства двух государств России и Республики Корея. Затрагивается вопрос о формулировке нового понятия «информационно-коммуникативное пространство» (ИКП). Рассматривается история возникновения и формирования данного пространства двумя государствами, а также точки его пересечения в процессе взаимодействия России и РК на протяжении тридцати лет со дня установления дипломатических отношений. Проводится анализ сильных сторон в политике формирования ИКП Республикой Корея и недостатков в действиях России, направленных на формирование своего внешнего образа и ИКП.

Ключевые слова: информационно-коммуникативное пространство, дипломатические отношения, Республика Корея, Россия.

В 2020 – юбилейном 30-м году установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея, было предусмотрено проведение свыше 140 совместных мероприятий. Но пандемия COVID-19 вынудила многие юбилейные встречи, форумы, фестивали перенести в виртуальную реальность – информационно-коммуникационное пространство (далее – ИКП) [4; 7].

В настоящее время можно утверждать, что, в отличие от России, у которой нет законченной архитектуры ИКП, Республика Корея (далее – РК) имеет свое сформированное ИКП, причем универсальное, адресованное всем государствам и внешним акторам. Говорить о наличии общего для двух государств ИКП будет не совсем верно, скорее есть некоторое их соприкосновение в определенных точках. Например, официальные каналы связи, блоги, социальные сети, тематические форумы.

Как известно, с момента образования Республики Корея в 1948 г. наши страны по разным причинам взаимно не признавали друг друга. Переломным моментом в отношениях двух государств стала Олимпиада 1988 г., проходившая в Сеуле. В СССР в период олимпийских игр выходит серия телевизионных репортажей из Сеула, заметок в газетах, подготовленных советскими репортерами. Рассказы о Сеуле и его жителях имели дружескую, положительную коннотацию [5]. Сеульская Олимпиада послужила началом для проведения неофици-

альных встреч между представителями двух стран, итогом которых стал визит в июне 1989 г. в СССР Ким Ен Сама – лидера Демократической партии за воссоединение, будущего президента РК. Через год в Нью-Йорке министры иностранных дел РК и СССР подписали коммюнике об установлении дипломатических отношений [6].

На этапе подготовки соглашения о дипломатическом сотрудничестве шел процесс взаимного узнавания, формировалась своя определенная информационная среда, в которой образ РК и СССР представлялся позитивным. Это отчасти связано с дружеским отношением США к России. Настоящее знакомство россиян с РК началось после распада СССР в 1991 г. через получение гуманитарной помощи от РК, а также через хлынувшие на российский рынок корейские товары. Южная Корея представлялась в сознании подавляющего большинства россиян как страна с высокими технологиями, где производят качественную бытовую технику и электронные товары.

Вместе с тем, в 1998 г. возник первый неприятный момент, связанный с высылкой двух дипломатов РК из России за получение ДСП-информации от российского госслужащего и ответной отправкой из РК двух российских дипломатов [1; 2]. Этот инцидент стал первым сообщением с негативной коннотацией, который вызвал в дипломатических кругах и в обществе первые неоднозначные размышления, но не изменил общего стремления идти на сближение и сотрудничество.

В первое десятилетие после установление дипломатических отношений интенсивного культурного и информационного обмена не было, за исключением отдельных мероприятий в крупных городах России. Например, во Владивостоке в 1995 г. на деньги крупнейшей корейской компании «Кохап» было построено пятиэтажное здание для Высшего колледжа корееведения ДВФУ. Это было одно из самых значительных событий данного периода.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовано началом цифровой эпохи, развитием новых средств связи, ускорением обмена информацией, цифровизацией основных сфер жизни. Правительство РК начинает предпринимать активные шаги по созданию собственного положительного имиджа не только в традиционных форматах, но и в цифровом пространстве. Оно направляет серьезные финансовые ресурсы для создания положительного образа страны на международной арене и для формирования информационного пространства, характеризующего страну с долгой историей и традициями, как надежного партнера и сильного игрока.

Площадкой для реализации внешнеполитических амбиций и задач Южной Кореи становится Россия. РК действует в рамках долгосрочной и краткосрочной перспективы. Так, к инструментам отложенного результата относятся различные образовательные программы для иностранцев, подразумевающие прохождение полного цикла обучения от бакалавриата до аспирантуры; инвестиции в строительство заводов на территории России; открытие корейских культурных центров; финансирование общественных организаций и т. п. Например, с 2005 по 2009 г. в европейской части России строятся заводы Самсунг (2008 г., Калужская область), LG (2006 г., Рузский район Московской области), Хендэ (2008 г., Санкт-Петербург), Киа (2005 г., лента на заводе ИжАвто). Открываются корейские культурные центры в крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Ростов-на-Дону), создаются общественные организации (ОПКЯРУ) и финансируются регулярные студенческие мероприятия (всероссийская олимпиада по корейскому языку, ежегодные студенческие конкурсы на базе университетов), оказывается материальная поддержка факультетам российских университетов, где открываются отделения корейского языка. Все это позволило за короткий период (примерно 10 лет) сформировать свой круг адептов, которые в последствии стали самостоятельно транслировать в массы через различные коммуникационные каналы (социальные сети, видеоблоги, подкасты, обучающие курсы и т. п.) свое представление о РК, как о динамично развивающейся стране, в которой интересно, комфортно и безопасно проводить время, учиться, открывать бизнес.

Россия, в свою очередь, ряд программ реализовывала в рамках фонда «Русский мир», отделение которого работает в Сеуле, а также при поддержке российских дипломатических представительств, но это были незначительные штрихи по сравнению с масштабной программой Южной Кореи. Именно в этом видится причина, по которой Россия упустила инициативу в создании своего собственного внешнего имиджа для РК. Она до сих пор представляется в сознании корейского народа как страна богатая природными ресурсами, культурным наследием и низким уровнем развития экономики.

Осложнение отношений России с США и ЕС в 2014 г. стали причиной некоторой стагнации в двухсторонних отношениях между Россией и РК. Южная Корея переключает свой внешнеполитический вектор на Юго-Восточную Азию и страны СНГ (Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Вьетнам). Наряду с этим после введения в 2014 г. безвизового режима для кратковременных поездок наблюдается значительное увеличение туристического потока между двумя странами.

В 2017 г. с приходом к власти Мун Чжэ Ина, представителя либеральных сил, начался новый этап в развитии двухсторонних отношений, который характеризуется взаимным стремлением к строительству долгосрочных планов развития. Создан комитет по северному экономическому сотрудничеству при президенте РК, прежде всего для развития отношений с РФ. В комитете разрабатывается долгосрочная стратегия развития отношений с РФ (на 30 лет – отмечено нами). Важно, что и Россия в этот раз проявляет активный интерес и идет навстречу инициативам РК.

За последние 20 лет РК сформировала свое ИКП. Это пространство включает не только традиционные СМИ, но и имеет разветвленную сеть в Интернете. Тысячи роликов на любую тему на многих иностранных языках о культуре, спорте, кухне, природе, традициях Кореи, видео, подкасты, аудиозаписи по обучению корейскому языку. Причем важно, что это ИКП наполняется не только материалами, но и в его пределах формируются устойчивые коммуникационные каналы: форумы, чаты, группы. Все чаще инициаторами таких форм связи становятся не сами корейцы, а иностранцы, интересующиеся страной и корейским языком. За счет этого ИКП выходит за пределы одной страны и даже региона, приобретая глобальные масштабы. Республике Корея удалось создать свое цифровое пространство, значительно превышающее границы небольшого государства, работающее на укрепление положительного имиджа на международной арене.

Россия только стоит на пороге создания своего ИКП, которое позволит изменить внешний имидж страны, представленный в настоящее время исключительно достижениями литературных и музыкальных классиков. Реальность такова, что граждане РК современную Россию практически не знают и не проявляют к ней особого интереса. Она не представлена на общедоступной, не имеющей границ цифровой площадке, которая создается не только за счет наполнения контента в социальных сетях и интернет-порталах, но и за счет адептов России, получивших образование у нас в стране, полюбивших Россию всей душой, за счет регулярных, массовых фестивалей русской культуры, а также переведенных на корейский язык современных художественных книг, хорошо озвученных на корейском языке фильмов, рассказов об успешном бизнесе в России корейскими предпринимателями и многим другим, что так успешно смогла систематизировать и представить РК за последние 20 лет.

Список литературы

1. *Иванов А.* Сеул сосчитал своих шпионов в России [Электронный ресурс] // Коммерсант. 1998. 27 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/202080/ (дата обращения: 22.07.2020).

2. *Иванов А.* Корейцам разрешили шпионить в России [Электронный ресурс] // Коммерсант. 1998. 21 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/202547/ (дата обращения: 22.07.2020).

3. *Илюшин И.* Меня зовут Бонд. Чо Сон У «Бонд» [Электронный ресурс] // Владивосток. 1998. 10 июля. URL: https://vladnews.ru/ev/vl/413/90255/menya_zovut/ (дата обращения: 22.07.2020).

4. *Калмыков А. А.* Что такое информационно-коммуникативное пространство? [Электронный ресурс]. URL: http://jarki.ru/wpress/2010/03/10/1004/ (дата обращения: 21.07.2020).

5. *Лебедев Л.* Сегодня будет зажжен огонь XXIV Олимпиады // Правда. 1988. 17 сент.

6. ТАСС. Дипломатические горизонты // Правда. 1990. 2 окт.

7. *Худорожников И. В.* К вопросу о формировании информационно-коммуникативного пространства [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 3. URL: http://human.snauka.ru/2012/03/760 (дата обращения: 26.03.2019).

The Development of the Information and Communication Space of Russia and the Republic of Korea (1990–2020)

Vera Vishnyakova

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. The report provides a review of the process how the information and communication space of Russia and the Republic of Korea was developing. The question is about the formulation of the new concept of “information and communication space” (ICS) is touched upon. The emergence and formation of this space is considered in this report, as well as the points of its intersection in the process of interaction between Russia and the Korean Republic during the last thirty years since the establishment of diplomatic relations. The report analyzes the strengths in the policy of assembling ICS by the Republic of Korea and the shortcomings in Russia's actions aimed at forming its external image and the ICS.

Keywords: information and communication space, diplomatic relations, Republic of Korea, Russia.

Вишнякова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения, факультет мировой экономики и мировой политики; НИУ Высшая школа экономики; Москва, Россия; e-mail: vvishnyakova@hse.ru

УДК 82-94+82-92+821.531+930.2+94(519)

The First Korean Popular Journal Publication on Peter the Great (1908): Characteristics of the Source[1]

Anastasiya Guryeva

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The paper introduces the first popular journal publication on Peter the Great in Korea addressing a wide audience written by Choe Nam-seon in the Sonyeon ("Youth") journal though its context (analyzing the journal as an Enlightenment movement project, Choe's publication activities) and traces its influence on the later perception of the figure of the Russian Tzar.

Keywords: Peter the Great, Peter the Great in Korea, Korea and Russia, "Sonyeon" ("Youth") journal, Choe Nam-seon

The Emperor Peter the Great is a representative figure largely influencing the perception of Russia in the Republic of Korea. The first acquaintance with him falls on the 1900s. One of the first publications saw the light in the 1908, when Choe Nam-seon (1890–1957), a key person among Enlightenment movement activists, published a series of articles on the Russian Tzar in the *Sonyeon* ("Youth") journal. For a better understanding of the role this publication played, as well as for tracing specifics of the text, it is necessary to characterize the journal where it was placed.

Journals are a very essential phenomenon marking the changes of the cultural life of Korean society on the break of centuries, a respond to the needs of the epoch. "Youth" is the first journal in Korea. Its importance can be demonstrated through the fact that the date of the first issue publication is now an official Journal Day in the Republic of Korea. Notably, it was the first issue of the "Youth" where the article on Peter the Great was published, and this fact is principal in terms of the Tzar's image in Korea.

The paper analyzes the tasks and goals of the journal stated on the cover and related to its title, which has a symbolic meaning and is considered in the paper separately. Youth is a hope of the Enlightenment movement embodied in the famous poem of Choe Nam-seon "From the sea to the youth" which was published in the same issue. This poetical message (expressed in this first model of "free meter poem") is supported by the famous historical figures presented in this issue of the journal. Peter the

[1]*Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42018.*

Great and Napoleon, i. e. reformers able to lead people, were chosen as models for the enlightenment aspirations. The content analysis shows that the rest of the material in the issue also relates to these ideas.

A special attention in the paper is paid to the figure of Choe Namseon, the author of the articles about Peter the Great. A rather controversial person in the history of the colonial period, a historian who later principally changed his views, in the beginning of the century he steadily realized the policy of cultivating the spirit of Koreans in the face of the loss of independence.

"Youth" is one many publication projects initiated by Choe Namseon, aiming at the formation of a system of certain ideas and values. Placing the information on the Tzar whose reforms helped the rise of new Russia, in the first issue of the new journal promulgating new ideas – was a result of a thorough choice of the material. Besides, the context influences the angle and the focus of presenting the material, in turn, serving the readers' perception in the way planned by the author of the articles. In this context, the figure of Peter the Great attains an archetypical character, which forms some of the essential traits of his image as perceived by South Koreans nowadays, as well.

References

1. *Choe Nam-seon*. P'et'eodaeaejeon = Story of Peter the Great. *Sonyeon*, 1908, no. 1.
2. Sonyeon, Seoul, 1908, N 1.

Literature

1. *Allen Chizuko T*. Ch'oe Nam-sŏn's Youth Magazines and Message of a Global Korea in the Early Twentieth Century // Sungkyun Journal of East Asian Studies. 2014. Vol. 14. No. 2. P. 195–217.
2. *Ham Dae-yeong*. Hanguk cheocho-eui jonghapji – "sonyeon" (changgangho). (the First Korean Journal – *Sonyeon* (the first issue))[Electronic resource]. URL: news.ifac.or.kr/archives/2545?print=print(20. 03. 2020).

Первая корейская публикация о Петре Первом (1908): характеристика источника[1]

А. А. Гурьева

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается первая ориентированная на широкого читателя журнальная публикация о Петре I в Корее, опубликованная Чхве Намсоном

[1] *Данная работа была подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-42018.*

в журнале «Юношество», в контексте просветительского движения, в частности, издательских проектов. Анализируется влияние этого контекста на последующее восприятие фигуры Петра I корейцами.

Ключевые слова: Петр I, Петр I в Корее, Корея и Россия, *Сонён* «Юношество», Чхве Намсон.

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения; Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: nastya-gur@hotmail.com

УДК 339.942

Организационные и методические аспекты международного сотрудничества России и Кореи в области медицины и здравоохранения

Е. А. Колодина, Е. А. Скворцова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются особенности сотрудничества российских и южнокорейских компаний в области производства медицинского оборудования с применением правовой формы отношений «концессионное соглашение», анализируются перспективы развития рынка иностранной медицинской техники в России.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, здравоохранение, медицинское оборудование, глюкометр, Россия, Республика Корея.

Реализация масштабного инвестиционного проекта в области производства медицинского оборудования в г. Иркутске при участии южнокорейской компании встраивается в концепцию национальной и международной технологической инициативы Российской Федерации в области биотехнологий и имеет большое значение не только для Иркутской области, но и для страны в целом.

Сотрудничество и обмен с другими странами в сфере производства медицинских технологий является одной из приоритетных задач, поставленных перед Правительством РФ. В разработанной программе «Фарма-2020» указывается, что модернизация и инновации в области медицины являются стратегическими приоритетами страны для улучшения функционирования института здравоохранения [1].

Республика Корея на сегодняшний день является шестым по величине торговым партнером России в различных сферах. По данным Корейского агентства содействия торговле и инвестициям (КОТРА), по итогам 2019 г. и начала 2020 г. Россия находится на 12-м месте в списке основных торговых партнеров Республики Корея [6].

Один из наибольших приростов импорта России из Республики Корея за 2019 г. зафиксирован по статье группы товаров «Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические», и составил больше на 42,91 млн долл. США.

Так, одним из успешных примеров международного сотрудничества в сфере медицины можно считать завод по производству тест-полосок для измерения уровня сахара в крови и промышленной сборке глюкометров в г. Иркутске. Данный государственный инвестиционный проект был реализован благодаря поддержке АНО «Агентство инвестиционного развития Иркутской области» и АО «Корпорация развития Иркутской области», а также при участии южнокорейской компании B-bio Ltd. [5]. Такой проект является одним из первых, где производство расходных материалов и сборка оборудования непосредственно находится на территории России.

Иркутская компания ООО «МедТехСервис» находится на рынке диагностического и терапевтического оборудования более 11 лет. Благодаря южнокорейской компании B-bio Ltd. для ООО «МедТехСервис» было изготовлено по индивидуальному заказу полностью автоматизированное производственное оборудование, которое является одним из самых современных в мире.

Компания B-bio Ltd. – это дочерняя организация группы Philosys. С момента своего основания в 2013 г. она стремится стать глобальной фирмой, специализирующейся на разработке технологий, проектирования и производстве устройств для самостоятельного контроля и точечной диагностики физических показателей здоровья.

Реализация проекта была полностью осуществлена всего за 1,5 года: построено новое здание производственно-складского назначения, общей площадью 4 тыс. кв. метров, здание административно-бытового комплекса, возведены современные производственные площади («чистые комнаты»), произведена установка самого современного оборудования. На протяжении двух месяцев специалисты из Южной Кореи обучали сотрудников фирмы работе с оснащением. На сегодняшний день численность рабочего персонала составляет более пятидесяти человек: химики, биохимики, радиоэлектронщики и операторы автоматизированных линий.

Мощность производства ООО «МедТехСервис» – 3 млн упаковок тест-полосок по 50 штук и 500 тыс. глюкометров в год. Выпускаемый объем не только на 100 % покроет потребность Иркутской области в расходных материалах для больных сахарным диабетом, но и обеспечит поставки в другие российские регионы и за рубежом.

В перспективе компания «МедТехСервис» планирует выпуск продукции на мировой рынок, а в поиске новых рынков сбыта фирме будет содействовать Агентство инвестиционного развития Иркутской области. Реализованный проект показывает пути успешного сотрудничества малого и среднего бизнеса с международным участием.

Список литературы

1. *Дощицын Ю. Ф., Безус А. Н.* Российская медтехника: состояние и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: https://mks.ru/library/conf/biomedpribor/2000/plen05.html
2. Эльянов М. М. Медицинские информационные технологии 2000: Каталог. М. : Изограф, 2000. 300 с.
3. Виленский А. В., Федосеев В. Н. Рынок медицинской техники и здравоохранительных услуг [Электронный ресурс]. URL: http://www.medtexnika.ru/spec/articles/art 04. htm
4. Данные ООО «МедТехСервис» [Электронный ресурс]. URL: https://zachestnyibiznes.ru/company/ul/1083811007510_3811124612_OOO-MEDTEHSERVIS
5. Завод по производству тест-полосок и промышленной сборке глюкометров открылся в Иркутске [Электронный ресурс]. URL: https://gmpnews.ru/2018/11/zavod-po-proizvodstvu-test-polosok-i-promyshlennoj-sborke-glyukometrov-otkrylsya-v-irkutske/
6. Интернет-ресурс Корейского агентства содействия торговле и инвестициям (KOTPA) [Электронный ресурс] URL: http://kotra.ru/
7. «МедТехСервис» начал поставку тест-полосок и глюкометров в медучреждения Приангарья [Электронный ресурс]. URL: https://irkutskmedia.ru/news/861176/
8. На заводе по производству глюкометров в Иркутске начался монтаж оборудования [Электронный ресурс]. URL: https://www.irk.ru/news/20180623/glucometer/
9. Официальный сайт B-bio co.ltd [Электронный ресурс]. URL: http://www.careeng. com/?language=eng
10. Официальный сайт продукции Gmate Life [Электронный ресурс]. URL: https://gmate.ru/
11. Стандарты лечения сахарного диабета: приказ Минздрава России от 24.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: https://diabet.zydus.su/standart-lechenija-saharnogo-diabeta-prikaz/
12. Товарооборот России и Южной Кореи [Электронный ресурс]. URL: https://ru-stat. com/date-M201801-201807/RU/trade/KR
13. Федеральный закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О концессионных соглашениях» [Электронный ресурс]. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/6174818558da6d719f95cbeb7c308b2733e6b5f9/

14. B2B поставки: B-Bio Co., Ltd (Республика Корея) [Электронный ресурс]. URL: https://b2b-postavki.ru/predstavitel/bbio-co-ltd.html

15. South Korea, Russia develop joint healthcare projects [Электронный ресурс]. URL: https://tass. com/society/1048690

16. Economic Relations between Russia and South Korea in the New Northern Policy by Liudmila Zakharova [Электронный ресурс]. URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/kei_aps_zakharova_191206. pdf

Organizational and Methodological Aspects of International Cooperation between Russia and Korea in the Field of Medicine and Healthcare[1]

Evgeniya Kolodina, Ekaterina Skvortsova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article deals with the features of cooperation between Russian and South Korean companies in the production of medical equipment using the legal form of relations “concession agreement”, analyzes the prospects for the development of the market of foreign medical equipment in Russia.

Keywords: economic cooperation, healthcare, medical equipment, blood glucose meter, Russia, The Republic of Korea.

Колодина Евгения Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков Международного института экономики и лингвистики; Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: kolodinaevg@mail.ru

Скворцова Екатерина Александровна, старший преподаватель кафедры восточных языков Международного института экономики и лингвистики; Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: katya_hanguk@yahoo.com

[1] *This article was carried out within the framework of the grant agreement “Establishment of the Center for Korean Studies at Irkutsk State University” with the support of the Korea Foundation.*

УДК 930.2

О некоторых особенностях корейской корпоративной культуры в настоящее время

И. Б. Строганова
ОО «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус»
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается небольшой фрагмент конфликтологической картины корейской корпоративной культуры. Анализируются вопросы, вызывающие наиболее частное недопонимание при установлении коммуникации между корейскими и русскими сотрудниками.

Ключевые слова: корейская корпоративная культура, этнопсихология, межкультурная коммуникация.

Корейская корпоративная культура – комплексное социально-экономическое явление, которое успело возникнуть на территории Южной Кореи, пройти стремительный путь становления в период зарождения «чеболь» и, на сегодняшний день, уже начать претерпевать небольшие изменения.

Изучение данного явления представляет ценность как тем, кто будет вести с корейцами дела с точки зрения понимания их стратегий и взаимодействия, так и тем, кто хочет делать карьеру в корейской компании и должен быть готов к ее особенностям.

В корейской науке данной теме уделяли внимание в рамках исследования административной культуры. Этой теме посвящены труды Ли Гю Тхэ, Ян Сын Чхоля, Ким Хи Мина, а также особо стоит отметить Пэк Ван Ги и его работу «Корейская административная культура» [6].

В российской науке данная тема представлена мало, а современная корейская корпоративная культура описана достаточно скромно. Кроме того, никто не рассматривал данный вопрос с точки зрения наиболее распространенных проблем в установлении подобной коммуникации.

При подготовке этой статьи и изучении материала на русском языке, автор прибегал к материалам статьи В. И. Денисова в сборнике «Деловой этикет стран Востока», а также заметкам Ильи Белякова в «Живом Журнале» [10].

Автор данной статьи долгие годы работал с корейцами разных возрастов и статуса и имеет богатый опыт взаимодействия с ними на самых различных уровнях. Помимо этого автор взаимодействовал и

опрашивал как иных российских сотрудников корейских компаний, так и корееведов, которые работали с ним на одном поприще с целью углубиться в проблемы данной темы.

В основе корейской корпоративной культуры лежит конфуцианская мораль и национальный характер, которые во многом определили элементы ее построения: патерналистский стиль руководства, семейная рабочая атмосфера, иерархичная структура, важность семейных связей и наследование на основе крови, гендерное неравенство, коллективизм и т. д. [1]. Однако что наиболее важно, наиболее ярким помощником в установлении и упрочении этой самой корпоративной культуры является сам корейский язык, который, как мы помним, обладает ступенями вежливости, заранее стратифицирующими статусы говорящих людей. Например, первая и вторая ступень вежливости языка может быть применена только при вежливом обращении к вышестоящему по статусу или возрасту собеседнику, что для корпоративного сообщества наиболее актуально.

Корейская культура обладает рядом особенностей, которые создают достаточно трудностей коммуникации и не только в ситуации, когда в «чужой монастырь» вступает человек с иным уставом (набором правил своей культуры).

Достаточно интересным и актуальным для нас будет то, как с подобными трудностями сталкиваются русскоязычные работники в корейских фирмах. Это, как правило, две категории: это любые русскоговорящие специалисты и русскоговорящие кореееведы – с русской стороны, и корейцы различных возрастов и профессий – с другой стороны.

Есть несколько категорий вопросов, с которыми так или иначе сталкиваются та и другая сторона, и не все из них можно отнести к категории «проблем с корпоративной культурой». Скорее на стыке взаимного непонимания действий друг друга возникает недоверие и происходит откат к первобытному этническому конфликту «ты не такой, как я, поэтому я не буду тебе доверять». Проблемы с доверием наследует корпоративная культура и становится «токсичной».

Ниже приведем несколько признаков «токсичной» корпоративной культуры:

1. Отсутствие общения, улыбок, шуток и поддержки в коллективе. Формальное взаимодействие, напряженная атмосфера, которую хорошо чувствуют новички, но уже не замечают «старожилы» компании.

2. Зацикленность на должностях, инструкциях и иерархии. Власть, даже мнимая, более важна для людей, работающих в токсичной среде, чем миссия, которую они якобы преследуют. Статус,

«картинка» и надбавки для них важнее успеха, измеряемого другими критериями, и важнее уровня доверия в команде – хотя об этом они даже не задумываются.

3. Повышенная важность правил и политик. Это более важно, чем здравый смысл коллег, их многолетний опыт или богатый контекст ситуации, с которой вы имеете дело. Все боятся быть оштрафованными за нарушение правил и поэтому «не высовываются», стараются быть как можно более незаметными.

4. Отсутствие взаимодействия между менеджерами и сотрудниками. Их взаимодействие если и возникает, то представляет собой одностороннюю связь, в которой менеджер сообщает подчиненным, что делать. Других разговоров и сотрудничества между руководством и всеми остальными нет.

5. Сотрудники молчат о своем недовольстве, даже если оно слишком сильное. Представители управления персоналом не принимают участия в жизни коллектива и притворяются, что не замечают гнетущей обстановки. Естественно, в такой ситуации они не могут быть поддержкой для других сотрудников.

6. Внимание сконцентрировано на нарушениях и недостатках, а усилия и победы не признаются.

7. Сотрудники не высказывают своего мнения даже тогда, когда им ставят невыполнимые цели, выдвигают глупые идеи и заставляют работать по нереальным планам. Они молчат на работе, но после жалуются друзьям на глупых руководителей с их глупыми заданиями.

8. Закулисное общение во много раз эффективнее официальной системы коммуникаций в компании.

9. Полное ограничение свободы действий при выполнении работы: каждая, даже самая маленькая процедура прописана до мелочей. Сотрудники вознаграждаются (если вообще вознаграждаются) только за следование правилам, но никогда за инициативу и новые идеи.

10. Страх присутствует всегда. Разговоры шепотом на лестнице, постоянное беспокойство о сохранении своего места… Никто не в безопасности и все на грани [8].

Подобные признаки являются следствием изначальной невозможности у высшего менеджмента сплотить коллектив самым экологичным для его участников способом. При этом высший менеджмент обычно считает, что цель работы компании и условия труда являются достаточной целью и средством для того, чтобы коллектив работал эффективно, и, как правило, либо не замечает, либо игнорирует этот вопрос. Почему изначально так происходит? Однозначно сказать сложно. Действительно, корейцам очень сложно выстраивать иерар-

хичность коллектива не на своем языке со смешанным этническим составом. Выбранный для ежедневной коммуникации язык-посредник как правило ослабляет позиции корейской традиционной иерархичности и подсознательно выдвигает необходимость считаться с представителем не своей культуры. Однако боязнь потерять статусность и авторитет нередко приводят к самым абсурдным ситуациям на рабочем месте.

Рассмотрим проблемы взаимодействия, которые могут возникнуть между российским и корейским специалистом и то, как они видят эти проблемы каждый со своей стороны:

1. Отношение к достижениям

Например, российский специалист (далее – РС) работает над проектом и пишет отчет, корейский специалист (далее – КС), видя отчет, отказывается с ним ознакамливаться, потому что отчет недостаточно красиво и гармонично составлен. РС в недоумении, поскольку для него главное – сделать работу и быстро предоставить результат; здесь нарушается уважение и рабочий процесс, для КС – неуважительно подходить и представлять проект на словах или с недостаточно красивым отчетом; здесь нарушается категория уважения и красоты.

В обратной ситуации для РС – слишком красивый отчет от КС скорее будет признаком «дураковаляния» и тратой времени.

2. Отношение к личной жизни

Например, для КС достаточно естественным считается спросить о том, с кем РС живет или встречается, дать совет касательно личной жизни; для РС подобное поведение является вторжением в личное пространство и проявлением неуважения.

В обратной ситуации КС будет думать, что для РС достаточно безразличен и в некоторой степени бездушен, поскольку он совершенно не интересуется его личной жизнью.

Другой пример: КС будет максимально сторониться обсуждения личных вопросов, иногда даже настолько, что РС может годами не знать о его личных привычках или о событиях (все это может быть донесено сотрудниками низших звеньев или других сотрудников, которые вынужденно в курсе). Этот вариант может работать в обе стороны, в случае если РС – руководящее звено.

3. Вопрос личного пространства

КС прекрасно работают в близком контакте или общем пространстве, где всех сотрудников «видно и слышно». У КС нередко встречается желание открывать двери кабинетов, держать двери между помещениями открытыми, чтобы видеть проходящих мимо сотрудников.

Часто можно встретить задушевные чаепития или долгие сидения в переговорных комнатах в формате «без галстуков». КС мыслят территорию компании своим домом в прямом и переносном смысле.

У РС встречается желание отдельных кабинетов и иметь некоторую дистанцию со своими коллегами в одном коллективе при личном контакте.

4. Решение спорных/острых вопросов

Например, РС будет решать вопрос своими силами и, когда уже не сможет справляться сам, будет привлекать начальство, активно ставя их в курс дела. Для КС любая проблема, о которой долго не было известно, будет катастрофой. На каждом этапе решения КС будет корректировать каждый шаг РС и говорить как он виноват в данном проблеме.

В обратной ситуации – РС спросить почему было сразу не сказать не приступить к решению проблемы.

5. Подход к рабочим вопросам

РС всегда будет опираться на «историю и характер» рабочих взаимоотношений (насколько они устойчивые, формальные, отдаленные или достаточно дружелюбные) при решении рабочих вопросов. Будут пытаться добиваться «понимания» и, если надо – доказывать свою точку зрения на равных.

КС будет отталкиваться от своего отношения / настроения / подхода к решению данного вопроса. В случае не нахождения компромисса или решения КС всегда будет апеллировать к должностным инструкциям и необходимостью «признать его авторитет» в связи с иерархией (даже если решение вопроса по его способу не является очевидно оптимальным).

6. Информирование

Нередки случаи намеренного неинформирования коллектива в связи с его разделением по этническому признаку. КС могут не сообщать до последнего момента детали мероприятий или событий. РС также склонны к подобному поведению. Подобное поведение часто мотивируется уже сложившейся атмосферой недоверия или нежелания сообщать информацию своим «оппонентам».

7. Общее обязательное «корпоративное» времяпрепровождение

Так называемые совместные корпоративы также делятся по этническому признаку. Корпоративы корейским сотрудников часты и проводятся с той же регулярностью, что и в Корее, однако, смешанные корпоративы – скорее явление точечное и редкое, имеющее цель показать «умение совместно веселиться» и «проводить время в компании». При этом КС инициирует корпоративы, и не терпят, когда

РС массово отказываются, однако, точечные отказы по уважительным причинам уже воспринимают спокойно.

Отдельным пунктом можно выделить группу вопросов, касающихся кореведов женского пола, которые поступают на работу в корейскую компанию или как-либо тесно взаимодействуют с корейцами по рабочим вопросам. Сразу отметим, что положение любой женщины (будь то кореянка или русская, или любая другая) в корпоративном обществе хоть и изменилось за последнее время, однако не перестало быть легкой задачей. Автору проще освещать этот вопрос в связи с огромным личным опытом и опытом коллег, находившихся на похожих позициях.

Вот с какими вопросами в работе могут сталкиваться эти сотрудники:

1. Общее восприятие и ожидание от сотрудника

КС будет ожидать «корейского поведения» от кореведа, «очевидного» понимания культуры КС и принятия любого варианта его поведения. Кроме того, главное ожидание будет также связано с большим пиететом как к старшему по возрасту, превосходящему по статусу и потому, что он мужчина (руководителей женщин среди КС я не встречала никогда).

Девушка-кореевед всегда будет чувствовать покровительство или настороженность со стороны КС.

2. Исполнение обязанностей

Даже если девушка, женщина-кореевед занимает высокую должность, то для КС это всегда сотрудник, который выполняет секретарские обязанности или осуществляет опеку над ним. Спрос за качество исполнения поручения и ошибки всегда выше, чем с русскоговорящих корейских сотрудников.

3. Построение карьеры

Очень медленное или отсутствующее продвижение по службе. В корейской компании кореведу очень сложно выйти за рамки знания языка или, переучившись, начать заниматься другим видом работы. Через время знание языка прекращает быть чем-то уникальным в глазах КС.

Если девушка просит о повышении или говорит о своих очевидных заслугах, то это воспринимается как должное, а не как повод поднять зарплату или повысить в должности.

4. Конфликты

Как таковое возникновение конфликтов будет восприниматься КС, как недостаточность знаний и понимания со стороны кореведа. Обычно, в решении вопросов КС будет давить на необходимости

принятия корейской стороны, как «априори правильной» и никакие доводы в пользу правильности решения кореведа, как сотрудника, не действуют. Мнение кореведа просто задавят его «необходимостью подчиниться любой ценой, чтобы доказать свою почтительность в рамках корейской системы».

Пожалуй, последний пункт является одним из наиболее нивелирующих для представителя профессии кореведа, поскольку недостаточность мотивации и зачастую неоцененность сотрудника на рабочем месте приводит к его уходу из компании и/или эмоциональному выгоранию.

В результате такого давления среднестатистическая девушка-кореевед, поступающая на работу в корейскую фирму, может выбрать из двух негативных вариантов развития. Либо она пытается быть своей, подчеркивая свое знание корейского языка и понимание корейской культуры, но тогда уровень придирок только возрастает, потому что полноправной кореянкой ее все равно не считают, но при этом, выражаясь уголовной терминологией, с нее «спрос как с понимающего». Либо она оказывается в статусе «белой обезьяны», которой можно простить незнание ритуалов и этикета, но при этом канал коммуникации и возможность донести какие-то полезные инновации и предложения до начальства существенно снижаются, как и КПД работника в целом.

Данный список вопросов является примером возникающих конфликтных ситуаций и не является исчерпывающим, а скорее иллюстрирующим, больше основанных на личных наблюдениях и опросах коллег, работавших в похожих условиях на протяжении долгого времени.

В заключении отмечу, что данная конфликтологическая картина в смешанной корпоративной среде постепенно начинает меняться. В первую очередь за счет нескольких факторов: 1. Из Кореи все чаще присылают молодое поколение корейцев (1970-го рождения и младше), которые имели опыт взаимодействия с иностранцами до пребывания в России (это может быть учеба или ротация из-за рубежа); 2. Высший российский менеджмент также представлен все более молодым поколением; 3. Роль женщины в корпоративной культуре меняется; 4. Начинают отдавать роль культурному обучению персонала (взаимное обязательное прохождение лекций по культуре и истории); 5. Забота о психологическом здоровье сотрудников (открывают психологические кабинеты прямо на предприятиях; включение услуг психолога в ДМС; обязательное медицинское освидетельствование минимум раз в год); 6. Уменьшение важности проведения питейных корпоративов (особенно посреди недели) и попытка создать или за-

менить их общим досугом, тема которого учитывала бы интересы всех сторон (культурных тим-билдингов с посещением музеев или даже других городов); 7. Постепенное введение возможности выбрать время прихода и ухода с работы (попытка снять жесткости рамок). И тому подобное. Казалось бы, что подобные мелочи являются чем-то незначительным, однако, для корейской корпоративной культуры из подобных «небольших мелочей» может сложиться тенденция к большим изменениям[1].

Подобное исследование является по мнению автора частью большого исследования, которое должно быть и будет продолжено.

Список литературы

1. *Асмолов К. В.* Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М., 2017. С. 71–72.

2. Гордеева А. С., Трансформация административной культуры в Южной Корее с конца XX века на примере изменения корпоративной культуры крупных корпораций – чеболь : дипломная работа, бакалавр / ИСАА МГУ. М., 2018.

3. *Jay Barney.* Organizational Culture: Can It Be a Source of Sustained Competitive Advantage // Academy of Management Review. 1986. Vol. 11, N 3.

4. Korean Public Administration. Managing the uneven development / by Bun Woong Kim & Pan Suk Kim. Seoul, 1997.

5. *Sung Chul Yang.* The North and South Korean Political Systems. A Comparative Analysis. Revised Edition. Seoul, 1999.

6. *Wanki Paik.* Korean Administrative Culture. Seoul, 1990.

7. Khanna T. The Paradox of Samsung's Rise // Havard Business Review. 2011. July-August.

8. Коновалова В. Г. Когда корпоративная культура может стать проблемой: проявления и причины «токсичности» // Вестник университета. 2019. № 6. С. 11–18.

9. «Токсична ли ваша компания? 10 признаков больной корпоративной культуры». URL: https://hr-portal.ru/article/toksichna-li-vasha-kompaniya-10-priznakov-bolnoy-korporativnoy-kultury

10. Илья Беляков. Умом Корею не понять… URL: https://astra-wizard.livejournal.com/tag/корпоративная культура (дата обращения: 18.07.2020).

11. Eric G. Flamholtz, Yvonne Randle. Corporate Culture: The Ultimate Strategic Asset. Stanford University Press, Stanford, California, 2011.

12. Iiris Aaltio and Albert J. Mills. Gender, Identity and the Culture of Organizations. The Cromwell Press, Trowbridge, Wiltshire, 2002.

About Some Peculiarities of Korean Corporate Culture Nowadays

Irina Stroganova

"HMMR" LLC, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article presents a small fragment of the conflictological picture of Korean corporate culture. Author gathered the most acute questions that cause the most

[1] «Оттепель по-корейски». URL: https://www.kommersant.ru/doc/2874045 (дата обращения: 18.07.2020)

frequent misunderstandings while establishing communication between Korean and Russian employees.

Keywords: Korean corporate culture, ethnopsychology, intercultural communication.

Строганова Ирина Борисовна, магистр востоковедения и африканистики, старший специалист отдела информационной поддержки департамента гарантии качества; ООО «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус»; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: udarniza2011@gmail.com

УДК 347(340.5)

Некоторые аспекты сравнительно-правового анализа Гражданского кодекса Республики Корея и Гражданского кодекса Российской Федерации[1]

Д. В. Шорников
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты сравнительно-правового анализа основополагающих нормативных актов частного законодательства Кореи и России, исходя из тезиса о единстве их корней: континентального права, трансформированного уникальных историко-культурным опытом.

Ключевые слова: Гражданский кодекс Республики Корея, Гражданский кодекс Российской Федерации, сравнительно-правовой анализ.

Основной причиной обращения к исследуемой проблематике является интерес автора к сравнительному изучению, в том числе посредством перевода на русский язык, основополагающих нормативных актов частного права различных стран Европы и Азии. Первым опытом подобного рода работы было исследование с последующим переводом Гражданского кодекса Республики Корея, которые были осуществлены автором во время и после его двухлетней работы (2005–2007) в качестве приглашенного профессора на юридическом факультете университета Пэ Джэ, Дэджон, Южная Корея [1; 2].

Кодификация – безусловно, и формальная вершина, и, одновременно, постоянный процесс развития гражданского законодательства

[1] *Тезисы подготовлены при поддержке гранта Корейского Фонда (Korea Foundation) на развитие Центра корейских исследований в Иркутском государственном университете.*

в континентальной системе права, к которой, с известными оговорками, относятся и корейская, и российская правовые школы. В тоже время, кодифицировать законодательство, опираясь исключительно на национальный правовой опыт и потенциал – серьезная ошибка. Формирование единого политического, экономического, культурного пространства современной Евразии логически влечет за собой постепенное создание единого правового пространства. Россия и в географическом, и в социокультурном плане принадлежит и к Европе, и к Азии, своеобразно сочетая в своем законодательстве и праве определенные черты обоих континентов. Как с Европой, так и с современной Азией, российское частное право роднят общие исторические корни римского права, которые причудливо трансформировались на протяжении прошедших веков под воздействием историко-национального потенциала каждого из наших государств.

Исследование генезиса и стазиса зарубежного частного права в России традиционно сфокусировано на государствах Европы (что неудивительно, учитывая, с одной стороны, указанные римские корни романо-германской правовой семьи, с другой, неоспоримое влияние школы германского гражданского права на создание современного частного права России, а также, кстати говоря, частного права Республики Корея). Вместе с тем, пристальное исследование частноправовых особенностей и правоприменительных практик наших юго-восточных соседей, представляет не меньший интерес, и может сослужить не меньшую службу, приоткрывая зачастую с совершенно неожиданной стороны все еще малоизученный мир современного права стран Азии. В полной мере сказанное нами справедливо в отношении Южной Кореи, чья правовая система одновременно прочно опирается на традиционализм конфуцианских и подобных им мировоззрений и стремительно реформируется сегодня под напором западного позитивного права.

Представляется, что одним из очевидных преимуществ подобного сравнительно-правового исследования является возможность перенять позитивный опыт сочетания обычного, естественным образом развивающегося права и права позитивного, формируемого сверху силами государства. Не секрет, что в России подобное сочетание приживается плохо, а зачастую не приживается вовсе и в самых различных сферах (прежде всего, как раз, сферах частно-правовых) мы наблюдаем «параллельное» существование двух правовых реальностей: формального правового мира, закрепленного и обеспеченного позитивным законодательством и мира реального, регулируемого практической силой правового, а порой и вовсе «внеправового» обычая.

Принятый в 1958 г. Гражданский кодекс Республики Корея, насчитывающий в его современном виде 1118 статей [4], безусловно, является, наряду с Конституцией и Уголовным Кодексом, одним из трех краеугольных камней ее нормативной системы. История данного нормативного акта, как мы видим, насчитывает к сегодняшнему дню уже более шестидесяти лет. Безусловно, нынешний головной акт частного права Кореи не слишком напоминает свой послевоенный первоисточник. Многочисленные поправки, дополнения и изъятия существенно трансформировали его облик, заменяя архаичные положения традиционного права, устраняя подчас целые правовые институты (прежде всего, сказанное справедливо в отношении правового регулирования институтов семейного и наследственного права, традиционно в наибольшей степени подверженных влиянию обычного права).

Пониманию генезиса современного гражданского права Кореи во многом поспособствует тот факт, что до принятия действующего Гражданского кодекса в течение предыдущего полувека (с 1910 г.) в стране действовал японский Гражданский кодекс 1898 г., в свою очередь опирающийся на знаменитое Германское гражданское уложение (ГГУ) 1896 г. [3]. Пятичастная структура современного кодекса все еще принципиально соответствует ГГУ: «Общие правила», «Имущественные права», «Обязательства», «Семейные отношения», «Наследство». Является вполне привычным глазу отечественного правоведа и то обстоятельство, что, в частности, наиболее важная первая часть Кодекса, содержащая, как мы указали, общие правила, в свою очередь, делится на семь глав с вполне знакомыми наименованиями: «Общие положения», «Лица», «Юридические лица», «Вещи», «Правовые акты», «Срок», «Погасительная давность». Да и в целом, знакомясь с ГК Кореи, постоянно ловишь себя на чувстве некоего дежавю: знакомая структура, знакомые правовые конструкции, погруженные в столь же известные нам коннотации. Иными словами, принадлежность к единой родоначальнице (той самой романо-германской правовой семье), в значительной степени роднит основные источники частного права наших стран.

Среди непривычных глазу отечественного юриста особенностей ГК Кореи следует указать на широкое использование в тексте кодекса латинских терминов или латинизмов. Данный прием, как мы знаем, совершенно не характерен для современного российского законодательства, ощущающего на себе, в данном смысле, негативное воздействие законодательства советского периода, и встречается лишь в академических источниках, хотя вполне обычен для европейской правовой школы.

В качестве примера собственно латинских терминов можно привести: mutatismutandis, ditto, intervivos, exoficcio, defacto, dejure, bonafide, etc. Частным примером такого явления, как латинизм (в данном случае, заимствование из римского права), является домицилий, которому посвящены с 18-й по 21-ю статьи Гражданского кодекса РК.

Для широкого круга понятий, используемых Гражданскими кодексом Республики Корея, при всей их внешней схожести с понятиями юридической действительности России, зачастую характерна совершенно иная концептосфера, что проявляется в отличной смысловой наполняемости данных понятий, отличном круге связей внутри частноправового понятийного пространства и за его пределами, зачастую отличной коннотации, etc. Значение ряда терминов, на первый взгляд, подобно значению российских, но в целом ряде случаев не равно ему, трактуясь шире или уже в зависимости от контекста, конкретной юридической ситуации, того или иного правила и т. д.

Наибольшую сложность и одновременно интерес представляют собой национальные явления корейского правового поля, не имеющие аналогов как в отечественной, так и в целом, в континентальной правовой культуре. Характерным примером является такой институт, как Chonsegwon (гл. 6 ч. II ГК РК). Данный договор представляет собой аренду недвижимости (чаще всего жилого помещения) на основе внесения арендатором предварительного залога, сумма которого весьма значительна (и может доходить, в зависимости от площади и ценности арендуемого жилого помещения до, в эквиваленте, нескольких десятков тысяч долларов США), и отсутствия (либо крайней незначительности) арендной платы. Договор исторически традиционен и соответствует укладу корейского общества, гарантируя стабильность отношений, сохранение устойчивых связей между сторонами договора и третьими заинтересованными лицами, обеспечение их интересов. Следует указать, что, зачастую, весьма значительную сумму залога в интересах работника вносит работодатель, гарантируя таким образом стабильность трудовых отношений между ними; арендодатель стабильно обеспечивает свои интересы путем получения процентов с размещенной в банке суммы залога; возврат суммы залога после окончания срока аренды также гарантирован, поскольку в противном случае арендатору переходит право собственности на недвижимость.

Завершая разговор об отличиях, специфических особенностях ГК Кореи, нельзя не сказать в заключение и о необычном для нас – значительно менее жестком и формализованном – языке Кодекса Республики Кореи, наличии в нем большого количества архаизмов,

традиционализмов, своеобразных устойчивых оборотов, что, опять же, является своеобразным свидетельством взаимодействия позитивного и обычного частного права. Следует напомнить, что практически вплоть до 90-х гг. прошлого столетия, а в какой-то части и до начала XXI в. наследственное, и, особенно, семейное право, также регулируемое нормами Гражданского кодекса Республики Корея, являли собой чрезвычайно запутанные, атавистичные в современном мире правовые конструкции, практически без изменений перешедшие в современное гражданское законодательство из обычного права, которые в последние десятилетия пережили принципиальную трансформацию, максимально приблизившись к современным демократическим правовым стандартам.

Список литературы

1. Шорников Д. В. Гражданский кодекс Республики Корея. Аннотированный перевод. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2014. 252 с.

2. Шорников Д. В. Особенности гражданско-правового регулирования права собственности и иных частных прав на землю как основа устойчивого развития (опыт Республики Корея) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 142–153.

3. Гражданское уложение Германии. 3-е изд. М. : Walters Kluwer, 2008. 850 с.

4. Civilact [Electronic resource]. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=29453&lang=ENG (mode of access: 05.08.2020).

The Korean and Russian Civil Codes:
Some aspects of the Comparative Legal Analysis[1]

Dmitry Shornikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The publication is devoted to some special aspects of the comparative legal analysis of the fundamental normative acts of the private legislation of Korea and Russia, based on the thesis of common nature of their roots: continental law, transformed by unique historical and cultural experience.

Keywords: The Civil Code of the Republic of Korea, Civil Code of the Russian Federation, Comparative Legal Analysis.

Шорников Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института правовой охраны Байкала Иркутского государственного университета, заведующий кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института; Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: abirvalg35@mail.ru

[1] *The abstracts were prepared with the support of a grant of the Korean Foundation for the development of the Center for Korean Studies at Irkutsk State University.*

Секция 4
КУЛЬТУРА

УДК 902.2

Первые десятилетия российско-корейского сотрудничества в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова: причины, направления, проблемы и результаты

С. В. Алкин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация. Проводится ретроспективный анализ сотрудничества российских археологов с их северо- и южнокорейскими коллегами с середины XX в. по наши дни. Отдельное внимание уделяется изучению опыта проведения совместных полевых исследований на территории России и южной части Корейского полуострова.

Ключевые слова: археология, Сибирь, Корейский полуостров, культурное наследие, древность, средневековье.

После восстановления независимости в обоих корейских государствах археология получила приоритетное развитие. Во второй половине XX в. комплекс данных по древнейшей и средневековой истории региона был включен в общий процесс изучения археологии Дальнего Востока и Востока Азии. Именно в это время все более возрастает интерес отечественных археологов к корейским древностям. Связано это было, прежде всего, с активизацией археологического изучения дальневосточного региона нашей страны. Начало деятельности академической Дальневосточной археологической экспедиции (1953 г.) в имеющем общую границу с КНДР Приморье, контакты с северокорейскими археологами, публикация книги М. В. Воробьёва [4], глубокий интерес к источникам по древней и средневековой истории Маньчжурии – все это способствовало формированию общего представления об уровне археологической изученности региона, о существовавших к середине XX в. концепциях раннего заселе-

ния Корейского полуострова, археологических культурах и о роли археологии в изучении ранней корейской государственности.

Взаимный интерес к древней и средневековой истории Сибири и Кореи обусловлен близостью территорий, а также взаимосвязанностью многих исторических процессов. Последние десятилетия сотрудничество археологов двух стран развивается в нескольких направлениях: подготовка специалистов, проведение археологических раскопок на территориях Кореи и России (Сибирь, Дальний Восток), публикация результатов совместных исследований, проведение научных семинаров и конференций. Основные области изучения: каменный век, ранний железный век, средневековая археология.

Наш доклад будет посвящен, прежде всего, содержанию и результатам сотрудничества новосибирских археологов и востоковедов с археологическими центрами на Корейском полуострове.

В 1950-е гг. несколько северокорейских аспирантов проходили подготовку под руководством А. П. Окладникова в Ленинграде. Некоторые материалы по каменному веку и эпохе ранних металлов Корейского полуострова были использованы при подготовке трудов по дальневосточной археологии [10]. В 1971 г. в ИИФФ СО РАН создан сектор истории и археологии стран зарубежного Востока под руководством В. Е. Ларичева. Три с половиной десятилетия работы подразделения его сотрудники вели исследования в области этнокультурной истории Восточной и Центральной Азии. Определенное внимание уделялось проблемам древней и средневековой истории Кореи. Поддерживались контакты с северокорейскими археологами, прежде всего, в формате обмена литературой. В 1970–1980-е гг. состоялись командировки новосибирских археологов в КНДР. Наиболее существенной по результатам была поездка 1974 г. [7]. После отъезда из Новосибирска автора работ по истории Древнего Чосона и периоду Трех государств Ю. М. Бутина [2] специалистов со знанием корейского языка здесь не осталось. Но и в последующие годы материалы корейской археологии анализировались в контексте изучения эпох камня и раннего металла Дальнего Востока [5; 6].

Востоковедческое направление научно-педагогической работы ГФ НГУ с момента его создания было прочно связано с сектором истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФФ СО РАН (с 1990 – ИАЭТ СО РАН). Преподавание корейского языка на гуманитарном факультете НГУ было начато в 1997 г. [3]. Тем самым были

созданы благоприятные условия для специализации студентов по археологии и древней истории населения Корейского полуострова.

В 1990-е гг. с установлением дипломатических отношений с Республикой Корея получили активное развитие связи с археологами этой страны. В аспирантуре ИАЭТ СО РАН прошли подготовку несколько молодых корейских археологов. Ли Хонджон, Кан Инук и Хон Хёну защитили диссертации по археологии Сибири и сопредельных территорий. Благодаря этим исследователям археология Сибири в Корее стала частью исследовательского процесса в области этнокультурной истории региона Восточной Азии.

С 1999 г. были начаты совместные археологические исследования в Хабаровском крае, а затем в российском Приморье [8]. В первое десятилетие XXI в. пять совместных российско-корейских экспедиций состоялись на территории Амурской области [9]. Новосибирские исследователи, их корейские коллеги из Фонда культуры и искусства провинции Чеджудо и Института культурного наследия РК не только ввели в научный оборот новые источники, но и выявили возможности сопоставления их с данными по синхронным археологическим культурам зарубежного Дальнего Востока, включая территорию Корейского полуострова. В 2004 г. состоялась длительная командировка новосибирских археологов для проведения совместных исследований на острове Чеджу [1]. Различие в подходах к решению отдельных проблем археологии и ранней истории Кореи и сопредельных территорий находят отражение в ходе дискуссий на научных конференциях разного уровня.

Многолетние плодотворные контакты с корейскими специалистами способствуют прогрессу в подготовке новых специалистов в области археологического востоковедения в Новосибирском научном центре. Помимо многих выпускных работ по отдельным проблемам археологии, древней и средневековой истории Корейского полуострова, которые были представлены в НГУ за прошедшие два десятилетия, два его выпускника защитили кандидатские диссертации по археологии Кореи (А. Л. Субботина / 2008 и А. А. Гилёв / 2010), а М. А. Стоякин получил степень PhD в Университете Корё (2015). Несколько молодых ученых из Кореи побывали на стажировке по археологии Сибири в НГУ, участвовали в экспедиционной работе, в том числе была защищена одна магистерская диссертация (Ким Гынми, 2018).

Необходимо подчеркнуть, что одновременно на Дальнем Востоке России весьма успешно и с выдающимися по важности результатами ведут совместные исследования с корейскими коллегами археологи ИИАЭ ДВО РАН. Общими усилиями сформировано широкое поле комплексного изучения проблем первоначального заселения Востока Азии, формирования древних культур и становления цивилизации в этом регионе мира.

Список литературы

1. *Алкин С. В.* Археология Чеджудо: взгляд из Сибири // Там, где цветёт мугунхва и распускается сакура. Слово об учёном. Казань: Бук, 2019. С. 124–129.
2. *Бутин Ю. М.* Древний Чосон: Историко-археологический очерк Новосибирск: Наука СО, 1982. 329 с.
3. *Войтишек Е. Э., Комиссаров С. А., Алкин С. В.* Обзор новейших востоковедных исследований в Новосибирском научном центре (ННЦ) // Востоковедение в России и странах СНГ на рубеже веков. Казань, Фолиант, 2015. С. 7–14.
4. *Воробьёв М. В.* Древняя Корея: Историко-археологический очерк. М. : Наука, 1961. 147 с.
5. *Деревянко А. П.* Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск: Наука СО, 1983. 216 с.
6. *Ларичев В. Е.* Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука СО 1978. С. 9–87.
7. *Ларичев В. Е.* Путешествие археолога в Страну утренней свежести Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2012. 234 с.
8. *Медведев В. Е., Медведева О. С.* Исследование поселений Сучу, Булочка и других памятников древности юга Дальнего Востока России // 2019 Asian Archaeology Кукчжэ хаксуль симпозиум: Росиа кыктоный сонса-чунсэсидэ кого мунхва ёнгу, кысонгва вачонман (Изучение древней и средневековой археологии и культуры Дальнего Востока России: результаты и перспективы: материалы международного симпозиума «2019 Asian Archaeology»). Тэджон : National Research Institute of Cultural Heritage of Korea, 2019. С. 11–20.
9. *Нестеров С. П.* Российско-корейские археологические исследования в Амурской области в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2019. Т. 18. № 5. Археология и этнография. С. 21–35.
10. *Окладников А. П.* Далёкое прошлое Приморья: очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток: Приморское книжное издательство, 1959. 292 с.

The first Decades of Russian-Korean Cooperation in the Study of Archaeology of Siberia and the Korean Peninsula: Causes, Directions, Problems and Results

Sergei Alkin

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The history of archaeological studies of Siberia is counting more than 300 years of its existence, while active archaeological studies of Korean peninsula date

back to the early 20th century. Russian and Korean archaeologists' mutual interest in ancient and medieval history of Siberia and Korean peninsula relates to the territorial proximity and historical interrelations. During the last few decades the cooperation between Russian and Korean archaeologists is developing in several directions: specialists training, carrying out archaeological excavations in both Korea and Russia (Siberian and Far Eastern territories), publishing joint researches, holding scientific seminars and conferences. Main fields of studying include Stone Age, Early Iron Age and medieval archaeology. Russian centers of cooperation are Novosibirsk (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the RAS and Novosibirsk State University) and Vladivostok (Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East of the Far-Eastern Branch of RAS). The first archaeological excavations with participation of Novosibirsk and Korean archaeologists were held in Khabarovsk region in 1999. Nowadays joint researches cover territories of Primorye and Amur region, RussianAltai and southern part of Korean Peninsula. Several famous Korean specialists got their PhD degree in Moscow, Novosibirsk and Vladivostok. Joint studies of two territories, which are considered as important parts of world's history, have enriched historical science with large amount of new archaeological data. Moreover, scientific discussions between specialists make a great contribution to solving common problems of the initial ways of East Asia's settlement, formation of ancient cultures and civilization.

Keywords: archaeology, Siberia, Korean Peninsula, cultural heritage, antiquity, Middle ages.

Алкин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент НГУ, директор Центра корейских исследований Гуманитарного института; Новосибирский государственный университет; Новосибирск, Россия; e-mail: alkin-s@yandex.ru

УДК 327

Обучение корейскому языку в Российской Федерации как показатель развития российско-корейских отношений

А. Ден

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, Институт востоковедения РАН
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматривается российско-корейское взаимодействие в сфере обучения корейскому языку и культуре. Анализируется договорно-правовая база дипломатических отношений в сфере образования, определяются факторы успешной популяризации корейского языка в Российской Федерации.

Ключевые слова: сфера высшего образования, российско-корейское сотрудничество, меморандум.

С момента установления дипломатических отношений между Российской Федерацией (СССР) и Республикой Корея от 30 сентября 1990 г. прошло 30 лет. На протяжении более десятилетия Республика Корея является одним из приоритетных партнеров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Анализ внешнеэкономических статистических данных позволяет наблюдать укрепление российско-южнокорейских торговых связей. На фоне благоприятной картины наблюдается развитие гуманитарных контактов в сфере культуры и туризма, в области науки и образования [2].

Еще в начале 90-х гг. у абитуриентов начал возрастать интерес к изучению корейского языка. Вузов, которые могли предложить изучение корейского языка как первого иностранного языка, было немного. В настоящее время по популярности среди абитуриентов корейский язык занимает устойчивую позицию после английского языка, официальных языков ООН [5].

В статье в качестве факторов, повлиявших на повышение статуса корейского языка, рассматриваются: успешная популяризация корейского языка во всем мире, роль Республики Корея на экономической и политической аренах.

В качестве одного из аргументов приводится создание разветвленной договорно-правовой базы российско-корейского взаимодействия. В разное время между Российской Федерацией и Республикой Корея было заключено более 50 соглашений, охватывающие разные сферы, в том числе, сферы культуры и образования [7].

13 ноября 2013 г. было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о взаимной отмене визовых требований, в соответствии с которым с 1 января 2014 г. по 9 апреля 2020 г. действовал безвизовый режим для граждан России, намеревающихся посетить Республику Корея в туристических, транзитных и частных целях. В апреле 2020 г. было временно прекращено действие соглашения с целью эффективного расходования карантинных ресурсов в период пандемии коронавируса [1].

Ноябрь 2017 г. был ознаменован подписанием в Сеуле Меморандума о взаимопонимании в сфере высшего образования представителями Минобрнауки Российской Федерации и Минобр Республики Корея.

По итогам государственного визита Президента Республики Корея Мун Чжэ Ина в Российскую Федерацию 22 июня 2018 г. была достигнута договоренность провести торжественные мероприятия,

посвященные 30-летию установления дипломатических отношений, и объявить 2020 г. годом взаимных обменов между Российской Федерацией и Республикой Корея [4].

В год 20-летия государственного проекта Республики Корея по популяризации корейского языка за рубежом 11 июля 2018 г. в Сеуле был проведен симпозиум, посвященный исследованию процесса обучения корейскому языку. Участниками стали представители органов образования из 31 страны, включая Российскую Федерацию.

22 ноября 2018 г. в Российской академии образования состоялась двусторонняя встреча и. о. президента РАО и вице-президента Академии корееведения, в рамках которой были обсуждены перспективы совместного сотрудничества, будущее российского и корейского высшего образования, возможности цифровизации образования [6].

16 мая 2019 г. в Минобрнауки России прошло 13-е заседание Российско-корейского совместного комитета по научно-техническому сотрудничеству с целью реализации указаний Президента Российской Федерации на всестороннее развитие сотрудничества с Республикой Корея. По итогам заседания руководители национальных делегаций подписали итоговый протокол, согласно которому проведение следующего заседания Комитета планируется в 2020 г. в Республике Корея [3].

24 октября 2019 г. посол Республики Корея в России Ли Сок Пэ дал обширное интервью газете «Российские корейцы». Господином Ли Сок Пэ было отмечено «…активное осуществление межуниверситетских обменов после успешного заключения Меморандума о взаимопонимании в области высшего образования…», а также то, что «…в последнее время быстро растет спрос на изучение корейского языка в России…». Посольство планирует формировать тесные партнерские отношения сотрудничества в сфере образования, укреплять связи с Российской академией образования и Аккредитационной комиссией по учебникам [8].

По состоянию на 2020 г. в Санкт-Петербурге существует не менее 9 частных курсов корейского языка, 3 курсов дополнительного образования. Динамика изменения цен с 2015 г. по 2020 г. демонстрирует снижение средней цены за один месяц обучения на индивидуальных/групповых занятиях с 45 000 до 13 000 руб., что свидетельствует о высоком спросе на изучение корейского языка, высоком уровне конкуренции между частными школами.

В Санкт-Петербурге с каждым годом увеличивается количество общеобразовательных учреждений, в которых учащиеся изучают корейский язык в качестве факультативного предмета. Для учащихся

проводятся мероприятия по корейской культуре и корейскому языку при поддержке Генерального консульства Республики Корея в Санкт-Петербурге.

Несмотря на повышение стоимости обучения по специальностям с профилирующим корейским языком, ежегодно контрольные цифры приема на корейское направление увеличиваются.

Проведение Всероссийских олимпиад по корейскому языку при поддержке Корейского фонда международного обмена также поддерживает интерес обучающихся к интеллектуальному труду, способствует привлечению выпускников-бакалавров к последующему обучению в магистратуре, далее к пополнению научно-педагогических кадров.

География участников олимпиад представлена достаточно широко, что является еще одним неоспоримым аргументом, свидетельствующим о развитии преподавания корейского языка в вузах в свете российско-корейского вектора дипломатических отношений.

Список литературы

1. Консульский департамент МИД России Консульский информационный портал, официальный сайт [Электронный ресурс] // сайт. URL: www.kdmid.ru/ (дата обращения: 20.07.2020).

2. *Лобов Р. Н.* О перспективах российско-южнокорейских отношений в современных условиях [Электронный ресурс]. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/o-perspektivakh-rossiysko-yuzhnokoreyskikh/ (дата обращения: 09.05.2020).

3. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: https://minobrnauki.gov.ru (дата обращения: 30.03.2020).

4. Официальный сайт президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 20.07.2020).

5. РИА новости – информационное агентство [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: https://ria.ru (дата обращения: 19.07.2020).

6. Российская академия образования, официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://rusacademedu.ru/news/yurij-zinchenko-i-chon-gyonmok-obsudili-perspektivy-rossijsko-korejskogo-sotrudnichestva-v-oblasti-obrazovaniya/ (дата обращения: 07.01.2019).

7. Самсонова В. Г. Сотрудничество России и Южной Кореи в области науки, техники и образования [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sotrudnichestvo-rossii-i-yuzhnoy-korei-v-oblasti-nauki-tekhn/ (дата обращения: 20.07.2020)

8. Чен В. С. Интервью посла Республики Корея в России Ли Сокпэ газете «Российские корейцы» [Электронный ресурс]. URL: https://akorp.org/intervyu-posla-respubliki-koreya-v-rossii-li-sokpe-gazete-rossijskie-korejtsy (дата обращения: 25.11.2019).

Teaching Korean Language in Russian Federation as an Indicator of Development of the Russian-Korean Relations

Anna Den
Herzen State Pedagogical University, Institute of Oriental Studies RAS
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the cooperation of Russia and Republic of Korea in teaching Korean language and Korean culture. The author analyzes the treaty and legal basis of bilateral cooperation in the educational field, identifies success factors of popularization of Korean language in Russian Federation.

Keywords: high educational field, cooperation of Russia and Republic of Korea, memorandum.

Ден Анна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра восточных языков и лингводидактики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Институт востоковедения РАН; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: denanna2005den@yandex.ru

УДК 821

Перевод русской литературы на корейский язык поэтом Пэк Соком: взгляд на север

Кан Сугён
Пусанский национальный университет
Пусан, Республика Корея

Аннотация. Рассматривается биография и переводческая деятельность малоизвестного в России корейского поэта XX в. Пэк Сока, который жил и работал в Северной Корее после разделения Корейского полуострова. Автор статьи, уделяя особое внимание переводу русской литературы, утверждает, что перевод поэта – это не что иное как творческая деятельность. Также отмечается, что и в самих стихотворениях поэта, и в переводе русской классики отражается идеальный мир, который воплощается с помощью «северного настроения».

Ключевые слова: перевод, русская литература, корейский язык, поэт Пэк Сок, «северное настроение», корейская литература, северокорейская литература.

В начале XX в. интеллигенция и писатели Чосон, которые находились под японским колониальным давлением, могли легко сопереживать и знакомиться с русской интеллигенцией, писателями и их произведениями конца XIX в., в которых отражаются политические и

общественные катаклизмы русского общества второй половины XIX в. Однако нельзя не отметить, что широкое распространение русской литературы происходило одновременно в Китае и Японии, которые находились в совершенно иной международной и политической среде, нежели Корея.

Тем не менее интерес к русской литературе, широко распространенный в трех странах Восточной Азии, проявляется по-разному с точки зрения перевода. Например, в Корее в 1920-х гг. русская литература по количеству переводов находилась после английской литературы, в 1930-х гг. она отставала от французской по количеству переведенных произведений, а после 1940 г. ушла из основной массы переводимой литературы. В Корее, в 1930-х гг., когда количество и размер печатных СМИ возросли по сравнению с 1920-ми гг., стало очевидным снижение количества переведенной литературы. В связи с этим следует учитывать, что за ней постоянно усиливалась цензура японского государства [3, с. 219–220].

Итак, в 1920-х и 1930-х гг. в Корее было гораздо больше переводов русской литературы, чем какой-либо литературы других стран. Если речь идет только о романах, то в 1920-х гг. наиболее переводимыми писателями являются: Л. Н. Толстой (21 раз), И. С. Тургенев (17), Ги де Мопассан (15), А. П. Чехов (14) и М. Горький (10). Таким образом, в 1920-х гг., если французские романы имели «широкое» влияние в Корее, то русские романы оказали «глубокое» влияние. В центре внимания оказались несколько великих писателей [3, с. 213].

Вместе с тем, когда мы говорим о переводе русской литературы в начале XX в., то мы должны вспомнить, что в 1920-х гг. русская литература переводилась с японских или английских текстов. С этой точки зрения заслуживает внимания роль поэта Пэк Сока. Он перевел русскую литературу непосредственно с русских текстов. Однако до сих пор не только его творческая, но и его переводческая деятельность никогда не упоминались и не были представлены в России. В связи с этим в данном докладе мы представляем работу Пэк Сока – одного из самых любимых корейских поэтов и талантливого переводчика русской литературы прошлого века, раскрывая его «северное настроение».

Перевод русской литературы занял большую часть литературной деятельности Пэк Сока во время проживания в Маньчжурии и после разделения Корейского полуострова. После освобождения Кореи он остался в родном городе Чонджу. Решающим фактором того, что он остался в Северной Корее и стал северокорейским поэтом, было то, что он мог говорить по-русски [6, с. 103]. Он участвовал в

проекте по переводу русской литературы, который систематически поощрялся политикой Северной Кореи. В то время главной целью Северной Кореи было учиться у Советского Союза, являющегося развитой социалистической страной.

В этих условиях Пэк Сок не публиковал свои стихи, он был поглощен русским литературным переводом, который был разнообразным и обширным с точки зрения жанров. В конце 1940-х гг. он переводил в основном романы, а с начала 1950-х гг. главным образом поэзию и детскую литературу. По сегодняшним данным он перевел около 322 стихотворений, роман «Тихий Дон», повесть «Молодая гвардия» и другие, включая очерки, критические статьи, детскую литературу и т. д. Его переводы русской литературы были сконцентрированы в период с 1947 по 1957 г.

Первое собрание стихотворений Пэк Сока «Олень» (1936 г.) содержит картины и образ провинции северо-западной части Кореи вокруг Пхёнан-пукто, и во второй половине творческого периода поэта художественное время и пространство расширились до Маньчжурии, и в целом вся северная часть страны стала его литературным пространством. Отмечено, что с точки зрения севера или северного сознания Пэк Сок и его стихотворения очень значимы. По словам исследователей это поэтическое пространство является идеальным миром, в котором поэт мог быть вне колониального государства или доколониального мира, и где все виды разнородных элементов могли мирно сосуществовать [1, с. 40]. В частности, его перевод русской классики, в том числе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, позволил поэту распространить свои идеалы в сторону России, то есть на север. Считается, что такие поэты, как А. С. Пушкин, М. В. Исаковский, Н. С. Тихонов и Д. И. Гулия, вероятно, выбрал сам Пэк Сок [5, с. 52]. В 1955 г. он участвовал в переводе стихотворений Пушкина и перевел 13 стихотворений из 121: «Воспоминания в Царском селе», «Стансы», «Птичка», «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Зимнее утро» и т. д.

Профессор Сок Ёнджун, исследователь русской литературы, высоко оценил перевод стихов Пушкина Пэк Соком: «Это пример того, как великий поэт переводит великого поэта другой страны, нарушая границы между переводом и творчеством» [8, с. 13–17]. Перевод пушкинских стихотворений выполнен настолько изящным языком, что трудно поверить в то, что это перевод иностранной литературы.

Но стоит обратить особое внимание на то, что, как отмечают исследователи, Пэк Сок имел особую привязанность к пространству. Движение пространства, показанное его биографией, и поэзией, со-

существует параллельно с категорией времени [7, с. 121]. Ход времени Пэк Сок отображает через образ зимы, который часто появляется в его творческих стихах. Зима появилась как время, чтобы вдохновить затворническое воображение поэтического Я. В своем лучшем стихотворении «Я, Наташа и белый осел» (1938 г.), представляющем его поздние работы, уединенное место, удаленное от мира, дополнено сочетанием изображений гор, зимы и белого цвета [3, с. 385–386]. В переводе Пэк Сока мы можем найти общие черты и образ снега, зимы, ночи и утра, луны, тумана и т. п.

Пэк Сок дружелюбно относился к северу, считая его своей плацентой, и как поэт севера, мог бы мечтать об идеальном мире, занимаясь переводом русской классики, в частности пушкинских стихотворений, в которых, как ему казалось, отражается белое уединение севера.

В начале XX в. для писателей Чосон во времена японской колонизации перевод был действом литературы. Переводческая деятельность Пэк Сока, которая началась в начале 1940-х гг. в Маньчжурии, стала важной частью его литературной деятельности, а также стала активным средством доступа к миру во время пребывания в Северной Корее. В этом смысле именно тот факт, что Пэк Сок, являвшийся одним из лучших поэтов 1930-х гг., стал переводчиком русской литературы, живя в Северной Корее, имеет огромное значение для понимания его художественного мира и приобретает решающий смысл в его творческой жизни.

Список литературы

1. 곽효환, 백석시의북방의식연구// 비평문학. 2012. 제45집. P. 37–80.

2. 백석번역시선집. / 푸슈킨외지음; 백석지음;정선태옮김. 서울:소명. 2012. 605 p.

3. 손성준, 동아시아근대번역문학사시론-1930년대까지의소설을중심으로 // 비교문학. 2015. 제65집. P. 189–225.

4. 이경수, 백석의기행시편에나타난장소의심상지리// 민족문화연구. 2010. 제53집p. 359–399.

5. 이상숙, 백석번역시연구를위한시론– 북한문학속의백석III // 비교문학. 2012. 제46집p. 33–64.

6. 이상숙, 백석의만주통신// 우리어문연구. 2019. 제64집p. 101–138.

7. 이현승, 백석시의로컬리티 // 한국근대문학2012. 제25집P. 119–147.

8. 석영중, “백석과푸슈킨, 진실함의힘”, 2013 만해축전시사랑회학술세미나<백석의번역문학>발표집, 만해사상실천선양회, 시사랑문화인협의회, 2013.

Translations of Russian Literature into Korean by the Poet Baek Sok: Looking North

Kang Sukyung
Pusan National University, Republic of Korea

Abstract. This article examines the biography and translation activities of Paek Sok, a little-known Korean poet in Russia of the 20th century, who lived and worked in North Korea after the division of the Korean Peninsula. The author of the article, paying special attention to the translation of Russian literature, claims that the translation of a poet is nothing more than a creative activity. It is also noted that both the poet's poems themselves and the translation of Russian classics reflect the ideal world, which is embodied with the help of the "northern mood".

Keywords: translation, Russian literature, Korean language, poet Baek Sok, "northern mood", Korean literature, North Korean literature.

Кан Сугён, кандидат филологических наук, преподаватель, лектор кафедры русского языка и литературы; Пусанский государственный университет; Пусан, Республика Корея; e-mail: redpeng@hanmail.net

УДК 327+351.852

Эрмитаж и система корейских национальных музеев: осуществленные и неосуществившиеся проекты сотрудничества

Е. А. Кий
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В докладе представлены основные достижения взаимодействия Государственного Эрмитажа с системой корейских национальных музеев. Рассматриваются проблемы и перспективы создания в Эрмитаже постоянной, обновляемой раз в два-три года, экспозиции культуры и искусства Кореи.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, Корейский национальный музей, корейские выставки, межмузейное сотрудничество.

В Государственном Эрмитаже хранится богатое собрание произведений искусства и материальной культуры народов Дальнего Востока, в котором Корея, однако, никак не представлена: в силу разных причин и обстоятельств в музее за всю его историю вплоть до настоящего времени не проводилось целенаправленное формирование коллекции памятников корейского искусства.

В конце XIX – первой половине XX в. Корея с точки зрения составления музейных коллекций находилась в тени аннексировавшей ее Японии, а в советский период музейное сотрудничество было возможным только с КНДР. В 1974 г. в Эрмитаже была организована выставка «Прикладное искусство Корейской Народно-Демократической Республики» [1], оказавшаяся, как ни странно, единственной корейской выставкой советского времени в Эрмитаже (ее каталог, по-видимому, так и не был напечатан).

С установлением дипломатических отношений с Республикой Корея (1990) ситуация изменилась таким образом, что теперь сотрудничество – в плане обоюдного к нему стремления – оказалось возможным (во всяком случае на данный момент) только с этим государством Корейского полуострова. В настоящее время Эрмитаж сотрудничает с единой системой корейских национальных музеев, состоящей из Национального музея Кореи в Сеуле и тринадцати музеев в различных провинциях, восполняя тем самым отсутствие собственной корейской коллекции.

Национальный музей Кореи был основан в 1945 г., сразу после обретения Кореей независимости от японского колониального правления и еще до провозглашения Республики Корея в 1948 г. С тех пор и вплоть до настоящего времени музей менял свое местоположение семь раз, пока не разместился в новом современном здании в районе Ёнсан, открывшемся для посетителей 28 октября 2005 г.

Разумеется, эрмитажные коллекции дальневосточного искусства по очевидным причинам интересуют корейскую сторону меньше, нежели хранящиеся в этом музее собрания произведений искусства других азиатских и неазиатских регионов. Тем не менее можно отметить участие Эрмитажа в выставке «Шедевры корёской буддийской живописи», проходившей в 2010 г. в Национальном музее Кореи, на которой в качестве аналогий были представлены три живописных произведения, происходящие из знаменитой эрмитажной коллекции памятников тангутского искусства государства Западное Ся (982–1227), уничтоженного в ходе монгольского нашествия [4].

Впервые идея организации выставки из Кореи возникла в Эрмитаже еще в начале 1990-х гг., но осуществилась она только в 2010 г., когда открылась выставка «Ветер в соснах...», приуроченная к двадцатилетию установления дипломатических отношений между Россией (СССР) и Республикой Корея [2]. Состав ее экспонатов был подобран с тем расчетом, чтобы по возможности комплексно представить корейское искусство в различные периоды его истории. Шесть лет спустя открылась выставка «Рожденная в пламени», целиком посвященная корейской керамике [3].

В последнее время ведутся предварительные согласования по созданию в Эрмитаже постоянной, обновляемой (ротируемой) раз в два-три года, экспозиции культуры и искусства Кореи. В рамках этого проекта корейской стороной, наряду с привычными залами с экспонатами, намечалось устройство отдельного зала с особыми, создающими эффект непосредственного присутствия, копиями настенных росписей когурёских гробниц. К сожалению, это оказалось невозможным, так как в данном случае с точки зрения российской стороны нарушается право собственности на воспроизведение и показ этих изображений, принадлежащее КНДР, на территории которой находятся эти гробницы, в то время как для южан данное обстоятельство не представлялось существенным.

Список литературы

1. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Прикладное искусство Корейской Народно-Демократической Республики // Сообщения Государственного Эрмитажа. [Вып.] XXXIX. Л., 1974. С. 99.

2. «Ветер в соснах... ». 5000 лет корейского искусства. Из Национального музея Кореи. Каталог выставки. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 304 с. : ил. (238 экспонатов).

3. Рожденная в пламени. Корейская керамика из Национального музея Кореи. Каталог выставки. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. 232 с. : ил. (239 экспонатов).

4. 고려불화대전 – 700 년만의해후. 서울: 국립중앙박물관, 2010. № 93–95.

The State Hermitage Museum and the System of National Museums in Korea: Accomplished and Unfulfilled Cooperation Projects

Evgenij Kiy

State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The State Hermitage Museum has reach and diverse collections of art of the Far Eastern countries, but amongst them there is no collection of Korean art, since its beginning as a Russian imperial institution and the Soviet era the museum had not sought to include things Korean into its possession. Now the Hermitage is trying to fill the gap through the joint projects with the system of Korean national museums headed by the National Museum of Korea in Seoul.

Korean temporary exhibitions at the Hermitage. 1). Soviet period: “Applied Art of Democratic People's Republic of Korea” (1974); 2). Modern period: “Wind in the Pines. 5000 Years of Korean Art” (2010) and “Born in Flames. Korean Ceramics from the National Museum of Korea” (2016). Besides, the Hermitage took part in the exhibition “Masterpieces of Goryeo Buddhist Painting – A Long Lost Look after 700 Years” held at the National Museum of Korea, Seoul, in 2010.

Cooperation between the museums has most recently been concentrated on the preparation of permanent gallery of Korean art at the Hermitage (with the objects on display are being rotated every two or three years). This endeavor has its obstacles, the most serious one is the impossibility of creation due to copyright issues of a special hall with multimedia projections of Goguryeo tomb murals.

The abovementioned projects allow to discuss in some details such aspects as the correspondence between the Russian and overseas collections of Far Eastern art as

well as the influence and interference of politics into the process of organization of Korean art exhibitions abroad.

Keywords: the State Hermitage Museum, National Museum of Korea, Korean exhibitions, inter-museum cooperation

Кий Евгений Александрович, кандидат философских наук; Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: Evgeniy.kiy@gmail.com

УДК 316.736

О необходимости проведения в Республике Корея исследования фестивалей этнических (национальных) меньшинств российского заполярья как феномена «синей культуры»

Ким Тхэджин

Университет Пэдже
Тэджон, Республика Корея

Аннотация. Представлены научные обоснования необходимости проведения в Республике Корея исследований фестивалей этнических (национальных) меньшинств российского Заполярья как феномена «синей культуры» (blue culture). Приоритетную роль в данном случае играет экономическая обоснованность изучения народов, проживающих в Русской Арктике, поскольку именно у них проявляются черты гармоничного сочетания сохранения культурных традиций и рационального экономического использования ресурсов.

Ключевые слова: Арктика, «синяя культура», Россия, фестиваль, этническое меньшинство.

В нашем исследовании представляется обоснование необходимости проведения в Республике Корея исследования фестивалей этнических (национальных) меньшинств российского Заполярья как феномена «синей культуры».

Цель этого исследования заключается в следующем.

Во-первых, мы исследуем религии и ежегодные фестивали этнических меньшинств в арктическом регионе России и анализируем культурные коды, представленные на фестивалях.

Во-вторых, мы определяем взаимосвязи между жизненным пространством этнических меньшинств в Северном полярном круге России, типами источников средств к существованию и фестивалями.

В-третьих, мы намерены показать, что, когда одна и та же этническая группа живет в другом пространстве, она демонстрирует совершенно иные культурные особенности. Это особенно проявляется через фестивали.

В-четвертых, мы намерены доказать, что благодаря естественному круговороту жизни и «синей культуре», сосредоточенной на морях, реках и озерах, которая демонстрируется на фестивалях этнических меньшинств в арктическом регионе России, происходит дальнейшее развитие «синей экономики» и увеличиваются возможности «синего роста».

Несмотря на естественные климатические ограничения, Арктика из-за глобального потепления становится более доступной. Многие страны, такие как США, Россия и Канада, стремятся к освоению Арктики, ее исследованию и разработке в качестве сокровищницы будущих драйверов роста, энергетических, морских, а также туристических ресурсов. Ожидается, что в ближайшем будущем Арктика претерпит множество изменений в различных областях, таких как промышленность, экономика, туризм и культура. Южная Корея недавно подтвердила важность изучения Северного полюса, как части своей Новой Северной политики, данный этап включает в себя сбор, разработку, анализ различных политических предложений. Среди них важность Арктики подчеркивается в таких проектах, как «синий рост» и «синяя экономика», сосредоточенных на экономическом использовании океанов. Разработка ресурсов в российской Арктике, на которую приходится 40 % арктических территорий, в частности, очень активна. Однако в случае развития Арктики как «синего океана» одним из отрицательных результатов является урбанизация коренных народов и исчезновение традиционной культуры из-за разрушения жизненного пространства и притока нового населения. В связи с тем, что культурное разнообразие и сохранение культур меньшинств также являются важными вопросами для человечества, возникает интерес к изучению архетипа и религиозной системы этнических меньшинств за Полярным кругом России, а также изучению фестивалей, которые отображают взаимоотношения местного населения и природы.

В последние годы концепция «синей экономики» появилась в качестве альтернативы современному индустриальному развитию, которое является причиной загрязнения окружающей среды и чрезмерного использования энергии. Термин «синяя экономика» была впервые предложена в 2009 г. бельгийским экологическим исследователем Гантером Паули и означала экономику, которая вдохновля-

лась природой и применяла технологии, которые копировали природу. В настоящее время понятие синего цвета заимствовано и используется для распространения на экономические области, связанные с «космосом», «океаном» и «полюсом».

В нашем исследовании, основанном на определении «синей экономики», культура этнических меньшинств российского Заполярья, которая участвует в естественной циркуляции, сосредоточенной на таких пространствах, как моря, реки и озера, называется «синей культурой». Как известно, этнические меньшинства в арктическом регионе России были вовлечены в охоту и вели кочевую либо оседлую жизнь, сосредоточенную на море, реках и озерах. Мы рассматриваем фестивали российских арктических меньшинств, которые живут в самой северной части земли и имеют систему циркуляции природных экосистем, как одну из «синих культур» устойчивой «синей экономики». Это может помочь построить определенную парадигму.

Не так давно арктический маршрут через Берингово море был покрыт морскими льдами, что было проблемой российского арктического туризма на этом маршруте. Изучение фестивалей этнических меньшинств, живущих на российском Полярном круге в настоящее время, актуально для создания нового арктического культурного туристического контента и культурной инфраструктуры с возможностью соединения круизных линий.

В настоящее время наше правительство продвигает политику стран Юга и Нового Севера в области диверсификации обмена, но исследования политики и предложения показывают, что они остаются в рамках региональной науки. В этом исследовании мы можем расширить горизонты исследований Нового северного региона и Арктики, обеспечить гуманистическую основу для региональных исследований и внести свой вклад в междисциплинарные исследования.

Почему именно фестиваль?

В ситуации, когда прошлые культурные традиции постоянно находятся под угрозой урбанизации и индустриализации, и в результате изменения структуры производства, каждая страна имеет свой способ сохранения и продолжения исчезающей традиционной культуры. Причина, по которой советские и китайские правительства приказали большинству алтайских этнических меньшинств в прошлом отменить традиционные фестивали, заключается в желании перечеркнуть традиции прошлого и навязывании взглядов правительства. Почему это происходило? Потому что фестиваль – это среда, которая связывает прошлое, настоящее и будущее каждой расы, рамки познания мира и основы существования и установления иден-

тичности, и это место, где подтверждается солидарное сознание группы. Поэтому фестивали, тесно связанные с жизнью людей, представляют большую исследовательскую ценность, поскольку они представляют собой всеобъемлющий продукт материальной и духовной культуры, который может подтвердить мировоззрение и индивидуальность людей, а также всего мира.

Несмотря на требования времени о том, что культурное разнообразие должно поддерживаться и наследоваться, в настоящее время культурные традиции этнических меньшинств могут исчезнуть из-за высокого уровня индустриализации и урбанизации. Кроме того, ощущение того, что такие явления могут усугубляться, удваивает важность изучения фестивалей этнических меньшинств и этнических групп.

Полярный круг России обычно ограничен территорией выше 66,33 градуса северной широты. Однако, применяя другие природные критерии окружающей среды, изотерма в июле может быть распространена на места ниже на 10 градусов и на северную границу зоны леса, распространяясь на районы ниже 66,33 градуса северной широты. Кроме того, если критерии устанавливаются с учетом гуманитарной географии, социальных и экономических факторов, помимо естественных факторов окружающей среды, территория полярного круга может рассматриваться шире.

Предметом нашего исследования являются фестивали и этнические праздники таких народов, как ненцы, долганы, якуты, эвены, эвенки, эскимосы, юкки, чукчи, коми и еще 15 меньшинств в Ханты, проживающих к северу от 66,33 широты.

Рис. Северный полярный круг России
[https://fsd.multiurok.ru/html/2017/06/05/s_593529971346d/642295_1.jpeg]

Российские фестивали меньшинств в Арктике связаны с такими продуктами туризма, как природные экосистемы и культурный опыт (леса, реки, озерные системы, уникальные ландшафты и природа, полярные сияния и т. д.).

Если фестивали этнических меньшинств в арктическом регионе России возродятся в качестве туристического контента, они могут стать главной осью «синей экономики» и «синего роста».

Таким образом, исследование фестивалей этнических меньшинств, проживающих за Полярном кругом России, видится экономически обоснованным.

Список литературы

1. *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
2. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и Народная Культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 545 с.
3. *Таксами Ч. М.* Медвежий праздник в традиционном мировоззрении народов Севера // Ранние формы религии народов Сибири : материалы III советско-французского симпозиума. СПб., 1992.
4. *Инданова Н. Е.* Игры эвенов: из древности в будущее. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2011. 28 с.
5. 김태진. 러시아 시베리아 지역 언어에 대한 고찰 – 소수민족 언어를 중심으로- // 한국 중원언어학회. 2012. 제 23권. pp. 31–53.
6. 문준일. 시베리아 에벤족의 새해맞이 축제에 대한 연구 // 러시아•알타이지역연구소. 2016. 제 12권. pp. 91–106.
7. 윤선자. 축제의 문화사. 서울:한길사. 2008.

The Need to Conduct Research in the Republic of Korea on Festivals of Ethnic (National) Minorities in the Russian Arctic as a Phenomenon of “Blue Culture”

Kim Tae Jin

Pai Chai University, Daejeon, Republic of Korea

Abstract. This article presents the rationale for the need to conduct a study in the Republic of Korea of festivals of ethnic (national) minorities in the Russian Arctic as a phenomenon of "blue culture".

If earlier the Arctic was difficult to develop due to natural and environmental factors, now it is becoming a space for economic growth. South Korea also reiterated the importance of the North Pole for its economic development and put forward various proposals under the new policy of the Northern Government. Among them, we recognize the importance of the Arctic in projects such as Blue Growth and Blue Economy that focus on the economic use of the oceans. In particular, the most urgent is the development of resources in the Russian Arctic, which accounts for 40 % of the Arctic territories. However, if the Arctic develops as a “blue ocean”, the negative result is the urbanization of indigenous peoples and the disappearance of traditional culture due to the destruction of living space and the influx of new populations.

Due to the fact that cultural diversity and the preservation of cultures of national minorities are also important issues for humanity, there is interest in studying the archetype and religious system of ethnic minorities living in the Arctic Circle of Russia, as well as studying festivals that reflect the relationship between the local population and nature.

Keywords: Arctic, “blue culture”, Russia, festival, ethnic minority.

Ким Тхэджин, кандидат филологических наук, профессор кафедры изучения России и Средней Азии; Университет Пэдже; Тэджон, Республика Корея; e-mail: tjkim@pcu.ac.kr

УДК 811.531

Первые корейские переселенцы на Дальнем Востоке и возникновение «неправильных» корейских имен: лингвистический анализ

Е. Н. Кондратьева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
НИУ Высшая школа экономики
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу так называемой традиционной (прецедентной) записи корейских имен, расходящейся с правилами принятой в России практической транскрипции. Проведенное исследование выявило ряд диалектных закономерностей, реализованных в традиционной записи корейских имен.

Ключевые слова: русская практическая транскрипция, традиционная запись корейских имен, среднекорейский язык, корейские диалекты.

Много слов сказано о необходимости применения утвержденной системы транскрипции и транслитерации при работе с корейским языковым материалом, а также об элементарных правилах, принятых для унификации записи корейских слов посредством русского языка, несоблюдение которых в разы снижает впечатление о читаемом тексте и наглядно демонстрирует некомпетентность пишущего. Как известно, официально в России существуют две системы записи корейских имен и названий: система А. А. Холодовича и русская практическая транскрипция (РПТ) Л. Р. Концевича. В научном сообществе и СМИ, следующих высоким профессиональным стандартам, принято использовать одну из этих двух систем, которые, впрочем, не сильно друг от друга отличаются. Однако наряду с этим нам известны при-

меры широкого употребления так называемых традиционных (прецедентных) написаний корейских имен собственных, которые не соответствуют правилам официальных систем. Речь идет не о неграмотных написаниях слов, а о некоторой устойчивой записи имен, повсеместно встречающихся в документах, прессе, исследованиях и пр. . Классическими примерами такого «ошибочного» традиционного написания являются имена бывших глав КНДР: Ким Ир Сен (по РПТ Ким Ильсон) и Ким Чен Ир (по РПТ Ким Джонъиль), других крупных государственных и политических деятелей (Пак Ден Ай вместо Пак Чонэ, Цой Ен Ген вместо Чхве Ёнгон и др.), а также, к примеру, названия столиц: Сеул и Пхеньян.

Известно, что первый опыт записи корейских имен русские государственные службы на Дальнем Востоке получили во второй половине XIX в. . Как следует из исторических документов и записок [1; 2], первые корейские поселенцы появились на российской территории уже в начале 60-х гг. позапрошлого века. Однако регистрация прибывших корейцев началась только в 1891 г., тогда же и были составлены первые посемейные списки. Как мы можем наблюдать в документах того времени, имена переселенцев, упоминаемые в них, довольно сильно отличаются от привычных нам и содержат разнообразные элементы, «приклеившиеся» к имени, например: Ди Ха Шени, Тан Шен Шюги, Па Ян Хуй, Ким Ди Кони, Канг Шин Куани, Ким Уан Чуни, Те Ненг Ше, Ким Бун Чен, Ким Шен Сиди, Ти Пил Лен, Ко Тин Куани, Ким Чан Сами, Ким Чан Доги, Тен Ман Ын и др. [1, с. 101]

Почему приведенные имена и названия выглядят именно так, как мы видим сейчас, – случайность это, закономерность или искажение, обусловленное некомпетентностью, – мы постараемся разобраться в настоящей работе.

Для достижения поставленной цели мы провели лингвистическое исследование и обнаружили некоторые закономерности, уходящие своими корнями еще в средневековое состояние языка (отсутствие палатализации смычных согласных перед йотированными гласными, отличающаяся система вокализма, отсутствие дифтонгизации и т. д.), сохранившиеся в диалектах и получившие в наше время именно такую реализацию в именах собственных.

Список литературы

1. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая пол. XIX – нач. XX в.). Документы и материалы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.

2. Пуцилло М. П. Опыт русско-корейского словаря / сост. М. П. Пуцилло. Репр. воспр. текста изд. 1874. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014.

The First Korean Migrants in the Far East and the "Wrong" Korean Names: a Linguistic Analysis

Elena Kondratyeva
Lomonosov Moscow State University
Higher Scholl of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. In this article so-called "traditional" Russian transliteration of names of the first Korean migrants in Russian Far East is explained. We found some patterns dating back to the Middle Korean language which were preserved in some dialects and implemented in these Russian spellings of Korean names.

Keywords: Russian practical transcription, traditional spelling of Korean names, Middle Korean, Korean dialects.

Кондратьева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии ИСАА, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока ИКВИА, НИУ Высшая школа экономики; Московская область, г. о. Балашиха, Россия; e-mail: kondratelena@yahoo.com

УДК 316.7

Культурный национализм в Республике Корея как фактор консолидации общества и развития государства[1]

Е. В. Ли, А. А. Орсоева
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. Культурный национализм рассматривается как форма национализма, направленная на возрождение и развитие культуры нации. Обозначается, что Южной Корее культурный национализм целенаправленно поддерживается и культивируется государством с целью сплочения социума и развития государства.

Ключевые слова: культура, культурный национализм, консолидация общества.

Статья посвящена описанию феномена культурного национализма как фактора влияния в Республике Корея с целью сплочения общества и развития государства.

[1] *Данная работа выполнена в рамках грантового проекта «Создание Центра корейских исследований в Иркутском государственном университете» при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation).*

Культурный национализм понимается как форма национализма, которая, опираясь на общность традиций, религии, языка и других аспектов культуры, становится одним из факторов объединения общества, способствующих достижению единой для нации цели.

С момента основания РК правительство, высоко оценивая интегрирующий потенциал культурного национализма и его роль в развитии страны, прилагало огромные усилия для возрождения и развития национальной культуры.

Еще во время правления Пак Чжон Хи были приняты меры, направленные на воссоздание и распространение национальных художественных ремесел, народного песенного и танцевального искусства. В 1970-е гг. была введена система учета памятников культуры и истории, в рамках которой дворцам, пагодам и т. д. присваивался статус материального национального сокровища, к нематериальному национальному достоянию были отнесены традиционные обряды, танцы, песни.

На сегодняшний день корейское общество оценивается как националистически настроенное. Правительство, а также другие государственные структуры Республики Корея среди основных направлений своей деятельности выделяют сохранение многовековых традиций и культуры Кореи, а также ее продвижение в других странах.

Рассмотрим, как культурный национализм продвигается в разных сферах общественной жизни.

В первую очередь, националистические настроения коснулись историографии. Южнокорейская историография официально заявляет о «пятитысячелетней истории Кореи», отсчитывая ее от 2333 г. до н. э., когда мифический основатель корейской нации Тангун создал государство Чосон. Более того, как отмечает К. В. Асмолов, некоторые южнокорейские националисты приписывают корейской истории и семь, и семьдесят тысяч лет. Однако, по мнению ученого, памятники, на которые ссылаются эти авторы, являются «историческими фальшивками», а личность Тангуна «равнозначна личности русского царя Гороха» [2].

С. О. Курбанов также ставит под сомнение тезис о столь продолжительной истории корейского государства, отмечая, что вряд ли можно говорить о государственности на Корейском полуострове в III – конце II тысячелетия до н. э. [4].

Однако корейская официальная история утверждает, что легенда о Тангуне отражает реальные исторические факты. Одним из подтверждений этого является официальное празднование Дня основания государства, связанного с образованием Тангуном первого корей-

ского государства Чосон в 2333 г. до н. э. Таким образом, без преувеличения можно заявлять, что все население Республики Корея считает Тангуна своим предком, а 2333 г. до н. э. – отправной точкой в истории нации и корейской государственности.

Еще одним ключевым пунктом корейского национализма является пропаганда идеи об уникальности культуры и языка. Так, одним из предметов национальной гордости корейцев является их письменность. Как отмечает Ж. Н. Алимбаева, хангыль явился инструментом массовой (народной) культуры Кореи, а его создание способствовало объединению всего корейского народа [1].

В XX в. корейское правительство использует хангыль как инструмент сплочения и объединения нации, делая его предметом национальной гордости. Вскоре после освобождения от японской оккупации, в 1945 г., День корейской письменности был объявлен государственным праздником, а «после окончания корейской войны государство провозглашает письменность хангыль в качестве единого общегосударственного средства общения» [7, с. 151].

Практически во всех корейских источниках, посвященных хангылю, утверждается, что это единственный в мире закрепившийся в употреблении искусственно созданный алфавит, отмечается уникальность, самобытность и оригинальность этой письменности. Кроме этого, отмечается эффективность и удобство хангыля для использования в интернете и при работе на компьютере. «Эта письменность идеально подходит для использования в цифровых технологиях, и в Интернете и в области технологий сотовой связи. Помимо этого, корейский алфавит используется в качестве уникального материала и в области искусства – использование букв в декоре одежды, керамики, зданий и домашней утвари» [8].

Кроме этого, 1 октября 1997 г. ЮНЕСКО внесла корейское письмо в Список всемирного наследия, что, несомненно, вызывает в корейцах чувство гордости своей культурой и как следствие, страной в целом.

Сохранение и почитание традиций в РК закрепляется на уровне общества, воспитания и образования. Одной из особенностей образовательной системы Кореи является активное приобщение детей с раннего возраста к пониманию и сохранению традиционной культуры и правил поведения в обществе, основанных на конфуцианских постулатах. Этика является обязательным предметом в школьной программе.

При поддержке государства, университетов, местных органов управления и прочего возрождаются древние праздники и обычаи, регулярно проводятся требующие больших финансовых затрат реконструкции значительных исторических событий – в виде фестива-

лей, театральных постановок и шествий. Граждане активно принимают участие в этой гигантской работе [6].

Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея отобрало 35 самых популярных и оригинальных фестивалей на период 2020–2021 гг., среди которых фестиваль Ариран, Культурный фестиваль Хвасон в Сувоне, Культурный фестиваль имени писателя Ли Хё Сока в Пхёнчхане, Культурный фестиваль в память о Ванине в Ёнаме, Фестиваль красного женьшеня в Чинане, Культурный фестиваль корейских лекарственных трав Яннёнси в Тэгу и др. [5]

Кроме этого, в каждой семье неуклонно соблюдаются традиции и ритуалы, связанные с национальными и семейными праздниками: 100 дней со дня рождения ребенка, первый день рождения, Чусок, Соллаль. Подобные праздники демонстрируют важность для корейцев чувства общности и единения, стремления сохранять традиции.

Безусловными последствиями культурного национализма являются рост патриотических чувств, гордость своей культурой и страной. В Южной Корее сильны патриотические чувства и трепетное отношение к национальной культуре, что, в свою очередь, благотворно влияет на корейское общество и развитие государства.

С наступлением эпохи глобализации актуальной стала задача продвижения достижений корейской национальной культуры не только в своей стране, но и на международной арене. Как справедливо замечает Т. М. Симбирцева, Корея активно стремится войти в клуб передовых стран мира и заявляет об этом не только своим быстрым экономическим ростом, но и предъявляет для этого древние исторические корни [6].

Немалую роль в этом процессе сыграло признание целого ряда корейских памятников культуры общечеловеческим достоянием. Благодаря усилиям корейского правительства и Управления культурным наследием РК, по состоянию на июль 2019 г. в Списке объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Корее значатся 14 наименований, а также 20 объектов нематериального культурного наследия и 16 объектов значатся в Реестре «Память мира» [3].

Другими инструментами «мягкой силы» Кореи за рубежом становятся пропаганда изучения корейского языка, повсеместное открытие корейских культурных центров и институтов, предоставление грантов на обучение в Южной Корее для иностранцев, создание научных фондов и спонсирование корееведения по всему миру, и, конечно, так называемая, корейская волна «Халлю», которая повлекла за собой появление популярной среди молодежи всего мира субкультуры, движимой интересом к современной культуре РК. Таким

образом, не только традиционная, но и популярная культура Кореи становятся неотъемлемой частью ее мягкой силы.

В настоящее время культурный национализм в Южной Корее развивается по вектору – от государства к народу. Государством культивируется сохранение традиций, воспитывается национальная гордость, патриотические чувства, уважительное отношение к символам и ценностям нации. Власти понимают, что именно в духовном, культурном развитии заключается залог единства нации, необходимый для успешного развития как общества, так и страны в целом.

Список литературы

1. *Алимбаева Ж. Н.* Письменность хангыль как основа развития корейской народной культуры [Электронный ресурс]. URL: https://studylib.ru/doc/3840712/pis._mennost._-hangyl._-kak-osnova-razvitiya
2. *Асмолов К. В.* История Кореи. Глава первая, в которой повествуется об истории Кореи «от Тангуна до Тэвонгуна» [Электронный ресурс]. URL: https://koryo-saram.ru/glava-pervaya-v-kotoroj-povestvuetsya-ob-istorii-korei-ot-tanguna-do-tevonguna/ (дата обращения: 06.08.2020)
3. Всемирное наследие ЮНЕСКО в Корее[Электронный ресурс]. URL: https://russian.visitkorea.or.kr/rus/ATT/3_3_view. jsp?cid=2538295
4. *Курбанов С. О.* История Кореи с древности до начала XXI века. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.
5. Обзор культурных и туристических фестивалей в Корее в период 1019–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://russian.visitkorea.or.kr/rus/ ATT/3_5_1_view.jsp?cid=2537939
6. *Симбирцева Т. М.* Памятники Кореи под охраной ЮНЕСКО // Владыки старой Кореи. М., 2012. С. 235–247.
7. *Толстокулаков И. А.* Очерк истории корейской культуры : учеб. пособие. Владивосток : Дальневосточный университет, 2002. 238 с.
8. *신승일*. 아름다운우리한글. 서울. 2006. 118 p.

Cultural Nationalism in the Republic of Korea as a Factor of the Social Cohesion and Country Development[1]

Ekaterina Li, Auna Orsoeva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. In the article culture nationalism is considered as a form of nationalism aimed at the revival and development of the national culture. In South Korea cultural nationalism is supported and cultivated by the government in order to unite the society and develop the country.

Keywords: culture, nation, culture nationalism, social cohesion.

[1] *This work was carried out within the framework of the grant project "Creation of the Center for Korean Studies at the Irkutsk State University" with the support of the Korea Foundation.*

Ли Екатерина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации; Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: trzh@yandex.ru

Орсоева Аюна Александровна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации; Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: orsoeva@inbox.ru

УДК 811.531

Литературные связи России с корейскими государствами

М. В. Солдатова

Военный университет Министерства обороны РФ
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Аннотация. Проводится анализ эволюции литературных связей между Россией и Кореей, начиная с конца XIX в. до начала XXI в. Ключевым тезисом данной работы является утверждение об диспропорциональном характере литературных связей – в Корее с начала XX в. существует стабильный интерес к русской классической литературе, в то время как в России интерес к корейской литературе (преимущественно южнокорейской) на данный момент находится в стадии формирования.

Ключевые слова: переводы корейской литературы, переводы русской литературы, литературные связи.

Можно с уверенностью сказать, что переводная литература играет важную роль в межкультурной коммуникации. Знакомство с художественной культурой другого народа зачастую способствует развитию глубокого интереса к нему.

Непосредственные контакты русской и корейской культур друг с другом стали возможны по установлении в 1884 г. дипломатических отношений между нашими странами.

На рубеже XIX–XX вв. литературы России и Кореи находились на разных этапах развития. Русские читатели начали знакомство с корейской литературой с «Повести о Чхунхян» и сказок, записанных осенью 1989 г. Н. Г. Гариным-Михайловским, а корейские читатели с русской литературой – с произведений И. С. Тургенева, Л. Н. Толсто-

го, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, переведенных в начале XX в. на корейский язык с японского. В результате аннексии Кореи Японией культурный обмен между нашими странами оказался затруднен, и произведения, написанные корейскими писателями в колониальный период, попали в Россию только после освобождения Корейского полуострова, между тем как многие из них были написаны под влиянием творчества русских писателей-реалистов второй половины XIX в. В то же время победа Октябрьской революции в России обусловила увлечение целого ряда корейских литераторов социалистическими идеями, а развитие социалистического реализма в России способствовало возникновению аналогичной тенденции в Корее. То есть, литературные связи между Россией и Кореей в первой половине XX в. носили несколько односторонний характер.

После окончания Второй мировой войны и разделения Корейского полуострова в СССР стало уделяться пристальное внимание литературе дружественной КНДР и пролетарской литературе колониального периода как ее предшественнице, а также классической корейской литературе. В эпоху СССР на русский язык были переведены с ханмуна и с корейского языка многие важнейшие памятники традиционной литературы Кореи.

Незадолго до распада СССР, в 1990 г. были установлены дипломатические отношения между нашей страной и Республикой Корея. Под воздействием политико-экономических факторов в России произошел всплеск интереса переводчиков и издательств к литературе РК при практически полном угасании интереса к литературе КНДР. Интерес же читателей к корейской литературе растет, к сожалению, не так быстро, как хотелось бы специалистам по корейской литературе. И в Корее русские писатели XIX в. известны гораздо больше, чем современные, хотя на корейский язык переведены произведения большинства заметных русских писателей и многих поэтов XX–XXI в.

Literary Relations between Russia and the Korean States

Maria Soldatova

Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. Direct contacts between Russian and Korean cultures became possible after the establishment of diplomatic relations between two countries in 1884. At that time, the literatures of Russia and Korea were at different stages of development. Literary relations between Russia and Korea in the first half of the 20th century remained one-sided. Korean readers began their acquaintance with Russian literature from the works of Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky, Chekhov, translated into Korean from Japa-

nese. After the socialist revolution in Russia a number of Korean writers became influenced by socialist ideas.

Nowadays, you can read in Korean translation the works of almost all significant Russian writers and poets, but the classics of the second half of the 19th century are still the most popular among Koreans.

After the liberation and division of the Korean Peninsula, in the USSR attention was paid to the literature of the DPRK and proletarian literature of the colonial period as its predecessor, as well as to the classical Korean literature. In the USSR many of the most important classical works were translated into Russian from Classical Chinese and Korean.

With the collapse of the USSR, translators and publishers in our country forgot completely about the literature of the DPRK and started paying interest to the literature of the RK.

Keywords: Russian literature, Korean literature, literary relations.

Солдатова Мария Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дальневосточных языков, Военный университет Министерства обороны РФ; Российский государственный гуманитарный университет; Москва, Россия; e-mail: maria_soldatova@hotmail.com

УДК 929+94

A Study on Jo Gi-cheon – Focusing on the Life of the Person

Han Seung Hee

National Institute of Korean Language
Seoul, Republic of Korea

Abstract. The article touches upon the poet Jo Gi-Cheon From the perspective of acceptance history of Korean literature translation publishing in Russia and the Bilateral exchange.

Keywords: Jo Gi-cheon, translation and publication of Korean literature in Russia, Diaspora, The Soviet Union, The North Korea, exchange.

This study examines the life of Jo Gi-Cheon, the most translated and published Korean literature in Russia in the 1950s. This study is part of a work to investigate the history of Korean literature acceptance in Russia. The works of Korean writers were translated and published in Russia from the 1950s. During this period, exchange with the Soviet Union and South Korea interrupted and the situation of Korean literature could only be known through North Korea.

Jo Gi-cheon was born in Russia and was forced to move to Kazakhstan by Stalin's national policy. The diaspora consciousness, which was

based on his identity, had a great influence on his life and work. He was a diaspora went through a period of turbulence such as the collapse of the Russian Empire, the formation of the Soviet government, and the formation of the North Korean government. After the independence of the Korea, he entered North Korea as a Soviet military, and killed by a bomb while in the spotlight at the top of the North Korean literary world. He went through both countries: the Soviet Union during the Stalin era and the North Korea during the Kim Il-sung era. He was influenced by poets Jo Myung-hee and Mayakovsky. He lived crossing life the Korean and the Russian cultures and comprehensively melted his thoughts and experiences in poetry. In his poem Baekdusan, his literary thoughts on the Soviet Union and North Korea are compiled. If Garin Mikhailovsky's [book of traditional Korean fairy tales = Корейские сказки, записанные осенью] is the first Russian translation of Korean literature, The collection of poetry [Baekdusan=Пектусан] is the first Korean contemporary literature to be officially published and translated into Russian. Fluently speaking Russian, he translated Russian literature in North Korea as well, also his poems were published in Russia by the translation of Alexandre Gitovicza.

He and his works influenced the mutual exchange between the Russia and the North Korea. In this study, I would like to see Jo Gi-cheon as a human being who crosses the border between the Soviet Union and the North Korea. Jo Gi-cheon is an important person at the starting point in the transition of Korean literature acceptance in Russia. Researching about his life will have an effect of expanding the history of Korean literature in Russia.

Исследование деятельности Чо Гичхона
через анализ личности и жизни поэта

Хан Сынхи

Национальный институт корейского языка, Сеул, Республика Корея

Аннотация. Рассматривается деятельность поэта Чо Гичхона с точки зрения истории перевода корейской литературы на русский язык, публикации ее в России и истории двустороннего обмена.

Ключевые слова: Чо Гичхон, перевод и публикация корейской литературы в России, диаспора, Советский Союз, Северная Корея, обмен.

Han Seung Hee, Doctor Course Completion, National Institute of Korean Language; Seoul, Republic of Korea; e-mail: pencase7@naver.com